

ЖУРНАЛ «ЛЕХАИМ»

АПРЕЛЬ
2006

НИСАН
5766

№4 (168)

СВЕТИТЬ – ДОЛГ МАЯКА

*Ἰάεεε ἃείῤῥάε ἰδέοαε ἃ ἀάίε, ἰῶνι ἰ ἃ εἰάεἰάο ἀεῶεοἰῶ, εἰ ἰῖῶῖῥεεε εἰεἰ ἃ ἰεεεεἰἰ
 ἃἰεεἰῶἰἃ «Ἄῦ ἢῶῶἰ ἰῦε ἃείῤῥάε, – εἰἃἃῶῶ ἃείῤῥάε ἀεῶεοἰῶ, – ἰάεεεε ἃῦ ἃῶἰ ἃῶῶ, ἃῶἰ ῥ ἃἃἰ ἃἃἰῦε
 ὀἰἰ ἃ, εἰἃ ἢἃἃῶῶἰ ἰἰ ἰἃ εἰἃῖῖ?» «Ἄἃ ἃῶἰ εἰἃ ῥῶἰ ὀἃεἰἃ?» – ἃἰεἰ ὀἰἃῶῶῖῖῖ εεεἃἰ ὀ. – Ἄ ἃἃἰεἃ ἰἃἰ ῶἰ ὀεἃ
 ἰ ἰἃ ἢεἃεεε, ἃῶἰ ἰῶεῶῶῖῖ ἰ ἃἰ ῥ εἰἃῖῖ ὀ ἰῖῶἰ ὀ ἃἃεἃ ἢῶἃ ἃἰεεἰῶἰἃ ἃ ἃἰεἃ ἰἃ ἃἃῶῶ. εἰἃῖῖ ἰ ἃἰ ῥ – ἰἃ
 ἃῖῖῖ, ἰἃ εἰἃῖῖῖ – ὀἰεἃ ἰἃ ἃῖῖῖ. Ὀἃε εἃε εἰἃ ἰ ἰἃ ἰῖεῶῶῶῶῶ ἰεεεεἰἰ ἃἰεεἰῶἰἃ?»*

Как всякий анекдот, эта история не просто повод посмеяться – у нее есть глубинный смысл, достаточно серьезный. На каждом человеке лежит ответственность, и он не должен рассчитывать на то, что, если его не знают, то на него прольются всякие блага.

Какое это имеет отношение к евреям? Мне нередко приходится слышать – причем от самих евреев – дескать, лучше бы нам «не высовываться», мы якобы «сами играем на руку антисемитам», когда резко реагируем на любое проявление несправедливости в отношении евреев, отрицание Холокоста или дискуссию о праве на существование еврейского государства.

Однако жизнь учит нас, что евреи остаются в центре внимания вне зависимости от того, имеют они какое-то отношение к событиям или нет. Классический пример – недавний «карикатурный скандал». Вот уж точно история, не имеющая никакого отношения к евреям: карикатуры на Мухаммеда опубликовала датская газета, в составе которой ни одного еврея, авторы карикатур тоже все, как один, неевреи. И что получилось? По десяткам стран Азии и Африки прокатилась волна демонстраций, участники которых жгли израильские флаги и скандировали антисемитские лозунги. А правитель Ирана «в ответ» распорядился начать публиковать карикатуры «на Холокост».

Далее. Что произошло, когда возникли трения между мировым сообществом и иранским режимом в связи с планами Ирана проводить работы по обогащению урана? Противниками официального Тегерана выступили США, Евросоюз и МАГАТЭ. Как же отреагировал иранский правитель Ахмадинежад? Первым делом призвал уничтожить Израиль, потом предложил «перенести» еврейское государство в Европу и, наконец, заявил, что Холокост – выдумка.

Так что имеем мы отношение к событиям или не имеем, ведем мы себя активно или «сидим тихо», всё равно получится так, что евреев к любой истории «пристегнут». Не надо рассчитывать, что если нас «не будут знать», то оставят в покое. Мы и сами не вправе оставаться в покое. Потому что Б-г распорядился иначе. Б-г выбрал нас из всех народов, чтобы мы несли в мир слово Его и закон Его. Б-г постановил: евреи должны быть «ор лаамим» – «светом для народов». Это не значит, что мы «лучше других»: если рядом стоят маяк и фабрика, ни одно из этих зданий не «лучше» и не «хуже», каждое делает свое дело. Долг маяка – светить. Если маяк не работает – и корабль утонет, и само здание маяка рано или поздно разрушится.

Мы не можем рассчитывать, что те или иные наши действия останутся без последствий – не только для нас самих, но и для других. Вот сейчас террористическая группировка «Хамас» выиграла демократические выборы, и никто в мире не знает, что теперь делать: с одной стороны, это классические террористы, с другой – за них проголосовали почти две трети палестинских избирателей. Получается, что целый народ в большинстве своем поддерживает террор. И как с таким народом о чем-то договариваться?

А кто-нибудь задумался над тем, почему палестинский народ поддерживает террор? Не потому ли, что сами евреи капитулировали перед террором, отступив из Газы, а теперь отступая из Иудеи и Самарии? Вопрос даже не в том, надо передавать землю палестинцам или не надо. Чего ни в коем случае нельзя было делать, так это отдавать землю в условиях непрекращающегося террора. Евреи могли тешить себя надеждами, что палестинцы «дадут мир в обмен на территории». Но палестинцы – и, кстати, большинство мирового сообщества – поняли пресловутое «одностороннее размежевание» как отступление евреев вследствие продолжающейся вот уже пять лет террористической «интифады». А раз так – следует неизбежный и вполне логичный вывод: террор позволяет добиваться поставленных целей. А раз так – надо больше террора, еще больше террора, надо голосовать за «Хамас» – движение, олицетворяющее террор...

А теперь от частного к общему. Победа «Хамас», ядерные и другие угрозы иранских правителей, сожжение израильских флагов беснующейся толпой из-за «карикатурного скандала» – всё это явления одного ряда. Выступать против нас, требовать нашей гибели будут все, кто против Б-га, против Его закона, Его правды. Б-г дал нам десять заповедей, чтобы мы разнесли их по всему миру, ознакомили с ними все народы. В результате на десяти заповедях основана вся современная цивилизация и мораль, в том числе демократические ценности. Когда какой-нибудь Ахмадинежад требует уничтожить Израиль, когда «Хамас» посылает террористов-самоубийц убивать евреев – они прежде всего выражают свое нежелание жить по законам Б-га, в соответствии с демократическими ценностями и общепризнанной моралью.

Евреи всегда высоко ценили миротворчество, евреи никогда не нападали первыми. Но не дать отпор, когда на тебя нападают, – тем более идти в этом случае на уступки – не миротворчество, а его противоположность. Долг маяка – светить, иначе он никому не нужен. Долг евреев – нести Его правду всем народам. Отказаться от исполнения этого долга мы не вправе. И на любые действия, направленные против правды Б-жьей, мы обязаны реагировать не только максимально жестко, но и максимально публично.

Āḥādī ūé dāḥāī Dīḥē Āādē Ēḥād

ПОСЛАНИЯ ЛЮБАВИЧСКОГО РЕБЕ

Ñ ÑÀÑÈÄÑÊÎ É ÒÎ × ÈÈ ÇÐÁÍ ÈВ

АНТОЛОГИЯ ПРАЗДНИКОВ.

ÑÏ ÑÀÑÈÄÑÊÎ É ÒÎ × ÈÈ ÇÐÁÍ ÈВ

Ï ÆÑÀÕ

× ÆÕÙÐÁ ÈÀÁÁÐВ.

Сказано в Торе, что, когда евреи, преследуемые египетской армией, достигли Красного моря, Моше воскликнул: «Не бойтесь, стойте и смотрите, как Б-г вас спасет сегодня! Ибо египтян, которых вы видите сегодня, не увидите более вовеки. Б-г будет сражаться за вас, а вы молчите!» (Шмойс, 14:13,14). Мехилта в комментарии на этот стих сообщает, что, напуганные преследованием, евреи разделились на четыре группы, каждая из которых по-своему видела выход из сложившейся ситуации. Одна группа призывала: «Давайте бросимся в море, лишь бы вновь не оказаться во власти жестоких египтян». Другая говорила: «Давайте вернемся в Египет и смиримся с уделом рабов». Третья требовала: «Давайте вступим в схватку, сразимся с фараоном и его огромной армией!» Четвертая же группа считала, что единственно правильное в создавшейся ситуации – звать к Б-гу и молить Его о помощи.

Ответ Моше составил две фразы, которые были приведены выше. Тем, кто призывал броситься в море, ответом было: «Стойте и смотрите, как Б-г вас спасет сегодня». Для тех, кто в отчаянье готов был вернуться в Египет, ответ был: «Египтян, которых вы видите сегодня, не увидите более вовеки». Для тех, кто рвался в битву, ответом были слова: «Б-г будет сражаться за вас». Для тех же, кто надеялся отвести опасность, возопив к Б-гу, ответом Моше стало: «А вы молчите».

Так что следовало делать перед лицом опасности? «Скажи сынам Израиля, чтобы они двинулись вперед» (Шмойс, 14:15). Евреи должны были двигаться тем путем, который вел их к Синаю, чтобы получить Тору: именно ради этого Б-г вывел их из Египта. Еще до Исхода Г-сподь говорил Моше: «Когда выведешь этот народ из Египта, вы будете служить Всесильному на этой самой горе!» (Шмойс, 3:12; см. также комментарии Раши на этот стих).

Тора может быть истолкована на нескольких уровнях. Объясняя этот эпизод в соответствии с традицией хасидских толкований, мы должны понять: каждая из четырех линий поведения, избранных народом Израиля, по сути вступает в противоречие с Торой и заповедями. Ибо если еврей принимает идею, не имеющую опоры в Законе, то это знак того, что он всё еще не освободился из египетского плена, не вышел «из земли Египетской». Все эти четыре реакции – по существу, реакции тех, кто уже оставил за спиной физический и «духовный» Египет, но еще не достиг той духовной и физической стадии, когда «расступается Красное море».

Полное духовное освобождение от Египта ведет к тому, что расступается море, согласно словам: «Превратил Он море в сушу» (Теилим, 66:6). А это значит, что Б-жественная мощь, сокрытая в творении – в том «море», которое скрывает свое дно, – выступает, как выступило дно Красного моря, когда «расступились воды». Еврей тогда полностью освобождается от власти Египта, когда его духовное служение дает ему возможность увидеть Б-жественное как нечто, проникающее своим присутствием всё творение. Речь идет не только о том, что мир более не застит собой тот свет, что исходит от Б-жественного, но о том, что человек действительно начинает воспринимать само присутствие Б-жественности в мире.

«ADĪ NĒŌŪNB Ā Ī ĪDĀ»

Четыре группы, о которых идет речь, в свете хасидизма могут рассматриваться как четыре уровня служения Б-гу, явленные в восходящем порядке. Тора дает основания для такого толкования. Первая группа призывала «броситься в море». С их точки зрения, если выпало жить в мире, где фараон и его армия, олицетворяющие собой зло, могут одержать победу, предпочтительнее с этим миром порвать. Тот, кто склоняется к подобной точке зрения, полностью закрывается от мира, от ближних и ввергает себя в пучину моря, в «море» раскаяния, полагая, что тем самым обретет связь с Б-гом. Если апологета подобных взглядов спросить, что же произойдет с миром и ближними, если он отстранится, то этот человек объявит: за последствия ответственности он не несет. Пусть с этой проблемой разбирается другой еврей, и, в конце концов, не нам истолковывать помыслы Б-га, заведомо скрытые от нас (Брохойс, 10а). Оставим всё это воле Б-жьей, считает такой человек. Он вовсе не чувствует себя обязанным спасти мир; все его помыслы сосредоточены на собственной судьбе, а потому он желает броситься в «море» и оградить себя от мира.

В старые добрые времена о человеке, ведущем себя подобным образом, говорили: «праведник в шубе», подразумевая под этими словами праведника, закутавшегося в мех, который греет его одного. Что же до холода, до костей пробирающего других, – так что он может с этим поделаться? Он защищает свою позицию, вопрошая: «Разве мне по силам согреть весь мир?» А попытаться согреть хотя бы еще одного еврея, пару евреев – то есть маленькое пространство мира вокруг – эта задача не для него. Сам вопрос «что он может со всем этим поделаться?» указывает: в силу крайне высокой самооценки, отличающей этого человека, он считает, что ему подобает заниматься лишь делами первостепенной важности. Например, его задача – согреть весь мир... А поскольку это выше его сил, он кутается в «меховую шубу», исполненный довольства собой и ощущения собственной значимости.

«ĀADĪ ŌŌŪNB Ā ĀĀĒĪ ĀŌ»

Несколько более высокая ступень служения Б-гу – «возвращение в Египет». Осознавая, что в намерение Б-га входило сотворить мир таким образом, что Он «образовал ее [землю], чтобы заселить» (Ишаяу, 45:18), и человек должен быть вовлечен в мирские дела, он покорно подчиняется, ибо «не по своей воле ты родился» (Пиркей Овойс, 4:29). Б-гу угодно его существование в этом физическом мире, Б-жественная душа вложена в физическое тело, наделенное еще и животной душой. Поэтому, получив недвусмысленное указание, что от него требуется некое праведное деяние в этом мире, сторонник «возвращения в Египет» исполнит требуемое, – но увидит в этом тяжкую ношу. Он действует без рвения, сам не прилагает каких-либо значительных усилий и не стремится к тому, чтобы духовное очистилось Б-жественным светом. Такой человек лишен инициативы, пыла – он делает что бы то ни было только потому, что его к этому принуждают.

Подобное состояние сродни отчаянию, ощущению тщеты всего и вся. Такой человек полагает, что свершение – не в его силах, он ничего не может поделаться ни с миром, ни с самим собой. Он не может свернуть с проторенной тропы «возвращения в Египет» и подчинения «Египту», материальному миру – в этом его судьба. Подчиняясь Закону, он видит в этом лишь «тяжкую работу» (Шмойс, 1:13). Восходит солнце – он читает Шма, как то делает и праведник, – молится в самое уместное для молитвы время; он читает в должный момент Минха, он произносит необходимые молитвы за трапезой – до и после еды; если он столкнется с кем-то, кто потребует от него благотворительности – он отзовется, если ему скажут о том, что человек нуждается в материальном либо духовном участии – он выполнит то, что от него требуют, ибо есть заповедь: «Люби ближнего своего, как самого себя» (Ваикро, 19:18). Но всё это сделано по принуждению, безжизненно и апатично. Всё воспринимается им как «тяжкая работа»: он подчиняется по необходимости, сдается на милость мира, этого Египта, – полагая, что он-то, сдавшись в плен, не будет рабом...

Подчинение «небесному ярму» в том смысле, в котором подчиняется верный слуга, действительно, лежит в начале того пути, на котором мы служим Б-гу. Изучая Тору и постигая, что через Тору он соединяется с Б-гом, человек может обрести источник интенсивных переживаний, которые должны оформиться в осознание: исполнение Б-жественной воли – не обязанность, а источник радости. Всё это верно в отношении любой заповеди. Так, знание о том, что, взяв шкуру животного и написав на ней слова Торы, мы превращаем шкуру в источник живой связи с Б-гом, а, надевая тфилин на лоб и левую руку, мы исполняем волю Б-га, – должно наполнять нас радостью и ликованием.

Человек должен знать, что каждое изученное им слово Торы и каждая исполненная им заповедь меняют судьбу всего сущего (см.: Рамбам, Законы Тшувы, 3:4), ослабляя власть «Египта» – власть материального в этом мире. А покуда человек охвачен отчаяньем и сокрушается о тщете всего сущего, воспринимает Тору и ее заповеди как тяжкую ношу, которую приходится тащить на себе, не видя в том никакой радости, – он пребывает в состоянии рабства в «земле Египетской».

«אַנְוִי עִוְּא אִיֵּ»

«Вступить в бой с египтянами» – следующий уровень осознания описываемой проблемы, и этот уровень выше, чем два предыдущих. Пусть фараон и его армия подобны тени, наползающей на мир и подминающей всё под себя, еврей, готовый «вступить в бой», не подчиняется власти тьмы: он готов с ней сразиться. Эта реакция – достойней, чем покорность тех, кто думает о возвращении в Египет. Готовый к бою не поддается отчаянью. Напротив, он осознает силу святости, способной победить силы тьмы, а потому готов действовать, взяв инициативу в свои руки и преисполнившись рвения.

Но всякому действию подобает свое время. И если Всесильный повелел сынам Израиля пуститься в путь, чтобы «служить Всесильному на этой самой горе» (Шмойс, 3:12), чтобы получить Тору, то следует стремиться именно к этому и не отвлекаться на сопутствующие обстоятельства, не искать иных путей служения Б-гу. Если задача состоит в том, чтобы озарить мир светом Торы, не подобает это откладывать, даже если причина задержки – бой с Египтом. Напротив, время «двинуться вперед» (Шмойс, 14:15), сделать следующий шаг к получению Торы и заповедей, и не следует вступать в сражение с египтянами.

Очевидно, что, когда Б-г повелел двинуться к Синаю, сражение с армией фараона выглядело как непростительная трата времени и сил – ибо время и силы нужны для путешествия, в конце которого – обретение Торы. Кроме того, сражение неизбежно сопряжено с потерями даже для того, кто одержал в нем победу. И тот, кто стремится послужить Б-гу, вступая в бой со злом, должен об этом помнить. Готовый сражаться не удосуживается спросить Б-га или Моше, Его слугу, нужно ли это именно сейчас. Решение о том, чтобы вступить в бой, принимается самим человеком: это плод его воли или, точнее, своеволия. И вполне может быть, что подобная инициатива в своей основе имеет не приверженность святости, а всего лишь стремление к самоутверждению. Хасидское учение подчеркивает: когда перед человеком стоит выбор, воздействовать на собрата проявлением сочувствия или «войной и враждебностью», лучше выбирать первое, доброжелательное, а не силовое проявление, ибо даже если все усилия, направленные на изменение поведения ближнего, не увенчаются успехом, человек может поставить себе в заслугу исполнение заповеди о любви к ближнему.

«אִיֵּ עִוְּא אִיֵּ עִוְּא»

Четвертый уровень отношения к ситуации, самый высокий из описываемых, – возопить в молитве. В этом случае еврей соединяется с Б-гом и желает исполнить Его волю. Молящийся отказывается от того, чтобы «броситься в море», оградив себя от мира и изолировав от всякого взаимодействия с ним, ибо Б-гу угодно, чтобы мир стал Его обителью. Молящийся отказывается также от «возвращения в Египет»: отвергает отчаянье, ибо всецело доверяется Б-гу и знает, что Его Воля будет исполнена. Молящийся не вступает также в своевольную войну со злом. Но тем самым он не делает попыток действительно изменить мир, предоставив всё воле Б-ждей. Задача в этом случае сводится к тому, чтобы просить Б-га ниспослать необходимую помощь в земных делах, надеясь на Его ответ и на то, что Б-г обернет зло к добру и устроит всё к лучшему.

Хотя молящийся полностью забывает о себе и подчиняется Б-гу, полностью полагается на Него, он всем своим существом верит: от него требуется лишь одно – молиться. Однако это не всегда желанно Б-гу. Человек должен нести свет Б-жественности в мир. И еврей не должен быть самоуверен, он постоянно должен осознавать: все его достижения возможны только лишь благодаря Б-гу, «ибо это Он дал тебе силу приобретать богатство» (Дворим, 8:18). При этом человек должен распорядиться всеми данными ему Б-гом талантами, обратив их на службу Всевышнему.

Еврей соединяется с Б-гом, Который не подчинен законам природы и в Котором противоположности слиты. Но тем самым от каждого еврея требуется два рода духовного служения, противоположных друг другу. С одной стороны, необходимо абсолютное подчинение Б-гу, в основе которого – сознание того, что всё сущее берет в Нем исток. С другой стороны, следует стремиться к тому, чтобы все способности, какие есть у человека, были поставлены на службу Б-гу.

Что касается материальных нужд человека, то в отношении к ним должны соединиться два противоположных подхода: человек должен просто верить, что всё исходит от Б-га, Который абсолютно благ, а потому всё происходящее – во благо. Более того, даже если что-либо предстает как полная противоположность благу, оно всё-таки укоренено в бесконечно благой непостижимой мудрости Б-га, в «мире сокрытого», о котором нашему миру неизвестно.

В то же время вера состоит не в том, чтобы только верить, но и в том, чтобы понимать: Б-г повернет ситуацию к лучшему так, что она явственно предстанет перед человеком как благая. Человек должен доверяться Б-гу даже тогда, когда ситуация предстает в самом мрачном свете, полностью подавляя и лишая человека каких бы то ни было поводов для оптимизма. Еврей верит: необходимая помощь будет ниспослана от Б-га, Он окажет поддержку, ибо нет силы, которая не была бы подчинена Ему.

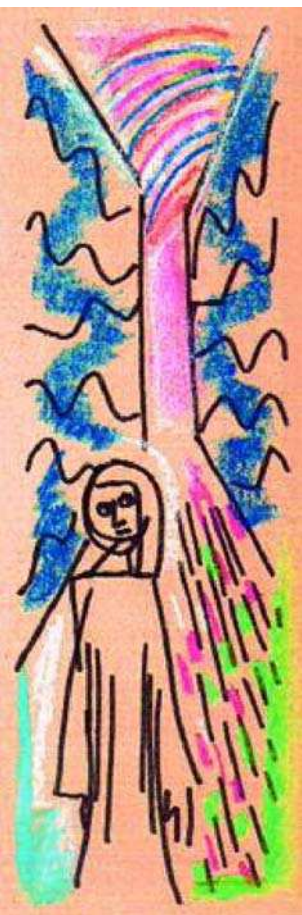
Абсолютная вера в Б-га и приверженность Ему проступают тогда, когда нет ни малейшей надежды, что может прийти помощь. В Книге Иеошуа рассказывается, как Рахав получила уверение в том, что ни ее саму, ни ее домочадцев не тронет армия Израиля, если она привяжет червлёный шнурок к окну своего дома (Иеошуа, 2:18). Красный цвет заметен, но разве можно назвать это верной надеждой: шнурок может порваться, его может унести ветер? Надежда в этом случае тонка и призрачна, как сам шнурок, – но именно тогда, когда ничто не может обещать избавления от напасти, это избавление приходит от Б-га, если только мы доверились Ему всецело.

Имеющий истинную веру, даже оказавшись в «безвыходной» ситуации, не позволит сомнениям и грусти отравить ясность своего духа. Он должен делать всё, что в его силах, что в гармонии с Торой и человеческой логикой, и при этом не давать себе усомниться, что Б-г поможет ему.

Если же на долю человека выпало страдание, «он должен принять его с радостью»: всецело верить, что страдание это – от Б-га, а Он – благ, хотя ум человеческий не способен постичь путей Всевышнего. Вера и доверие должны жить в душе всякого еврея. Эти два разнонаправленных чувства должны жить и в сознании, ибо еврей соединен с Б-гом. И как Б-г соединяет в Себе противоположности, так еврей должен соединять готовность всецело подчиниться Создателю в акте веры и при этом ввериться Ему в надежде на то, что всё разрешится к лучшему. Доверие к Б-гу не противоречит вере в Б-га. Наоборот, доверие – существеннейший компонент веры.

То же самое верно и в отношении духовного служения Б-гу: еврей должен осознавать, что «всё сущее – в руке Небес» (Брохойс, 33б), но при этом стараться служить Создателю со всем напряжением своих сил, вкладывая в это все свои таланты и способности. Напомним, однако, что формула «всё сущее – в руке Небес» заключается словами: «кроме страха Небесного», и они указывают на то, что за страх Б-жий ответственен лишь человек, но даже тут человек не может полагаться на одного себя и зависить от Б-жьей помощи.

Совершенная зависимость от Б-га и приверженность Б-гу, как и сосредоточенные усилия человека, его стремление исполнить Волю Б-га коренятся в Б-жественной душе – той части человека, которая соединяет его с Б-жественным. Как Б-г соединяет в Себе противоположности и над Ним не довлеют законы природы, так еврей может вмещать в себя веру и активное, волевое служение Б-гу. Тем самым подчиненность Творцу и акт человеческой воли не противоречат друг другу, но друг друга дополняют.

ÄÄÈÄÀÒÛÑB ÄÏÄÐÄÄ...

Повеление Б-га, переданное через Моше, гласило: «Скажи сынам Израиля, пусть они двинутся вперед!» (Шмойс, 14:15). Духовное усилие должно быть постоянно направлено на то, чтобы приблизиться к Синаю, а это вовсе не изоляция от мира, не служение, лишённое всякой инициативы, как и не столкновение с миром, в котором человек забывает о своей истинной миссии, это, наконец, не погружение в транс, когда всё оставлено на волю Б-га. Именно эти четыре линии поведения мы видим у сынов Израиля, когда они ждали приближения фараоновых армий на берегу Красного моря. Человек должен служить Б-гу и, двигаясь в этом мире, нести в него свет, чтобы приблизиться к Торе и подвести к ней всё сущее – именно это стоит за словами «пусть они двинутся вперед». Мир продолжает пребывать, но сокрытое «водами моря» явлено, свидетельствуя о власти Б-га в этом мире и Его животворящем дыхании, через которое всё сущее обретает бытие.

Дано это через откровение в Торе, а оно, в свою очередь, является прелюдией к грядущему откровению Мошиаха, когда исполнится цель творения и мир преобразится, став «Его обителью» (Тания, гл. 36).

ДУХОВНОЕ РУКОВОДСТВО К СЧЕТУ ОМЕРА

Nei i Áaeáíámi

Nááíáíy áíeáá, ÷áí eíáá-ééáí, épáé eç náí úó ðáçí úó néíáá íáúááòáá íáóíáíóíy á ííéíeáó óáéé è m úíeá aeçíé. Í áéíóíóúá íáóíáíyò íóááòú á í ááéòáóéé, áóóéá – á éíeáó íí náí íííçíáí ép, á ííeóíóááíéé, ááééáéé, eíáá, áííáíçí íáéíúó ííáééóéó óééííóíééó óá:áí éyó

Í áeáó óáí m óíé áááíyóú áíáé N-áò á íí áðá í íáéíí í óááíóáéóú éáé m óíé áááíyóú óááí á éé:íííóííá óííóá Éáeáúé eç yóéó áíáé íáýçáí m m ááéóé:áíééí è íáéáíóyí è áóóíáíéé íóááú è íóááííeáááó m íóááóíóáíééá óíðáeíáíéy, íáíðáeáííúá íá áííóéáeáíeá ííéíáeéóáéíúó éçí áíáíéé.

Í ííeá áí néó ííó ííóáíóíy á íááááíéé, ÷óí éí:áííúááíéé è íóáááííúé ááí áí áí íóááó íá íáeé áóóíáíúá ííéíeé áúé ááí áíeáá 3300 éáó íáçáá íá áíðá Néíáé. Í áçíáááóíy íí:

ÓÍÐÁ

«Тора» означает «указание». Тора со всеми ее рассказами является, в сущности, историей нашей жизни, духовной схемой, проливающей свет на самые глубинные слои нашей психики, нашей души. Каждое событие в Торе отражает определенный аспект нашей личности. Через мицвоис, заповеди, Тора учит, как нам реализовать себя в соответствии с тем замыслом, по которому мы сотворены Всевышним. Расшифровывая код Торы, мы раскрываем то послание, которое предназначено каждому из нас.

Éáeáíá néíáí Óíóú íáéááááó áéáíééí éé:íííóíúí áóóíáíúí m úíeíí.

Процесс получения Торы на Синае на самом деле начался за сорок девять дней до ее дарования – с исходом из Египта. Эти сорок девять дней имеют традиционное название – Счет омера.

В книге Ваикро (23:15) сказано: «И отсчитайте себе... от дня приношения вами омера возношения». Омер – это мера объема, равная 3,87 дм³. Евреи приносили омер ячменя начиная с минхи, послеполуденного приношения, второго дня праздника Пейсах. После приношения евреи считали каждый день семи недель – сорок девять дней, – после чего на пятидесятый день праздновался Швуэс, день Дарования Торы на горе Синай.

Даже после разрушения первого и второго Храмов, в которых и происходило приношение омера, традиция Счета омера сохранилась. Начиная со второй пасхальной ночи мы считаем в возрастающей последовательности каждый из сорока девяти дней.

В конце вечерней молитвы в эти дни мы произносим благословение и называем, каким будет по счету начавшийся только что день. Сорок девять дней символизируют терпеливое ожидание еврейми получения Торы в праздник Швуэс.

В чем же смысл отсчета сорока девяти дней и как это связано с ожиданием и подготовкой к получению Торы? Какое отношение этот отсчет имеет к нам сегодня и как его можно применить к исследованию глубинных аспектов нашей души?

Ответ на эти вопросы кроется в более глубоком понимании исхода еврейского народа из Египта. Слово «Мицраим» («Египет» на иврите) буквально означает «границы, ограничения» и подразумевает все формы подчинения, жесткой определенности, которые ограничивают, подавляют наше свободное движение и самовыражение или препятствуют ему. Таким образом, уход из Египта означает освобождение от ограничений. После исхода из Египта евреи провели сорок девять дней в пустыне в духовной подготовке к самому значительному событию всех времен – Дарованию Торы Моше и еврейскому народу на горе Синай.

Этот сорокадевятидневный период был периодом интенсивного совершенствования нравственных свойств. В течение сорока девяти дней евреи взбирались ступень за ступенью вверх по эмоциональной лестнице к духовной чистоте. Этот период очищения настолько же необходим в современной жизни, насколько он был необходим более 3000 лет назад. Точно так же, как мы были рабами в Египте, мы можем быть в плену собственной личности, подчиняясь силам, которые представляются нам неподвластными.

Сорок девять дней Счета омера учат нас, как овладеть собственными эмоциями, как постепенно изменить и улучшить нравственные качества, следуя по пути, основанному на вечной истине Торы.

После сорокадевятидневного периода мы подходим к пятидесятому дню, Матан Тора (Дарование Торы), полностью обновившись внутренне благодаря переоценке и развитию каждого из наших сорока девяти качеств. В чем смысл пятидесятого дня, Матан Тора? В этот день мы отмечаем праздник Швуэс. После того как мы сделали всё, что могли сделать собственными силами, мы заслужили дар «матан» Свыше, обрести который было бы невозможно, опираясь на наши ограниченные возможности. Мы получаем способность соприкоснуться с Б-жественным; стать не просто гармоничными людьми, развившими свои личностные качества, а людьми Б-жественными, способными к самовыражению, выходящему за пределы и ограничения нашего бытия.

Счет омера, последовавший за исходом из Египта, – это традиция, которой мы должны придерживаться постоянно – чтобы достичь личностной свободы.

Yi ioeiiaei uá nãeño ãã N: aò à ìì ãðã

На иврите Счет омера – «сфирас а-омер». Ивритское слово «сфирас» имеет несколько значений. Знаменитый кабалист Рамак (рабби Моше Кордоверо, ум. 1570) в своем монументальном труде Пардес пишет, что это слово родственно словам «миспар» («число») и «сипур» («рассказ»). Третье родственное слово – «сапир» («сапфир») – прозрачный, ярко сияющий кристалл.

Счет омера охватывает различные аспекты эмоциональной жизни. Весь спектр человеческих переживаний делится на семь качеств, или эмоций, каждое из которых подразделяется, в свою очередь, также на семь. Таким образом, получается сорок девять качеств.

Èãããùé äãí ü èì äãð ìããñããí íãã ì ðããíãçíã:ãíéãã Äãí ü - ýòí ì ìòíé óíéããüííé ýíãðãé, ìãéããùããé, éíããã ìíãã äãããð óéíãããíã è ìãí ðããããíã à ìí ìí ðãããããí ìíí óéãíãéó:ãéíããíããéíãã.

Каждый из сорока девяти дней посвящен одному из сорока девяти качеств. Таким образом, энергия каждого дня предназначена для изучения и очищения соответствующего качества. После улучшения всех сорока девяти свойств мы будем готовы к Дарованию Торы, поскольку теперь мы пребываем в гармонии с сорока девятью Б-жественными свойствами, от которых происходят свойства человеческие.

Ниже следует описание семи эмоциональных свойств, в различных комбинациях составляющих сорок девять качеств, которые необходимо развить в течение этого периода.

Óããã: Èããíãý Äíãðíòã, Äéããòãíðéòãéüííòüí

Äãðã: Í ðããíñããéã Äéññéíééíã, Íãðãíé:ãíéã, Óðãíãð.

Ðéòããíã: Èðãñíòã è Äãðí ìíéý, Ñíñò ðãããíéã

Íãðã: Í ìñòíýííòãí, Ñòíééííòü, Óãéãñíòããí éãííòüí

Íéã: Ñéðíí ìíñòü Äãééíéãíéã

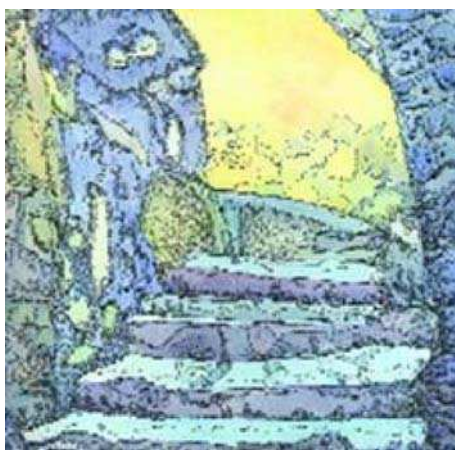
Èãñã: Äãéíãíéã, Íñííããíéã

Íãéóãí: Óãðíéíãã ãíñòíéííòãí, Ñóããããí ìíñòü, Èéããðíòãí.

В течение сорокадевятидневного периода Счета омера идет отсчет дней и недель. Каждая неделя представляет определенное свойство, и каждый день недели представляет определенный аспект данного атрибута. Поскольку полноценные эмоции многогранны, они включают в себя спектр всех семи свойств.

Например, первая неделя Счета омера посвящена Хеседу – свойству Любви и Доброты. В первый день первой недели мы имеем дело с Хеседом в Хеседе – аспектом Любви в свойстве Любви. Во второй день первой недели мы сосредотачиваемся на Гвуре в Хеседе – аспекте ограничения в свойстве Любви. В третий день – на Тиферес в Хеседе – аспект Гармонии в свойстве Любви. И так далее для всех последующих дней.

Такой каждодневный анализ позволяет нам объективно взглянуть на наши эмоции. Видение их сильных и слабых сторон в свою очередь позволяет нам развивать и совершенствовать эти чувства по мере продвижения к эмоциональной и духовной зрелости.

יְאֵדָאֵי יְאֵדָאֵי: אֵינִי

עֲבָרַיִי אֵינִי אֵינִי, אֵינִי אֵינִי אֵינִי אֵינִי

Любовь – это ни с чем не сравнимый, мощный и необходимый компонент жизни. Любовь – фундамент всех человеческих отношений. Она является одновременно и дающей, и получающей. Любовь помогает преодолеть внутренние ограничения и почувствовать другого человека, вместе с тем позволяя ему чувствовать вас. Это тот инструмент, с помощью которого мы учимся переживать высшую реальность – Бога.

עֲבָרַיִי – יוֹרֵי יְדָאֵי עֵאֵלָא יְדָאֵי עֵ: אֵי עֵ.

אֵי אֵי יְדָאֵי עֵ. אֵינִי אֵינִי

עֲבָרַיִי אֵי עֲבָאֵי

נֵאֵרַיִי יְדָאֵי עֵ אֵי אֵי יֵי אֵדָא

Изучите «любящий» аспект Любви – ее выражение, степень ее интенсивности. В сердце каждого есть способность любить. Вопрос: проявляется ли она, и если да, то каким образом?

Задайте себе вопрос:

Что представляет собой моя способность любить другого?

Способен ли я отдавать? Эгоистичен ли я?

Сложно ли мне пустить кого-то в мою жизнь?

Есть ли у меня место для другого?

Хочу ли я, чтобы это место оставалось?

Не боюсь ли я оказаться уязвимым?

Как я выражаю любовь?

Способен ли я выразить свои истинные чувства?

Не избегаю ли я выражения своей любви, опасаясь реакции другого?

А может, наоборот – не выражаю ли я слишком много слишком рано?

Может быть, другие неправильно понимают, что я имею в виду?

Кого я люблю?

Не люблю ли я только тех, с кем я близок и кому близок я?

Есть ли у меня способность любить незнакомца? Протянуть руку помощи человеку, которого я не знаю?

Не выражаю ли я любовь, лишь когда это удобно?

Почему у меня есть проблемы с любовью и что я могу с этим сделать?

Включает ли моя любовь остальные шесть аспектов Хеседа, без которых она бы разрушилась и не смогла бы по-настоящему реализоваться?

Ḥāḥāī ēā ī à āāī ū

Ī āēāēōā ī īāīē īīā āī dāqēōūīāīp ēpāīāīāīōīāīō āēy āāī-āēīāīēō

Áái ü ò òí ò é. Ááòá á Óáííá

Áεííéíá á Éράáε

Νάíáí ü ò òí ò é áái ü íí áά

Здоровая любовь всегда включает элемент дисциплины – определенную степень дистанции и уважения к другому, оценку способности другого человека вместить вашу любовь. Любовь должна быть соответствующим образом умерена и направлена. Спросите родителя, который из любви испортил своего ребенка, или человека, который душит своей любовью партнера, не давая ему вздохнуть. Любовь требует сдерживания, чтобы из-за нее плохое поведение не входило в норму.

Достаточно ли дисциплинирована моя любовь?

Не пользуются ли другие моей склонностью к отдаче?

Не приношу ли я вред другим своей чрезмерной любовью?

Не врежу ли я своим детям, навязывая им свою систему ценностей из любви к ним?

Уважаю ли я того, кого люблю, или моя любовь эгоистична?

Прислушиваюсь ли я к его или ее чувствам и желаниям?

Не воспринимаю ли я любимого человека как продолжение самого себя и своих потребностей?

Принимаю ли я во внимание способность моего партнера принять мою любовь, прежде чем я даю ее?

Должным ли образом я даю свою любовь?

Дождь – это благословение лишь потому, что падает каплями, а не затопляет поля.

Задание на день:

Помогите другим так, как им это нужно. Им, а не вам. Приспособьтесь к их нуждам – даже если это потребует от вас усилий.

Áái ü ò òí ò é. Óεóάííá á Óáííá

Νίíò ðááí éá Áάðí íí éý á Éράάε

Νάíáí ü ò òí ò é áái ü íí áά

Гармония в любви сочетает аспекты Хесед и Гвура в Любви. Гармоничная любовь включает сочувствие и сострадание. Любовь часто подразумевает ожидание ответной любви. Сострадающая любовь дается без ожидания чего-либо взамен. Тиферес – это отдача также и тому, кто обидел вас. Она признает дисциплину Гвуры, но тем не менее призывает к сострадающей любви ко всем.

Çááí éá í á áái ü

Í ðááí éá è ò á ðéó íí íúè í áí áéíí óá

Áái ü :- àò ááðò úé. Í áöáò á Óáííáá

Í áñò íé :- éáííòü á Èáááè

Ñáááíý :- àò ááðò úé áái ü ñí áðà

Постоянна ли моя любовь?

Выдерживает ли она испытания и разочарования?

Не получается ли, что моя любовь зависит от настроения? Или она постоянна, независима от жизненных подъемов и спадов?

Хочу ли я совершенствовать свои взаимоотношения и бороться за свою любовь?

Проявляю ли я стойкость в любви?

Стоек ли я в хорошие времена так же, как и в плохие?

Задание на день:

Убедите любимого человека в постоянстве вашей любви.

Áái ü í ýòúé. Í éá á Óáííáá

Ñí éðáí éá á Èáááè

Ñáááíý í ýòúé áái ü ñí áðà

Порой вы можете оказаться в тупике, когда вы неспособны простить любимого человека, проявить гибкость. Ойд привносит в любовь смирение – способность преодолеть себя и простить или уступить тому, кого вы любите, – ради самой любви, даже если вы уверены в своей правоте на все сто процентов. Высокомерная любовь – любовь ненастоящая.

Делает ли меня любовь смиренным?

Высокомерен ли я, несмотря на то, что способен любить? Или иногда из-за этого?

Осознаю ли я, что способность любить происходит Свыше – от Б-га?

Зная, что любовь – от Б-га, являюсь ли я смиренным в любви, осознавая, что она – великий дар?

Осознаю ли я, что, любя, я получаю больше, чем даю?

Признателен ли я за это моему любимому человеку?

Çáááí éá í à áái ü

подавите свою гордыню и помиритесь с любимым человеком, если поссорились с ним.

Ááí ü öáñò íé. Éáñá á Óáñáá

Ááéí áí éá á Éþááé

Ñáñáí ý öáñò íé ááí ü ñí áðà

Для того чтобы любовь стала вечной, она требует единения – чувства общности, приложения совместных усилий. Вечная любовь требует тесной связи, родства и привязанности на благо обоим. Такое единение приносит плоды – плоды, которые возвращаются в здоровом союзе.

Çáááí éá í á ááí ü

Í á: í é ò á ñ çáááá ò ü ÷ ò í ÷ ò í ç í á: é ò á á ü í í á áí áñ ò á ñ é þ á é í ü í ÷ á é í á á é í í .

Ááí ü ñáüñ í é. Í á é ö áñ á Óáñáá

Óáðñé í á áñ ò í é í ñ ò á í á Éþááé

Ñáñáí ý ñáüñ í é ááí ü

ò í áñ ò ü í á í á í á á á é ý, ñ í áðà

Зрелая любовь дарит ощущение личного достоинства, благородства и царского достоинства. Это позволяет осознавать свое особое место и роль в этом мире. Всякая любовь, которая деморализует и разрушает человеческий дух, вовсе не является любовью. Чтобы любовь была совершенной, она должна обладать независимостью, должна преобладать над силами, отвлекающими от подлинной любви.

Çáááí éá í á ááí ü

Áü á á é é ò á á á ò á é é þ á á é ò í, ÷ ò í ó é ð á ü é é í á á ò á á ü é í á í áñ ò é é í á é ç í ü é - í ð á ç á í ó é ò á í

Á ò í ð á ý í á á á é ý: Á á ò á

Í ð á á í ñ á é á á é ñ é í é é í á, í á í á í é: á í é á ò ð á í á ò

Если Любовь (Хесед) – это основа основ всех человеческих проявлений, то Дисциплина (Гвура) – это тот канал, через который мы выражаем любовь. Гвура делает нашу жизнь и нашу любовь целенаправленными. Сила лазерного луча заключается в том, что он фокусирует и концентрирует свет в одном направлении, в отличие от рассеянного света, распространяющегося повсюду. Так же и Гвура – Дисциплина и Мера – концентрирует и направляет наши усилия, нашу любовь в нужном направлении.

Еще один аспект Гвура – Почтение и Трепет.

Здоровая любовь подразумевает почтение к тому, кого мы любим.

Ááí ü í áðáíé. Óáííí á Ááóóá

Épáíáü á Áéññéí ééí á

Ñáá áíü áíííí íé ááí ü, òí áíóü íáí á í áááéü é í áéí ááí ü, íí áðá

Любовь – это те цель и мотив, которые лежат в основе дисциплины. Мы устанавливаем стандарты, соизмеряем с ними свое поведение и ожидаем от других того же – только из любви. Даже правосудие по отношению к виновному является выражением любви. Иными словами, наказание – это не месть. Это другой способ выражения любви через ликвидацию всего, что противоположно любви. Терпимость к людям нельзя пугать с терпимостью к их поведению. И напротив: любовь к людям подразумевает желание, чтобы они были как можно лучше, и, следовательно, помощь в том, чтобы они осознавали, когда их поведение несовершенно.

Хесед Гвуры – это Любовь в Дисциплине; осознание той сущностной любви, которая лежит в основе дисциплины и правосудия. Это признание того, что ваша собственная дисциплина и дисциплина, которой вы ожидаете от окружающих, являются лишь выражением любви. Это понимание того, что у нас нет права судить других, – у нас есть лишь право любить их, и это включает в себя желание, чтобы они были как можно лучше.

Задайте себе вопрос:

Когда я осуждаю и критикую другого, нет ли в этом отчасти и моего собственного неуважения и раздражения?

Не кроется ли в этом мое удовлетворение его неудачей?

Продиктовано ли это лишь любовью к нему?

Çááí é á í á ááí ü

Прежде чем критиковать кого-нибудь сегодня, дважды подумайте – продиктовано ли это лишь заботой о нем и любовью?

Ááí ü áò í òíé. Ááóóá á Ááóóá

Áéññéí ééí á á Áéññéí ééí á

Ñáá áíü áááü ó üé ááí ü, òí áíóü íáí á í áááéü é ááá áíü, íí áðá

Исследуйте дисциплинирующий фактор в дисциплине:

Имеет ли моя дисциплина разумные ограничения или является чрезмерной?

Достаточно ли дисциплины в моей жизни и в моей деятельности?

Организован ли я?

Эффективно ли я использую свое время?

Какие у меня проблемы с дисциплиной и что я могу сделать, чтобы их решить?

Отвою ли я каждый день время, чтобы подвести итоги дня – что выполнено из запланированного?

Включает ли моя дисциплина остальные шесть эмоциональных аспектов, без которых она не может быть эффективной и здоровой?

Ḥāāī ēā īā āāī ū

Ḍāḥāāī ḥōāēōā āāōāēū ū ē īēāī īā āāī ū ē ā ēīīōā āī ū īīḡ ḥōḥēōā, ēāē āī āāī ḥāēēēīāēē.

Āāī ū ḥōḥēōē. Ḑē ḥōḥāī ā Āāōā

Ŋīḡō ḥāāī ēā ā Āēḡēī ēēī ā

Ŋāā āī ū āāī ū ē āāī ū, ḥī āī ū īāī ā īāāē ū ē ḥōḥē āī ū, īī āāī

В основе дисциплины должна лежать не только любовь, но и сострадание. Любовь происходит от признания заслуг и положительных качеств другого человека, а дисциплина упорядочивает эти сильные стороны, отмечая недостатки.

Сострадание – это безусловная любовь. Это любовь ради нее самой, вне зависимости от положения другого. Тиферес является результатом полного самоотречения перед Всевышним. Вы любите без всяких на то причин. Вы любите, потому что вы – отражение Б-га.

Содержит ли моя дисциплина этот элемент сострадания?

Ḥāāī ēā īā āāī ū

Āāī ū ā ḡīḡō ḥāāī ḥōḥēōē ū ē āēīāēē, ēī ḥōḥāī ḥī ḥāēāōā

Āāī ū ḥōḥēōē. Ī āāō ā Āāōā

Ī āī ḥōḥē ēāī ū ā Āēḡēī ēēī ā

Ŋāā āī ū īāēī īāāōā ḥōḥēōē āāī ū, ḥī āī ū īāī ā īāāē ū ē ḥōḥēōē āī ū, īī āāī

Эффективная дисциплина должна обладать постоянством и последовательностью.

Является ли моя дисциплина последовательной или подчиняется силе обстоятельств?

Подхожу ли я ко всему на основе требований дисциплины?

Не воспринимают ли меня другие как не очень дисциплинированного человека?

Ḥāāī ēā īā āāī ū

Ḑāḡī ḥīḡō ḥāī ēōā īēāī, ēī ḥōḥēōē āī ḡīāēē āē ū ḥōḥāī āī ū, īā āī ēāā ī ḥōḥēōē ḥōḥēōē ū ē īāēīā. Ī ḥī ḥōḥēōē āēēēī ēā ē āāēī ēā ūāē. Āī ḥāḥāī āēōāī ē īēāī ḥōḥēōē āāī āēāī āāī ē īīḡ ḥōḥēōē, īāēī ēēī āī īīḡō ūī ū ē īīḡāī ḥōḥēōē ū.

Áái üíγòúé. Í éá á Ááòá

Ñi éðáí éá á Áεπñéí ééí á

Ñáñáíγ ááí ááòáòúé ááí ü, òí áñòü íáí á í ááíéγ è íγòü áí áé, ïí áðá

Совершенно очевидно, к чему могут привести суровость и могущество без смирения. Самые крупные катастрофы происходили из-за высокомерного осуждения людьми друг друга.

Являюсь ли я высокомерным во имя справедливости (во имя того, что я считаю справедливостью)?

Не приходит ли мне подчас в голову, что я вершу правосудие над подчиненными со своего высокого пьедестала?

А над детьми? Учениками?

Судья должен быть самым смиренным из творений, осознавая, что занимает эту позицию не благодаря своим заслугам, а лишь поскольку Всевышний дал ему право судить Его детей.

Çááí éá í á ááí ü

Í ðáεáá :-áí ñúèòü éíáí áü òí íé áúéí, ááíñòí ááòü ááí á í òñòñò áéè γáéñòè :-íüó
í í ðéáí á

Áái ü εáñò íé. Éáñá á Ááòá

Ááéí áí éá á Áεπñéí ééí á

Ñáñáíγ ò ðéí ááòáòúé ááí ü, òí áñòü íáí á í ááíéγ è εáñòü áí áé, ïí áðá

Чтобы дисциплина была эффективной, необходимо, чтобы она была объединена с готовностью посвятить себя другим и связью с ними.

И в строгости по отношению к себе, и в строгости по отношению к другим необходимо чувствовать, что дисциплина важна для укрепления связи. Не «я дисциплинирую тебя», а «мы вместе это делаем на общее благо».

Çááí éá í á ááí ü

Í íéáεéòá ñáíáí ó ðáááí éó èéè ó :-áí ééé :-òí áεπñéí ééí á - γòí áñðáεáí éá óéðáí éáí éγ
ááεáé ñáγçè è í ðáááí íñòè áðá áðáí

Áái ü ñááü íé. Í áεòñ á Ááòá

Óáðñéí á áñò íé í ñó áí á Áεπñéí ééí á

Ñáñáíγ :-áòü ðí ááòáòúé ááí ü, òí áñòü ááí í áááéè, ïí áðá

Величественность, как и любовь, должна повышать человеческое достоинство (см. Первая неделя, День седьмой). Дисциплина, которая деморализует, оказывает обратное действие. Здоровая дисциплина поддерживает самооценку и помогает проявить лучшие качества в человеке, развивая его независимость. При этом и сама дисциплина укрепляется.

Не калечит ли моя дисциплина человеческий дух?

Ослабляет ли она меня или укрепляет?

Cääi èá í à äáí ü

Äeméí èéí èðý àòáá äääí èá èèè ó-áí èè, óèääí èòá áá íáí íóääéáí èá

Í õí áí èéáí èá íèääóò

НЕПРИЯТНЫЙ ВКУС

Леонид Радзиховский

Вот, пожалуй, и всё, что осталось от визита «Хамас».

О политическом значении написано уже много, поэтому скажу совсем кратко.

Да, весьма вероятно, что «жизнь заставит» «Хамас» повторить путь своих предшественников, террористов из «Фатх»: на словах признать Израиль и даже отказаться от террора, а на деле продолжать всё это, как продолжал Арафат (правда, на сей раз на Нобелевскую премию едва ли придется рассчитывать). Кстати, поэтому многие в Израиле считают, что «Хамас» для них даже выгоднее, чем «Фатх», – содержание всё равно примерно то же, а обертка всё-таки другая. Поэтому на Израиль меньше давят (пока, во всяком случае) американские и европейские политики с требованием «уступок “Хамас”».

Впрочем, для «Хамас» совершить сальто-мортале из террористов в «мирных политиков» будет, наверное, крайне сложно: Арафат, какой бы он там ни был, имел высокий личный авторитет и потому мог вертеть палестинцами, как считал нужным. У лидеров «Хамас» такого авторитета нет, поэтому им будет труднее объяснить народу свой «оппортунизм».

С другой стороны, «голубиный “Хамас”» не нужен их главным покровителям и спонсорам – Ирану, который клянется освободить Палестину от Израиля, сбросив атомную бомбу на Израиль... а заодно и на Палестину.

Во всяком случае, если даже, перефразируя народную песню, «воровка всё же станет прачкой», «Хамас» на это перерождение потребуется долгое время. И уж точно это не произойдет под влиянием визита в Москву – да на это никто, собственно, и не рассчитывал.

Россия вовсе не добивалась коренного перелома. «Доброе слово “Хамас” приятно», но едва ли Путин всерьез думал, что в ответ на его слова, «Хамас» расплачется, «осознает и переродится». Нет, Путин ставил более скромные задачи: проявить активность, оказаться в центре внимания, напомнить, что Москва – один из участников ближневосточной «четверки». В общем – «пиар, друзья, пиар, друзья, пиар». Ну и сугубо практическая цель – повлиять на «Хамас» в том смысле, чтобы он не только сам не помогал Басаеву (если помогает), но и отговорил от этого других членов исламского террористического интернационала. «Мы вас прикрываем на международной арене – помогите и вы нам». Добился ли этого МИД? На словах – возможно. На деле – ну кто же на деле придает хоть какое-то значение «честному разбойничьему»? Наобещают что хотите – а потом поди проверь, что они выполнили в ходе своих секретных переговоров с другими террористами...

Поэтому Путин и не захотел лично «поручкаться» с лидерами «Хамас» – «завербовать» их не получится, а радость от общения во всех других смыслах небольшая.

Но собственно политический аспект визита – далеко не главный. Куда большее внимание вызвали внешние обстоятельства приезда «Хамас».

Здесь, действительно, много поводов для иронии, много трагикомических совпадений.

«Хамас» приехал как раз «на принятие закона» о борьбе с терроризмом. Отказ Путина встречаться породил шутку, что он боится «попасть в заложники» (кстати, имея в виду политический смысл слова «заложник», это недалеко от правды). «Хамас» попросил Россию готовить для него вооруженных бойцов (в просьбе было вежливо отказано). Ну, вот первый уже «готов» – парень, которого судят за нападение на синагогу (кстати, почему «Хамас» не пожелал с ним встретиться? Всё-таки «товарищ по оружию» и брат по разуму).

Особенно неприятный символ: «Хамас» принимали в здании на Пречистенке... в котором раньше находился Еврейский антифашистский комитет!

И еще одна деталь. Если бы «Хамас» приехал в любую европейскую страну (о США речи нет!), его бы наверняка встретила крупная демонстрация протеста – всё-таки, для евреев «Хамас» – несомненные преступники и убийцы, сколько бы российские политики не повторяли, что раз они занимаются террором не в России... то они террором и не занимаются!

Но российские евреи (по официальным данным, их в Москве около 150 000, а если добавить «половинок-четвертинок», жен-мужей, любовников-любовниц, друзей и т. д., то наберешь, может быть, и под миллион!) скромно промолчали. Советские люди! Только 20 ребят из СПС устроили митинг и были быстренько разогнаны. Что ж – наше молчание делает честь нашей гражданской ответственности...

«Хамас» встретился с духовным лидером мусульман России. Кто кого при этой встрече обращал в истинную веру? Или цель была, опять же, в том, чтобы отговорить их поддерживать Басаева? Но во всяком случае, куда загадочней их встреча с патриархом Алексием. Все правильные слова о мире и ненасилии патриарх сказал – вот только кому он это говорил? И зачем?

Ну и последнее.

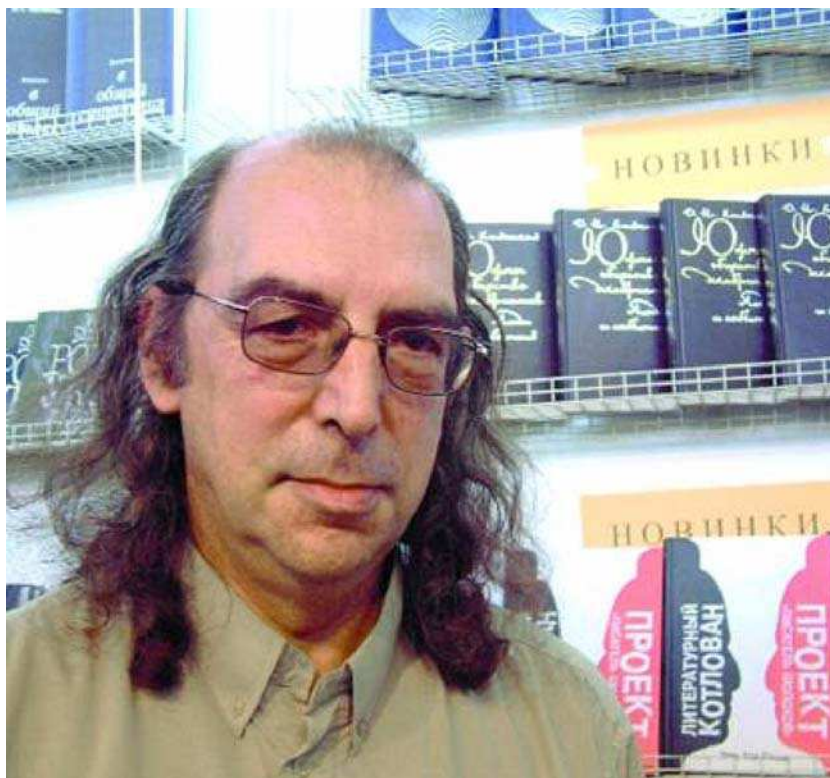
«Старый друг лучше новых двух... даже если он террорист». Россия поддерживает отношения с теми же, кого кормил СССР. Но в СССР политика была последовательной: «антисионизм» – на экспорт, государственный антисемитизм – для внутреннего пользования.

Про российскую политику, по совести, нельзя сказать ни первое, ни второе. Пока что...

ВОЛК, СЫН СКАЛЫ

Александр Рапопорт

Беседа с израильским литературоведом Зеевом Бар-Селлой о его книге «Литературный котлован: проект “писатель Шолохов”».

– Зеев, прежде чем говорить о вашей новой книге, вышедшей к 18-й Московской международной книжной ярмарке и занявшей центральное место на стенде Издательского центра РГГУ, хотелось бы узнать вашу историю. Вы родились в Москве?

– В Москве, на Чистых прудах.

– До репатриации в Израиль у вас было другое имя?

– Да, Назаров Владимир Петрович. Но я решил стать тем, кто я есть. Зеев Бар-Селла означает «Волк, Сын Скалы». Зеев – Владимир, это еще со времен Жаботинского общепринятый перевод. «Сын Скалы» – перевод отчества: Петр – «камень», «пэтра» – «скала».

– Кем были ваши родители?

– Моя мать, Лидия Исаковна Худак, после замужества – Назарова, выпускница Литературного института. Она занималась литературной критикой, была переводчиком и редактором. Отец, Петр Владимирович Назаров был полковником Генштаба, служил в Главном разведывательном управлении. После его смерти в 1969 году я по ряду признаков смог понять, что он был одним из ведущих разработчиков военной доктрины Советского Союза. Кроме стратегии он занимался вопросами военной истории. Это был очень интересный человек, и у него было чему поучиться. Он научил меня анализировать материал. Научил, как по случайным, на первый взгляд не относящимся к делу данным выстраивать реальную картину события. Книга, которую я написал, стала возможна во многом благодаря его «урокам».

– Он рассказывал что-то о своей работе?

– Нет. О его работе я не знал ничего. В 1930 году по комсомольскому набору он попал в военное училище и стал кадровым военным. После училища служил по всей стране, в том числе на Дальнем Востоке, воевал с японцами на озере Хасан. 24 июня 1941 года он с диверсионной группой был заброшен в Польшу, где они месяц взрывали немецкие эшелоны и уничтожали отдельные группы немцев. Затем он был начальником разведотдела 2-й Ударной армии на Волховском фронте, а затем перешел в Генштаб. Дальше какие-либо сведения о нем недоступны.

– **Известно ли, как ваша семья попала в Москву?**

– Мать родилась в Ростове-на-Дону в 1918 году. В 1920-м ее семья переехала в Москву. А отец попал в Москву уже после войны. Он учился в Академии имени Фрунзе, потом в Академии Генерального штаба. А до войны мотался по всей стране, как любой военный человек. Я родился в Москве в 1947 году.

– **Назаров – еврейская фамилия?**

– Нет, мой отец – русский. Прабабка была черкешенка. Род его – от донских казаков. Ситуация в его семье была такая же, как в «Тихом Доне». Дед его привез с Кавказа жену-черкешенку. Когда стало очевидно, что станичники хотят убить ее, он сбежал с нею в ближайшую русскую губернию. Среди моих предков были кадровые военные из казаков, служившие в царской армии. Последний после Каледина выборный атаман Войска Донского генерал Назаров – мой родственник. Область обитания моих предков – север Донского края. Там родился генерал Назаров, в станице Филоновской, – там же, где и истинный автор «Тихого Дона». Так что постоянно моя судьба как бы «скрецивалась» с ним.

– **То есть вопрос авторства «Тихого Дона» заинтересовал вас не случайно – ваши корни с Дона...**

– Я думаю, что личный момент сыграл самую незначительную роль. Меня привлекло другое. Я занимаюсь наукой, а в области русской филологии проблемы сложнее, чем подлинное авторство «Тихого Дона», никогда не было. Единственное, с чем ее можно сравнить, – с проблемой авторства «Слова о полку Игореве».

– **Чем же вызван этот интерес?**

– Прежде всего, отсутствует главный материал научного исследования – документы. Мы имеем только опубликованный текст романа. Я начал работу с того, что поставил перед собой чисто академический вопрос: возможно ли определение подлинности или подложности какого-либо текста, его принадлежности тому или иному перу безо всяких «уличающих» документов?

– **То есть без рукописей, написанных почерком автора, без черновиков и вариантов?**

– Совершенно верно. Что может сказать о себе сам текст? Когда я в 1982 году начал анализировать текст романа, я увидел чудовищные несоответствия официальной версии и понял: автором его может быть кто угодно, но не Шолохов.

Ἰὸἄῶ Ὁ. Ἀ. Ἰᾱϰῶῆᾱ - ἱἱἱἱἱἱἱἱ Ἀἱἱἱἱἱἱἱ

1947 ἱἱἱ

– **Свое образование вы получили в Москве или уже в Иерусалиме?**

– Начал учиться в Москве. В 1968 году был отчислен с кафедры классической филологии МГУ, со второго курса. К тому времени у меня уже были печатные работы. Я был вундеркиндом, начал рано. Первая моя работа была посвящена дешифровке так называемого «фестского диска» – памятника Древнего Крита. Тем не менее из университета меня исключили за несдержанность поведения: к тому времени я возлюбил сионизм и открыто говорил об этом.

– **А почему вы «возлюбили» сионизм? Потому что у мамы были еврейские корни?**

– То, что я – еврей, я знал с четырех лет. И испытывал соответствующее давление общества. То есть все обычные проблемы еврейского мальчика в Советском Союзе в последние годы жизни Сталина и первые послесталинские годы.

– **Почему же вы ощущали себя евреем, а не потомком донских казаков и русских офицеров?**

– Потому что евреем воспринимали меня окружающие. Я, честно говоря, особой разницы между собой и ими не видел. Но они видели ее очень четко и безошибочно определяли мое место в этом мире. В конце концов мне это надоело. В 1964 году мне, семнадцатилетнему, впервые рассказали об Израиле. И я решил уехать, – что и сделал, как только появилась возможность. В Иерусалиме я поступил в университет на отделение лингвистики, затем перевелся на славистику. Отслужил в армии. Первая моя книга, вышедшая в Махачкале, была посвящена проблемам лингвистики. Весь тираж ее был уничтожен: к моменту ее выхода я уже жил в Иерусалиме.

– **Когда вы уехали?**

– В ноябре 1973-го. Визу получил в день прекращения огня в Войне Судного дня.

– **Проблемой «Тихого Дона» вы занялись через девять лет...**

– Я прочел книгу Медведевой-Томашевской с предисловием и послесловием Солженицына, изданную в Париже в 1974 году. Она меня совершенно не удовлетворила: было очевидно, что филологическая сторона проработана из рук вон плохо.

– В этой книге доказывается, если не ошибаюсь, что в основе романа «Тихий Дон» – рукопись донского писателя Федора Крюкова...

– Дело в том, что Крюков был «крепким реалистом», вроде писателя Короленко. А «Тихий Дон» – роман нового времени, эпохи модерна. Мы не знаем примеров, чтобы последователи «крепкого реализма» переходили в стан модернистов. Автор должен был быть моложе, его возраст должен совпадать с возрастом, например, поколения акмеистов: то есть около 1890 года рождения. В «Тихом Доне» прослеживается много литературных влияний, настолько много, что вопрос о «крестьянском романе» просто отпадает. Кроме Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Толстого, в нем встречаются обширные реминисценции из Блока, Андрея Белого, Ахматовой, Гумилева, Анненского, раннего Маяковского. И, что характерно, в «Тихом Доне» нет ни одной литературной реминисценции позже 1916 года. Не может человек, не имея никакого культурного прошлого, писать в стилистике литературы, современником которой он не был. Если бы это была стилизация, например, в духе Акунина, то любой читатель, обладающий минимальным знанием жизни и литературы, это сразу увидел бы.

Как я теперь понимаю, роман начал создаваться где-то около 1913 года, в 1916-м он подвергся переработке, поскольку первоначальный план подразумевал не более чем повесть о любви в среде простых казаков. В дальнейшем, на беду автора, события понеслись совершенно непредсказуемым образом. Автор начальной части романа не знал о том, что начнется первая мировая война, – я это показываю в своей книге. После первой мировой войны случилась революция, роман постоянно захватывал всё новые, новые и новые фрагменты действительности. Он так и не был завершен, поскольку автора расстреляли в январе 1920 года. Дальнейшая история – это особая история уже советского романа «Тихий Дон».

– Разговоры о том, что он не принадлежит Шолохову, начались сразу после выхода первой части романа. В 1929 году в газете «Правда» была статья на эту тему...

– Эта статья была в защиту Шолохова. Ее подписали руководители Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП), и нападки на него назвали злобной и мелкой клеветой врагов пролетариата. Невозможно себе представить, что человек, которому к началу первой мировой войны было девять лет, а в конце Гражданской войны на Дону не было и пятнадцати, может в абсолютно зримых деталях описать довоенную жизнь Дона. Нужно учесть, что, когда Шолохов еще был подростком, вся ситуация – социальная, политическая, экономическая – изменилась столь коренным образом, что практически невозможно было реконструировать прошлое по чужим воспоминаниям. Это нужно самому пережить, чтобы описать. Всем было видно: роман писал очевидец, современник событий, пусть пассивный, но участник. Отсюда возник «шолоховский вопрос». Среди людей, имеющих отношение к литературе, не было, я думаю, человека, который считал Шолохова автором романа.

– Тогда, в 1929 году, статья в «Правде» была опровержением в ответ на что-то? На слухи в писательских кругах или на какое-то печатное заявление?

– Нет, в печати сомнений в авторстве Шолохова не появлялось, но было всеобщее убеждение... Ситуация для проекта «писатель Шолохов» создалась угрожающая, и тогда появилась эта статья в «Правде», ее подписали Фадеев, Авербах, Ставский, Серафимович и Киришон. Они заявили, что знакомы с писателем Шолоховым, знают его рукописи, и все сомнения в его авторстве беспочвенны.

Рукописи эти действительно существуют, они обнаружены недавно, но из их анализа следует, что они не имеют никакого отношения ни к печатному тексту романа, ни к тому возможному черновику, который лежал в его основе. Это новодел, изготовленный весьма неквалифицированно.

Вывод моей книги: писателя Шолохова не было. Были люди, писавшие за Шолохова. И таких людей было несколько. Например, среди авторов «Донских рассказов» было не менее трех разных людей. Это был Серафимович и еще двое, мне пока неизвестных. Они плохо знали, что происходило на Дону. Для написания рассказа они брали «куски» из уже имевшейся подлинной рукописи романа. Сами придумывали какую-нибудь идиотическую фразу и вставляли в нее эти пейзажные куски.

Это был проект ГПУ. Датировать его можно первой половиной 1923 года. Руководству этой организации еще до «угара нэпа» стало очевидно: социалистический проект рушится. Перспективы социализма были весьма зыбкими. Перспективы пролетарской культуры были еще более безотрадными, поскольку было очевидно, что «пролетарские писатели» не способны создавать полноценные литературные произведения. Наряду с ними существовали так называемые «попутчики», представители старой культурной элиты. И существовала эмиграция с ее достаточно мощным и представительным культурным

слоем. Тогда в очередной раз возник вопрос «что делать?» Для реабилитации советской власти потребовалось масштабное художественное произведение. Уже было ясно: сколько пролетарского писателя ни корми, он Толстым не станет. И тогда из архивов ГПУ извлекли рукопись романа, написанную отъявленным белогвардейцем, слегка подчистили, «подкраснили» и опубликовали под именем человека безликого, до этого не имевшего отношения к литературе, с ничтожной биографией и личностью.

А. Іақадіа

Ёқи аеётіаіеёе ёаі

1957 аа

– Можете ли вы назвать имя подлинного автора?

– Истинный автор романа «Тихий Дон» – Вениамин Алексеевич Краснушкин. Он родился 22 августа (по новому стилю) 1890 года в станице Филоновской и был расстрелян в январе 1920 года в Ростове-на-Дону. По роду деятельности это был журналист, работавший под литературным псевдонимом Виктор Севский. Изредка он печатал и беллетристику. Основной корпус текстов, опубликованных под этим именем, – очерки, фельетоны, масса корреспонденций, то, что обычно называют «газетной каторгой». Он писал по 150–180 статей в год. И только в конце его литературной жизни он был отмечен Леонидом Андреевым и приглашен сотрудничать с редакцией петроградской газеты «Русская воля». Это было в декабре 1916 года. Так Виктор Севский оказался в Петрограде в момент Февральской революции. Затем ситуация изменилась: в апреле он вернулся на Дон, стал очевидцем возрождения донского казачества, создания войскового Донского правительства. Затем Севский занял пост главного редактора официального издания войскового правительства – газеты «Вольный Дон». В марте 1918 года распространились слухи, что Севский расстрелян: тогда в ряде петроградских и московских газет появились некрологи, из которых я получил основную информацию о его биографии. Кроме того, в архивах мне удалось отыскать его письма, естественно, рукописные. И самое главное: мне удалось установить перечень его публикаций. Выяснилось, что с 1910 по 1919 год, то есть за неполных десять лет, он опубликовал более 1200 произведений – от коротеньких заметок до весьма обширных статей и книг. В 1911 году он написал свою первую книгу, повесть «Провинциальные картинки», в 1919 году стал автором первой биографии генерала Корнилова. Кроме того, еще гимназистом он написал развлекательный роман, который напечатал в 1911 году в ростовской газете. Прежде всего нужно было обнаружить его бесчисленные публикации в провинциальных, а затем и белогвардейских газетах. Проанализировав весь корпус текстов, я пришел к выводу, что роман «Тихий Дон» принадлежит перу этого человека.

– Как вы вышли именно на это имя?

– На основании анализа текста романа я мог представить себе черты биографии автора. По стилистике – а это постсимволизм – можно предположить, что автор родился где-то около 1890 года. Это было богатое литературными талантами новое поколение русской литературы, и он к нему принадлежал. То есть первым моим шагом стало определение примерной даты рождения. Далее: было очевидно, что автор прекрасно знает казачество и всё, происходившее на Дону. Значит, это либо казак, либо человек, долго живший в тех краях. Затем, этот человек очень симпатизировал творчеству Бунина, прежде всего его стихам. Затем – глубочайшая симпатия к генералу Корнилову и точное знание его биографии. Кроме всего прочего, было очевидно, что к моменту публикации «Тихого Дона» в 1928 году автора не было в живых. На основании этих общих рассуждений я и начал искать автора. Оказалось, что все эти данные подходят к одному только человеку. Этим человеком был Виктор Севский.

– Вы говорите, что «писатель Шолохов» – пропагандистский проект. Но тогда непонятно, почему выбран роман с таким сюжетом. Ведь это роман о том, как свободолюбивое казачество поднимает восстание против большевиков.

– Но другого романа не было! Пролетарская литература не способна была создать ничего художественно значимого.

– Но можно было бы роман переделать, – например, привести главного героя к большевикам. И это работало бы на «проект», о котором вы пишете. Почему же этого не сделали?

– Было очевидно, что переделать роман нельзя. Его можно только окончательно испортить. Чтобы переделывать, нужно уметь «играть на флейте». Чудовищным везением для авторов проекта было то, что удалось найти прекрасный роман об эпохе, роман объективистского типа, описывающий происходящее «с той стороны». Григория Мелихова невозможно привести в стан большевиков – для этого нужно написать другой роман, на создание которого не нашлось способных людей. Каждый внимательный читатель «Тихого Дона» понимал, что роман антисоветский и белогвардейский.

– Известно, что, приехав в Москву, семнадцатилетний Шолохов посещал литературную студию, организованную РАПП. То есть он начал писать. Первое, что было им опубликовано, – фельетон «Испытание» в московской газете «Юношеская правда» в сентябре 1923 года. Вы считаете, что это тоже написано не им?

– Всё, подписанное этой фамилией, написано не им.

– Логично предположить, что выбрать должны были человека, имеющего отношение к литературному труду, такого, который уж фельетон-то написать может?..

– Нет, выбрали как раз того, кто не имел отношения к литературному труду. С таким легче работать. У любого, кто пишет сам, есть какие-то писательские амбиции. А в данном случае нужен был человек, под именем которого можно было бы опубликовать всё, что угодно.

Теперь о студии. Литературная студия «Молодая гвардия» была объединением радикальных молодых коммунистов. Действительно, на двух заседаниях в ноябре 1923 года присутствовал Шолохов. При первом посещении он получил задание в качестве студийной работы написать фельетон, на следующее занятие студии он принес фельетон «Испытание». Но этот фельетон был опубликован в газете «Юношеская правда» – в дальнейшем «Московский комсомолец» – за два месяца до того, в сентябре 1923 года. Понимаете, как только мы начинаем работать с календарем, выясняется, что любая подробность, относящаяся к биографии Шолохова, подложна.

– Как вы объясняете, что выбор авторства романа пал именно на этого человека? Как это связано с тем, что он был под судом во времена продразверстки и на нем висело уголовное преступление?

– К продразверстке товарищ Шолохов не имел ровно никакого отношения. Хотя он заявлял, что был продкомиссаром, командовал продотрядом в 176 штыков. Продовольственной работой он начал заниматься после отмены продразверстки. И за взятки занижал нормы налога. Вскрылось это быстро. Был суд, ему дали два года условно. После этого он из своей родной станицы сбежал. Заняться в станице ему было нечем, своего хозяйства и навыков крестьянского труда не было. Даже в батраки он не мог пойти – ничего не умел. Он сбежал в Москву.

Еще обучаясь на двухмесячных курсах проинспекторов в Ростове в апреле-мае 1922 года, он был завербован сотрудником экономического управления ГПУ Леоном Галустовичем Мирумяном. Именно к Мирумяну он и приехал. Мирумян устроил его в домоуправление на Тверской улице счетоводом.

Мне удалось найти сведения о его счетоводческой работе. Выяснилось, что и этого он делать не умел: не мог заполнить жировку, так никогда и не научился. Между тем под его именем начали выходить фельетоны, рассказы... Нельзя же приписать роман высочайшего уровня совершенно неизвестному человеку, явившемуся ниоткуда. Вначале ему нужно было создать литературную биографию. И ему ее создали.

Саша Аш-Навеса

Одесса-Ассэ, сс. Ассэ-Ассэ.

1978 г.г.

– Можете ли вы назвать имена «архитекторов» этого проекта? Ведь такое решение – создаем выдающегося советского писателя – принимается на высоком уровне.

– Поскольку документы этой организации всё еще недоступны, мы пока что можем лишь предположить. Мне очевидно, что к этому были причастны, как минимум, три человека. Мирумян не мог быть инициатором, он просто доставил «материал». Двое других: Агранов и Ягода. Интересное совпадение: 18 сентября 1923 года Ягода стал вторым зампредом ОГПУ, то есть вошел в круг людей, его возглавлявших, а 19 сентября появился первый фельетон, подписанный фамилией Шолохов. Это была разработанная им и Аграновым акция.

В это время – в силу того, что ЦК ВКП(б) был поражен внутренней смутой – ОГПУ взяло на себя много управленческих, идеологических и прочих функций. Именно они в это время управляли страной. И – думали о будущем. А будущее представлялось им коммунистическим. К 1923 году относится и изменение культурной политики, отказ от «сменовеховства», от заигрывания с деятелями культуры в эмиграции, сочувствующими новой власти. Это был кардинальный идеологический поворот. Он подразумевал полный разрыв с эмиграцией и досоветским прошлым.

В этом и состоит интерес изучения проекта «писатель Шолохов». Шолохов – лишь внешнее проявление серьезных внутренних процессов советской истории. Возникновение самого феномена Шолохова – свидетельство смены культурного курса.

– **Есть переписка Шолохова со Сталиным. Неужели Сталин стал бы переписываться с человеком, который ничего собой не представляет? Существует мнение, что Сталин присматривался к Шолохову как к возможному автору книги о его жизни. Выходит, он считал Шолохова писателем.**

– В 1923 году Сталин был занят совсем другими делами. Еще был жив Ленин. Борьба с Троцким за влияние в партии для Сталина была гораздо важнее, чем всё остальное. И когда в 1929 году он занялся литературой, Шолохов-писатель уже существовал и Сталин искренне верил, что он – автор эпохального романа.

Не нужно приписывать Сталину абсолютного всезнания. Тем более в эпоху, когда он еще не контролировал ОГПУ. Репрессии в отношении Ягоды и его замов были связаны с тем, что ОГПУ взяло на себя слишком много власти. Они практически подменили собой государственный и партийный аппарат. Это предопределило, в конце концов, крах Ягоды.

История о том, что Сталин желал, чтобы его биографом стал Шолохов, – легенда, самым Шолоховым распространенная. Никаких свидетельств тому нет. Он рассказывал о себе много сказок.

– **Что опубликовано было Шолоховым до «Тихого Дона»?**

– Сборники «Донские рассказы» и «Лазоревые дали».

– **Затем он уезжает из Москвы в свою станицу в двадцатилетнем возрасте, женится, живет там несколько лет, и в 1928 году журнал «Октябрь» начинает публиковать первую часть романа.**

– Совершенно верно. На все вопросы о том, как он его писал, откуда брал документы, Шолохов отговаривался забывчивостью, которая поразила его уже в 1934 году – тогда ему впервые стали задавать эти вопросы. «Много было работы, – говорил он. – Я беседовал со многими людьми...» С кем он беседовал? Нет таких людей, с которыми он беседовал бы о дореволюционной ситуации и Гражданской войне на Дону.

Кроме одного человека. Существует письмо, направленное Шолоховым Харлампию Ермакову, казаку, который, как и герой романа Григорий Мелехов, получил четыре Георгиевских креста в первой мировой войне и во время восстания на Дону командовал повстанческой дивизией. Письмо короткое: «Мы должны с вами встретиться». Как я понимаю, встреча эта связана была с тем, что Харлампий Ермаков знал истинного автора «Тихого Дона», встречался с ним, ему-то и рассказывал о событиях, описанных затем в романе.

Роман был представлен в редакцию лишь после того, как в июне 1927 года Харлампий Ермаков был расстрелян по личному распоряжению Ягоды. К тому времени Ермаков не был участником каких бы то ни было контрреволюционных движений. Вел себя спокойно, не занимал никаких постов. Зачем нужно было наркомку внутренних дел заниматься казаком из далекой станицы? В свое время он отбыл заключение, был отпущен. Повстанческих дивизий было пять. Почему же именно его избрали из всех и расстреляли в 1927 году? И как только его расстреляли, в редакцию был представлен текст романа «Тихий Дон».

– **Если Виктор Севский был расстрелян в 1920 году, а Шолохов не писал сам, кто же был автором других произведений?**

– «Поднятая целина» – прямой заказ Сталина написать о коллективизации. В основу романа положена рукопись казачьего литератора Константина Каргина. К «доводке» книги были привлечены уже другие, гораздо более опытные авторы, среди которых, в частности, и Борис Пильняк, замаливавший таким образом грехи за «Повесть непогашенной луны». То есть дело было поставлено «на поток».

– **Но если так, значит, Сталин легко мог предположить следующее: если за Шолохова пишут роман о коллективизации, то и предыдущий роман написан не им?**

– Дело в том, что осуществление проекта «роман о коллективизации» всё еще шло по линии ГПУ. Но это же не самый важный по тем временам проект, чтобы вдаваться во все детали! Хотя задание создать роман, судя по всему, исходило от самого Сталина. Ему представили роман о коллективизации, не разъясняя, как он был «изготовлен». Начальников часто обманывают...

– Получается, что после отстранения Ягоды и репрессий в ОГПУ Шолохов нового автора выбирал сам?

– Да, теперь он находил автора сам. И Мирумян, и Агранов, и Ягода были уже на том свете. Он и сам чуть было не пострадал: его одно время хотели репрессировать. Позже он выдавал это за последствия своего правдолюбия, утверждал, что его оклеветали враги. Вкратце история такова. Шолохов был в списке из четырех писателей, пользовавшихся личной поддержкой Ягоды. В этот список, кроме него, входили Николай Островский, счастливо умерший в 1936 году, Киршон, расстрелянный вслед за Ягодой, и Афиногенов, исключенный из партии, из Союза писателей и живший всё время под страхом смерти. Шолохову удалось добраться до Сталина и засвидетельствовать свою преданность. С Шолоховым уже был связан значительный период советской истории и истории советской литературы. Уже существовал и «Тихий Дон», и «Поднятая целина». Репрессировав Шолохова, от всего этого пришлось бы отказываться. Будучи человеком прагматичным, Сталин взвесил оба варианта и пришел к выводу, что выгодней Шолохова оставить.

– Известно, что он, живя в Вешенской, отказывался от встреч с писателями, искавшими с ним контакта. Если же эти встречи случались, он не проявлял себя как писатель, был, что называется, «закрыт». Это пытались объяснить высокомерием «живого классика».

– Это не высокомерие. Ему действительно нечего было сказать. Например, он встречался со Стейнбеком. Встреча состоялась без переводчика. Стейнбек не знал русского языка, Михаил Александрович, вдобавок к незнанию русского, не знал и английского. Они сидели за столом. Выпили около трех бутылок водки, расстались довольные друг другом.

– Василий Шукшин с ним встречался, как бы пытался перенять эстафету у народного писателя и нобелевского лауреата. Что из этого вышло?

– Если воспоминания достоверны, Шукшин был в ужасе. Он шел к великому писателю, а увидел перед собой обыкновенного деревенского пьяницу. Который к тому же еще и дурак. Последнее задело Шукшина, он пытался найти объяснение: был талант и исчез, сломался человек. Многие, лично знавшие Шолохова, пытались объяснить дело таким образом: талант исчерпался. Но невозможно, чтобы исчез полностью не только талант, но и писательская личность.

– Первый том вашего исследования заканчивается описанием музея Шолохова в станице Вешенской. Что же будет во втором томе?..

– Я пытаюсь реконструировать все перипетии межредакционной борьбы. За «Тихий Дон» шла драка между разными издательствами. Шолохов прикидывал, куда ему выгоднее отдать. И, судя по всему, прикинул неплохо. Он стал исключительно богатым человеком по тем временам. Еще в конце 1920-х годов «Тихий Дон» вышел в издательстве «Московский рабочий» шестью изданиями.

Путем анализа текста я показываю, что Михаил Александрович плохо разбирал почерк выданной ему авторской рукописи. Показываю, что рукопись «Тихого Дона» была написана довольно небрежным почерком по старой орфографии. И восстанавливаю то, что написано в первоначальной рукописи...

Подлинная авторская рукопись, судя по всему, уничтожена, но предварительно переписана Михаилом Шолоховым. И сейчас, анализируя печатный текст, мы можем во многих чертах восстановить – но, естественно, не полностью – саму первоначальную рукопись.

Закрывать вторую книгу будет глава «Тихий Дон в 1919 году». Она посвящена тому, как уже написанный роман отразился в творчестве писателей, живших в 1919 году в Ростове. Была среди них и писательница Мариэтта Шагинян, в 1922 году издавшая повесть «Перемена», в которой обнаруживается знакомство с «Тихим Доном», изданным, как мы знаем, спустя шесть лет. Она знала, кто был автор, но молчала всю жизнь.

Êãäð èç ôèèüü à «Ôèòèé Áíí».

– Как другие исследователи творчества Шолохова в России и на Западе относятся к вашей концепции?

– Книга «Литературный котлован: проект “писатель Шолохов”» – кардинальный поворот, в ней обобщены результаты работы за 23 года. Она вышла несколько месяцев назад.

В 2003 году, сославшись на меня, эти идеи изложил мой друг литературовед Николай Журавлев в статье, опубликованной в «Новой газете». Публикация вызвала шквал негативных откликов. Откликнулись записные шолоховеды. Они, не видя обширного доказательного материала, оставшегося за рамками газетной публикации, имея перед собой лишь статью с кратким обозначением концепции, гневно на концепцию обрушились. Подобного я ждал и по выходе книги. Но произошло другое. О книге говорили на радиостанциях «Эхо Москвы» и «Голос Америки», появились рецензии в «Известиях», «Книжном обозрении», «Политическом журнале».

И – полное молчание в стане шолоховедов. Им просто нечего возразить.

Ἐ. Ἰαννῶτατζέ: «Ἄεὶ αὐεὶ ἰαῶν μὶ ἰε αἰεῖτε, ἀβέοα...»

* * *

Это было что-то вроде эпиграфа к моему повествованию о Василии Семеновиче Гроссмане. А теперь приступаю к самому повествованию. Вернее, к размышлениям о нем, о его книгах, о его писательской и человеческой судьбе.

В сочетании его имени с фамилией есть какая-то двойственность. Я бы даже сказал, некий нарочитый дуализм. Гроссман – фамилия вроде как немецкая, а в наших широтах, как правило, еврейская. Имя же Василий – чисто русское. Еврей в России (я имею в виду людей того поколения, к которому принадлежал Василий Семенович), даже вполне ассимилированный, мог быть Григорием или Львом, Ильей или Борисом, на худой конец – Леонидом. Но Василии среди «лиц еврейской национальности» мне что-то не попадались.

Это наводит на мысль, что Гроссман стал Василием примерно на тех же основаниях, на которых Кирилл Михайлович Симонов стал Константином. Но причина перемены имени в его случае была другая. Симонов стал Константином, потому что сильно грассировал. Он не выговаривал не только «Р», но и «Л». И имя Кирилл – скажем, при знакомстве с кем-нибудь – ему было не произнести: получалось Кивив. Гроссман же, назвав себя Василием, я думаю, хотел подчеркнуть, что он – русский писатель. Каковым он, разумеется, и был – не только формально (жил в России, писал на русском языке, о российской жизни), но и по самой глубинной своей внутренней сути: мало кто из его современников дал такой срез всех слоев и пластов российской реальности, с потрясающей достоверностью, изнутри представив русского человека в самых разных его социальных ипостасях – от рабочего, крестьянина и солдата до крупного военачальника, академика и достигшего чуть ли не самой вершины социальной пирамиды партийного функционера.

Но и это – не главное.

Василий Гроссман был русским писателем прежде всего потому, что духу и традициям русской литературы, ее нравственным и эстетическим основам он был привержен гораздо в большей степени, чем едва ли не все его современники. Это проявлялось не только в собственных его художественных установках, в избранном им (точнее, органически ему присущем) способе повествования, но и во всех его литературных пристрастиях и вкусах, художественных симпатиях и антипатиях.

Íí áúñéí íóáíéé éíéáí íáçáé áí í:áíú òàéáí òééáíé, íí íáðáç ááòíðá è íðáñíðááí ííá áúðáçáí éá áá èé:ííñòé áúçáéé è íòòáéééááí éá ×òí áúéí áéááí úí áéý íááí?

- Ííá íòéáçáéáíí íò ñáíáá íò óá, - ñéáçáé Ááñéééé Ñáí áí íáé: É áí áááéé ðáçéíá ñéíáí.

Á ýòíí íí áúé íáí íéíéááéí - çáíðíáúé è áíéúí íé, æéáíé è óí éðáðúéé.

Но я думаю, что помимо «нравственного выражения его личности» в основе его нежелания сменить фамилию лежало и что-то еще, более глубокое, хотя, быть может, и неосознанное. Василию Семеновичу в высшей степени было присуще то свойство, та черта его соплеменников, которая в Библии именуется жестоковыйностью:

È ñéáçáé Á-ñí íáúí Ì íéñáð: ý áéæóí ááðíá ñáé, è áíò, íáðíá íí — æáñíðéíáúéí úé...

(Èñíá, 32:9)

...íá ííñéóáééñíé íá íðáééí ééé óáá ñáíááí, íí ñáéáééñí æáñíðéíáúéí úí é, ÷ò íáú íá ñéóáòúé è íá íðéí éí áòúí áñíðááéáí éý.

(Èáðáí éý, 17:23)

...çí áð óí íðíðáí òáíá è æáñíðéíáúéí ííðú

(Áóíðíçáéí íéá, 31:27)

À. Ááðçáð: «Í íýáé éñý óí áí ý í éáí...»

Примеров, обнажающих и подтверждающих эту гроссмановскую жестоковыйность, можно было бы привести множество. Но я остановлюсь только на одном, пожалуй, самом впечатляющем.

После того как разразилась главная драма его жизни, когда роман его «Жизнь и судьба» был арестован («Меня задушили в подворотне», – сказал он об этом), его перестали печатать. Ему не на что было жить. Он поехал в Армению переводить пухлый роман какого-то местного автора. В результате этой поездки – помимо заказного перевода – родились его «Путевые заметки пожилого человека». Маленькая повесть эта, вернее, очерк, а еще точнее – удивительная поэма в прозе, годы спустя увидевшая свет под другим названием («Добро вам!»), была предложена им – без больших надежд – «Новому миру». И вдруг – о чудо! – рукопись – не без колебаний – была принята. Твардовский отважился поставить ее в номер. И,

произведению такого уж страшного художественного урона. Это не стало бы той зияющей раной, из-за которой вся вещь оказалась бы безнадежно искалеченной.

Но Гроссман даже и слышать не хотел о том, чтобы печатать «Добро вам!» без этого абзаца.

Его уговаривали, убеждали, приводили самые разные резоны, умоляли. Но он был непреклонен. Так и не вышла эта вещь тогда в «Новом мире». И так и не суждено было ему увидеть ее напечатанной.

Была, правда, еще одна отчаянная попытка напечатать из этой гроссмановской рукописи хотя бы небольшой отрывок. Его предприняла Анна Самойловна Берзер, работавшая тогда в «Новом мире». Вот как рассказывает она об этом:

...Íÿæëñÿ ó ì áÿ ìëàí, ìá-àëà ÿ ìá ì-áíü ààðëà á ìáá è Áàñëëÿ Ñàí áííàë-à ìá ìíáÿàëà Áóë, ààðÿòíí, àááíò 1963 áíàà. Ëç ìíáííàë ñ íàí è «Í áááë» (æááí áááëüí ìá ìðëíæáí ëÿ è «Ëçáíòëÿ») ìðàðëáëë -áíòí - ìáò èë -ááí-ìëáóüí -òíáü àíáðàòüáëÿ ìëò ìòòáíë.. Ë ÿ çááëà ðá-ü ì Áòñíí áíá.. Áááü ó ìáí àáçíááëëí èáëáëë «Íòááíá çáí áòëë ìæëëíá -áëíáëá», ìáðáëí áííáííá á «Áíáðí ááí!». Ñíòòáíëë áóë á ëòñá ááë. Íí ìðë ÿòíí òíáëë, ááÿíÿë, ìòíááðÿë. Ííòí ìÿæëñÿ ìííáà, çáÿáëá -òí ìá-àòáòü ìë ìáÿçàòáëüíí áóòòò, -òíáü ÿ àíáðàëá áëÿ ìëò ìòòáíë. Á àíáðàëá è ìíëáëá Áòñíí áíá. Íí ñáí ááë ìáçáííëá «Ñáááí». Ë ìíëó-ëëííí ìòñíòí ìòëë-íí.

Ííòíí áñ ááëíóëíííáíááá ìòÿí ì-òáëë ááçáòííí è ðáí ìáí è.

Í áááí ì ìíë èáëáëá ñáðíòáííáÿ ìíëííá «Í áááë», ì-áðáííáá áá ìíí áðá «Ñáááí» çáíëí áë ìí-òë ðáëòò ñòòáíëóó á ìááëáëüíí ì-áð-áííë ðóáíæáíëëíí æëòíí -áðííë ðáí ëá.. Íòòáíë ì ñáíëí ñòæáòíí è ëçíí ëòáëüíí çáò-áóëíí áëíííí Áòñíí áíá (-òí, áíòí-áí, ìòëë-ááò è áñò ÿòó ááóü)..

Ë áíò á áëëæáëòòò ñáááíòò áíëæáí áóë «Ñáááí» ìÿæëòüñÿ á ñááò..

Áóëá ñááíòá, ó ì áÿ - ðáðò-áíëëë ááíü «Í áááëò» ÿ ìá àííëíááëá, ìí ðáááëóëÿ ìáòá ðááíòáëá. Ë áíááíðëëëíí -òí ñëòòáòáðí ðáááëóëë Íáòáëÿÿ Ëúáíáíá, ëáë áíááá, óòòí çáááëóò á «Ëçáíòëÿ» çá ÿëçáí ìëÿòáí è «Í áááë». Ííá áóëá á ëòñá ááëá è ìááíáëá, -òí ñÿòíá ìá-ìáò ðááí-ëë ááíü Ëòíí á òíá, ÿ áíááíðëëëíííáíëí ì ìëíáíí ìëíáòáëáí, ìí áóë ìíáíëí-ëëíí «Í áááë» è ìááíáëë óòòí ðíæáííçáííëòüíí ìá ñáçò ëáë áíòáóëëò ìíí áð çÿÿóëëá

Íòæëëá ÿòí ááü ÿ á áíëüòíí ìáíòÿæáíëë. Íí çáçáííëë ðáëáòíí ðáííóá -áí ÿ æááëá:

- Áñ áííòÿáëá - áíëóáëá ÿ ìííëíëííé è áíáíëüííé áëííí Íáòáëü Ëúáíáíí.

Ííá ñëáçáëá, -òí ìáíá-àòáëë, ìáçáëá ñòòáíëóó - ñáí ìááòáòòò, ìòí-ëòáëá ìáçáííëá ìáðáíë ááçáò, áòíòíë ááçáò, ìííëáíí ëë ááçáò.

ÿòí áóë ìíááòíë..

Ááñëëò Ñàí áííàë-á ëíááá ìí ìíçáííëë, ÿ áñ ÿòí ñáíëüòëí ìíáíáí ìí ìíëíá è ñëáçáëá, -òí á «Í íáíí ì ëòá» èáëëò ì ìíá ìíí áðíá «Í áááë» - ìááëáëüííí áëÿ ìáá..

Á óíííëíëáííí ðáííëáëëáííí è ðáòëëá á ÿòó ñáááíòò çáíÿòüñÿ -áí -ìëáóüíí óíííëíëòáëüíííí áëÿ ñáÿ.

Ë ìá çááíëë ìëáí ìòíááëíóëííí, -òí ìí-áí ó-òí ìá ìíçáííëë ì ìëíáíë ìëíáòáëüíí á ì ú òáë ðáááííí óíëíáëëëííí

Ííçáííëë ìí -óóüííçáëá Ë ñëáçáë ëáë-òí ìíòíòíæáíí è ì-áíüíí ÿáëí:

- Çíá-ëò, ìá ìáíá-àòáëë..

Á áíçí óðëëáííí è ñòáëá ááí óëíòÿòü - ëáë ìí ðáë ìááíëíí áòáëüííí ìí ìòòáë, áááü Íáòáëüÿÿ Ëúáíáíá áíëóòí ìí-ëòáëá ìí-òë áñ.

Íí áæáæéííí í:áí ú é ñæçæé ðæøèðæúíí, ÷óí ííçáííèð ðíáíí ÷aðçííðíááòòúí èíòð. È òòò áí áí í íáçáí áðéí ðýæèè è òæèè íðèáí:íúí çá áíáú ðááíòú áíá:àðè íðáá-ááíðæáí áááú.

Í íéíáíé íéíðòæúí ííçáííèè áúá ðaç è ñæçæé, ÷óí ý í íáò áá èðíí íáòú è ðaçòú, íí Áðíííí áíá á «Í áááé» íáò.

×óí æá íðò:èèííí? Ðáííéæø ðíéúéí ðí, ÷óí óçíáèá íúí á «Í áááé»¹ 39, 22-28 íúí ðýáðý 1963 ááá áúèá íááðáíá è íááðíðáíá áí áíðá í «Ñáááíí» Áðíííí áíá. Í íí áð áúè í íáíéíáí á íá:àòú è çæèð íááí. Í á:áèííí íá:àòáíéá ðèðáæá, íáðáíá ýçáí íéýðú èíðíðíá íííáèè á «Í íáíé í èð». È ááðá óððí, áí ááí ý çáíá íá:àòáíéý, ííýáèéíí çáí áíðèðæúí áááí íá ðááæðíðá Íøáááðíá Íí ííðáí íáèè íá:àòáíéá è èç áíðíáíá ðèðáæá (÷óí ááèáèè á íðæèííèèá ááíí áíá, èíáá á íí:ú áíðíáá ííí áðá áúè áðáíðíááí ááòíð - ý íúí à íááæèèá íáíéíéúéí ðæèè íí:íúð èíðíðèè!) áúðáè Áðíííí áíá è áíðááèè íá çòí í áíðí áðáíé í áðáðæè.

Á íííááæúíèè á ðááæðèè ó í áíý áúéí ááá áðèáí òá çòíé «Í áááé», áðíííí áí íáíéçð «Í ááæð» ý íááðáèá áí íúíáçíéð ááíí áí, á óú áòíðð, ííðáýæá..

Á Áðíííí áí ííðáíéè íáá áðèáí òá çáíá óíéèæúí íá ííí áðá. Í í íááðá íá ðíéúéí ðíð, á èíðíðíí áúè íáíá:àòáí áá «Ñáááí», íí è áðáíé, èç èíðíðíá íí áúè òáè ááçæáèííðíí è áááí èçíýð. Í á çòíí ý íðí:æ á áííí íí èíáíéýð Áíðèíá íí íéúíéíá, íáíéúéíé íððáíé èç èíðíðíð ñòíèð çáííí íðèáíðè:

Á íííááíéá áíáú æèçíè íí íáíéíé «çáíéíéè ííæèéíá ÷áèíáèá (Í òáááíá çáí áðèè íí Áðí áíéè)», íðèçáííáíéá, íá í íé áçéýá, áíéæúí íá, èç òíá æá èèáííí, ÷óí «Í òáááíðæá á Áðçðá ». Çáíéíéè áúèè íááðáíú è íááðíðáíú á «Í íáíí í èð» è çáááðæáíú òáíçðíé èç çá íáíéíéúéèð òðaç íá áí òèííí èðèçí á ðááíáæè èð ðáðòú Áðíííí áí óíáíý. «çáíéíéè» ííðèè á ðáçáíð..

Ááíéèèé Ñáí áííáè: ííéáçíáæè í íá íððáíé, íðèíýòúé á «Í áááé» è íðíá:àòáííúè ðíéúéí á ÷áíðè ðèðáæá, í áøéíá íííðáèè íí:è áúèá ííðáí íáèáíá, è áí áíðí çáíá íððáíéá á áðáíé ÷áíðè ðèðáæá çááíðáí í:áðè í Íðèí íðáí. Í á íðíéá ó íáá èææáèè çòè ááá ííí áðá-áèçíááá ñ ðáçíúí è ííííí è.

Í ñæçæé áí ó ÷óí íí á íáíá áðáí ý ííáèèé Íøèáéú, íá ííæáððáíááá á «Í íáíí í èð» áááí ý-òðáí ý ááçáòáí è.

- Áú çòíí áíáíðèðá èáè í éíðòæúí è èáè ááðáè? - íí ðííèè íí.

- Áá - ñæçæé ý, - òáí ó ááíí áúèè ááíé í íááæíáá è ííçíá:èòæúí áá ÷áí áí òèííí èðèçí.

Í í íé:áá íá íðáíðèè, íí íé:áè.

Вопрос, который Василий Семенович задал Борису Ямпольскому, многозначителен. Яснее ясного говорит он о том, что предложение выкинуть злосчастный абзац глубоко оскорбило его – как писателя и как еврея. Пожалуй, в равной степени. Как еврей он этим, быть может, был задет больше. Но отдать этот абзац он не мог и потому, что таково было его представление о достоинстве и долге русского писателя.

История эта тогда широко обсуждалась в литературных кругах. И чуть ли не все, помню, в один голос осуждали упрянца. Кто – резче, называя его поступок глупостью или проявлением дурного характера, кто – мягче, почтительно именуя его максималистом или ригористом, но тоже безоговорочно осуждая эту его роковую и непоправимую ошибку.

Да и потом, уже после смерти писателя, возвращаясь к этой истории, повторяли те же – или сходные – аргументы. Вот, например, как вспоминает об этом ближайший друг Василия Семеновича – Семен Израилевич Липкин:

Í íááçðííí ÷óí íá íðèíáæææø è òáí íéíðòæúí-ðááíí, èíðíðíí íáíðèíéðèííòú Áðíííí áíá èææáòííý æòííðòçð, íðýáèáíéáí áçáíðííá ðááæèðáðá, íí áí æá ý è òíáá íí:èðæè, è òáíáúí íí:èðáð, ÷óí Áðíííí áí íááðèèèé Íøèáéú Èííá:íí, áíðíáè, í:áí ú áíðíáè áúèè Áðíííí áí ó 10 èèè

12 nòdìé ííáíí ednèíá íááíòá, íeáéí eáííúá edáíí úí çáíòáòèòáéúúúí eáðáíáàòíí, íí á «Áíáðí ááí !» íéíéí nòá nòðáíéò, è eáééá ááííáííúá í úííéé íáòáé áú á íéò ÷èòáòáéú, eáéíá áéúáíéíá ÷áííòáí íòááòééí áú áíí...

Вероятно, нечто подобное говорил тогда и я тоже.

Но сейчас, вспоминая всё это, я думаю: Г-споди, как же изувечила наши души эта трижды проклятая советская жизнь, если такую естественную для нормального человека неспособность покорно проглотить плевков мы воспринимали как глупый каприз, в лучшем случае как нелепую причуду угрюмого, ожесточившегося характера.

В книге «Люди, годы жизнь», в главе, посвященной Гроссману, Илья Эренбург вспоминает:

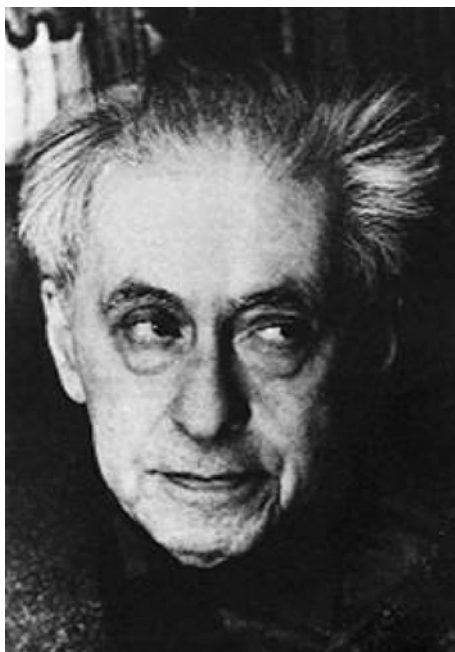
Í Éáíéíá íí áíáíòéé ñ áéáííáíáíéáí. Áíéííóááééé, áúòááòéá èç ííáííéúí, áéý íááí áúéé ááçúíòá-íúí è ááííýí è. В áúé íá íýòíááòáòú éáò nòáðòá ááí è íáéíòíòúò èðááé, éíòíòúí è íí áííòéúáéíí, áíòòá-áé á ýí eááòéé. Íáíáæáú ý íéçáé: «Íá íííéí áð, ÷áí áú á òíááòéúáò áííòéúááòáíí?» Ááíéééé Náí áííáé- ñáííéòí íòááòéé: «Áú í ííáíá íá íííéí ááòá Áéý ááí æéçúú- ýòí ííýí á, ÷áí çáíòáííáé, òáí éó-òá Á æéçúú- ýòí ííòé-á».

Убеждение (точнее, упорное желание убедить себя), что жизнь в самой основе своей ясна и проста, как притча, пришло к Гроссману не сразу.

Ранние его рассказы были бесконечно далеки от такой мировоззренческой установки: они противостояли ей не только самой своей эстетической природой, но и всей выразившейся в них жизненной философией.

Первый рассказ Василия Гроссмана появился в апреле 1934 года в «Литературной газете». Назывался он «В городе Бердичеве».

Сейчас этот рассказ известен многим благодаря замечательному фильму Александра Аскольдова «Комиссар»: он был снят в середине 60-х, запрещен, двадцать лет пролежал на полке и только в середине 80-х вышел на широкий экран. (Время от времени его и сейчас показывают по ТВ.) Фильм имел заслуженный успех, которому в немалой степени способствовали Ролан Быков и Нонна Мордюкова, снимавшиеся в главных ролях. Но первопричиной этого успеха (как, впрочем, и одной из главных причин всей обрушившейся на этот фильм хулы и опалы) явилось то, что режиссер прочел рассказанную Гроссманом историю совсем не так, как она запомнилась давним ее читателям. Некоторым даже показалось, что он прочел и изобразил ее «с точностью до наоборот».

È. Yòáí áòòá «Í áí áæáü ý íéàçæ: “Í á íí í è í à þ, ÷ áí áü á ò í á à ð è ú à ð á í í ð è ú à à ò á í í ?”»

Какая-то – пусть даже микроскопическая – доля истины в этом, пожалуй, есть. Как известно, каждая эпоха прочитывает и трактует художественное произведение на свой лад, извлекая из него тот смысл, который ей особенно близок. И нет ничего странного в том, что, снимая свой фильм, Александр Аскольдов пытался выразить в нем общественные настроения своего времени. Но он потому-то и обратился к этому старому рассказу Гроссмана, что тот давал ему возможность эти общественные настроения выразить, не привнося в ткань этого художественного произведения ничего ему чуждого, а тем более враждебного.

Это легко можно было бы подтвердить конкретным сравнительным анализом рассказа и фильма. Но это, как говорится, был бы уже совсем иной сюжет. А потому оставим фильм в покое и обратимся непосредственно к рассказу. Постараемся прочесть его, не соотнося ни с какими новейшими трактовками, а так, как он был написан.

С. И. Липкин рассказал мне однажды, как они с Гроссманом обсуждали только что прочитанный рассказ Хемингуэя «Снега Килиманджаро». Рассказ этот был написан в 1936 году. Но на русском языке впервые был опубликован позднее. (Эрнест Хемингуэй. Пятая колонна и первые тридцать восемь рассказов. М., 1939.) Дело, стало быть, происходило в конце 30-х, когда Гроссман был уже не новичком в литературе, а зрелым, сложившимся мастером, со своими, давно определившимися и прочно устоявшимися художественными вкусами и представлениями.

Рассказ Хемингуэя произвел на него сильное впечатление. Он оценил его очень высоко. Однако, подумав, сказал:

– Но Чехов написал бы эту историю по-другому. Он начал бы примерно так: «Знаменитый писатель, женатый на богатой женщине, поехал с женой в Африку, поохотиться. Случайно оцарапав ногу, он забыл прижечь царапину, и у него началась гангрена...» Ну, и так далее...

У Хемингуэя рассказ начинается совершенно иначе – с раздраженного диалога, который умирающий писатель ведет с женой. О том, что с ним произошло, почему он умирает, как попал сюда, на гору Килиманджаро, о его непростых отношениях с женой, – короче, о том, как бездарно, плохо, не так, как надо было, прожил он свою жизнь, о чем смутно догадывался и прежде, но только теперь, умирая, по-настоящему понял это, – читатель узнаёт потом, из таких же раздраженных и злых диалогов его с женой, из ретроспекций-воспоминаний, из галлюцинаций, которые являются ему в полубреду...

«Αὐτὸ ὁ ἀπὸ ἐ Ἀααεῖτα, - αὐτὸ ἐ ἴ, - ἀδῖα ἐ ἴα ἀαα, ἢ ἰ ἀααῖ ὀτῶ, ἀ εἴααί τὸ ἀαα, ἀαα αἰῖ ἢεῖεῖ δαα ἀ ααα αἴαα, ἐ ἀαα ἀεῖ ἢ ἴα ἴα ἀαα, ἀ αῖαα, ἰ ααα ἢα ἀαα».

Ἐ αὐτὸ ἴαα ὀτῶ ἢαα ἴαα ἴα ἴα ἀαα...

- Αἴα αὐτὸ ἢ ἴα, - ἢααα ἴα ἐ εἴαα ἀαα. - Αααεῖτα-ὀτῶ ἴαα, ἀ? - ἀαῖ εἴ ἐ ἢααα ἰ ααα. - Νεῦαα, ἴαα?

- Νεῦαα, - ἴααα ἀαα ἀαα, ἴαα-αα ἀεῖαα, ἢεῖαα.

ἴα αὐτὸ ἢααα ἀααεῖτα ἐ ἀααα ἀαα ἀαα, ἢαααα ἴαααα ἴαααα ἴαα ἀαα, ἐ ἴααα, ἀαα ἴαααα: ἀαα ἐα ὀαα, ἢααα:

- ἴαα ἀαα ἐ ἴα ἀααα, ὀτῶ ἐ, ὀτῶ ἀαα, ἴα ἴα ἀαααα ἐ ἀαααα, ἐ ἀααα ἀαα ἴα.

Ἄ. Ἀααα αἴ: «ἴα ἀαα ἴααα ἀαα αὐτὸ ἐαα ἴαα ἴαα...»

Сюжет «завязался» сразу. Буквально с первых же строк рассказа мы узнаём, что случилось с его героиней и сразу видим, какова она, эта героиня, что она собой представляет.

У Хемингуэя мы всё это узнали бы далеко не сразу.

ИЗГНАНИЕ

יְהוּדֵי יָפוֹ

Пейсах – праздник освобождения, праздник весны – мы всегда празднуем с великой радостью. Исключение составил, пожалуй, только Пейсах 1917 года. Причина: в тот Пейсах всё еврейское население было изгнано из Яффо и его зеленого предместья – Тель-Авива.

Приближение беды ощущалось уже в конце марта. Британская армия, продвигаясь из Синая на север, подошла к Газе. Турки, правившие Палестиной, пришли в ужас^[2]. Они опасались – по крайней мере, так было заявлено – что Яффо, главному портовому городу страны, угрожает британское вторжение с моря. Поэтому всем жителям было приказано покинуть его в течение нескольких дней.

В соответствии с указом до окончания сбора урожая было разрешено остаться только феллахам. На землевладельцев указ не распространялся. Многие арабы попрятались на цитрусовых плантациях вблизи от города, надеясь при первой возможности вернуться в свои дома. К арабам власти относились не слишком строго. К евреям же проявили, напротив, предельную нетерпимость, и все попытки отменить их распоряжение или, по крайней мере, задержать его исполнение, ни к чему не привели. Мордехай Бен-Гилель а-Коэн^[3] записал в своем дневнике 28 марта: «Трудно поверить, что военное положение, тактика войны вынуждают принимать такие суровые меры. Более того, мы вообще не верим, что власти идут на этот шаг, чтобы защитить наши жизни от врага».

Два дня спустя городской комитет Тель-Авива^[4] расклеил объявления, где жителям предписывалось срочно покинуть город. Несмотря на то что окончательная дата эвакуации не была указана, комитет предлагал горожанам поторопиться, пока турецкие власти не применили силу. В объявлениях также указывалось, что состоятельные люди имеют право ехать куда угодно, кроме Иерусалима и Хайфы, бедные же будут отправлены в Сирию за счет правительства. В тот же день в Тель-Авиве был создан Комитет по переселению, взявший на себя решение всех проблем, связанных с транспортом и поисками подходящего жилья для беглецов.

Комитет решил собрать представителей поселений, в основном – с севера страны (население юга тоже получило приказ эвакуироваться, хотя по отношению к нему турки не проявляли такой жесткости, как к жителям Яффо и Тель-Авива), и просить их помощи. Помощь оказалась особенно необходимой, когда 1 апреля турки объявили, что в течение восьми суток город должен быть очищен от жителей. В тот же самый день в Тель-Авив прибыл всемогущий Джамаль-паша^[5]. Уважаемым людям города, которые предстали перед ним и хотели вновь обсудить решение властей, Джамаль сообщил, что он вынужден эвакуировать всех от мала до велика чисто по военным соображениям. В пылу грядущих боев, объяснил турецкий военачальник, город может быть разрушен до основания, и нельзя допустить, чтобы в это время там находилось гражданское население. Правда, Джамаль-паша был готов ненадолго – до середины

следующей недели – отложить эвакуацию по случаю праздника Пейсах, но предупредил, что не исключено непредсказуемое развитие событий. «Враг ведь не соблюдает Пейсах», – сказал командующий...

Представители южных поселений, Меерович и Зайгер, утверждали, что женщин и детей лучше оставить на местах, как это делалось в арабских деревнях. «Почему наши жены должны оказаться в положении худшем, чем жены феллахов?» – спрашивали они. Ответ Джамалья-паши гласил: «Я подам последний сигнал, и все должны будут оставить свои дома в течение нескольких часов. Что тогда станут делать ваши изнеженные женщины? Ведь жен феллахов погонят кнутами и палками...»

Меир Дизенгоф^[6], глава городского комитета, просил пашу рассматривать Тель-Авив как поселение и отнестись к нему соответственно. Тщетно. Темп эвакуации увеличивался. Ежедневно многие сотни жителей покидали Яффо и Тель-Авив. Из поселений прибывали возчики с повозками, чтобы оказать людям помощь при переезде. Особенно щедрой оказалась в этом отношении Галилея.

Однако кое-кто использовал ситуацию для личного обогащения. Они требовали огромную плату и за повозки, и за лошадей. «Да будет стыдно Петах-Тикве, которая торговалась, словно мелкая торговка с рынка, да покроются позором те из Зихрона, Реховота и Ришона, которые посчитали это время подходящим для законного обогащения. Позор им! И как прекрасны деяния галилеян, и как праведны пути их!» Это слова Мордехая Бен-Гилеля а-Коэна.

Αδελφοί μου και αδελφές Υ. Α. Ακούει με απίστευτο ές Αϊντ'ο Βόοτ'ι τηνά τωνά τ'ο έβ'εα'ε'υ'ι τ'α' αν'ο'ν'ε'α'ι'ε'υ' α' Ε'α'ν'ν'α'ε'ε'ι'.

1917 α'α

В Тель-Авиве царили страх, гнев, подавленность и чувство бессилия. Моше Смилянский^[7] так описывает канун Пейсаха 1917 года: «Мы как тени бродим по улицам пустеющего Тель-Авива. Повозки, верблюды, ослы... Какая-то детская коляска, запряженная парой ослов, и двое мальчиков, управляющие ею. Всё, нагруженное доверху, медленно тянется по песку в Петах-Тикву».

В канун Пейсаха, 6 апреля 1917 года, Тель-Авив и впрямь почти опустел. Несколько десятков семей провели грустный сейдер, а на следующий день в синагоге собрались всего 70 человек. Еще через три дня в изгнание отправились последние жители. Только несколько молодых людей остались охранять дома и имущество^[8].

Петах-Тиква была первой остановкой на пути изгнанников. Оттуда они двинулись дальше на север, и большая часть их добралась до Нижней Галилеи. Считают, что из пяти тысяч изгнанников приблизительно две тысячи поселились в Нижней Галилее, около тысячи в Цфате и Тверии, и еще тысяча – в Кфар-Сабе, крошечном поселке, который вскоре быстро разросся.

Сведения о жестокости турок по отношению к евреям публиковались в газетах многих стран. 8 мая агентство «Рейтер» передавало: «Указ эвакуировать Яффо касается всех евреев, включая подданных Центральных держав^[9]. 1 апреля им было дано 48 часов... Джамаль-паша открыто заявил, что радость евреев по поводу продвижения британской армии к Газе будет кратковременной, поскольку он приложит усилия к тому, чтобы их постигла участь армян».

Áíçaðàùáí èá ìñè ò èíá Òí òí á Òáèü-Ááèá

1918 ãã

В результате давления, которое еврейские организации оказали на правительства центральных держав и нейтральных государств, турки ограничились высылкой евреев из Яффо и Тель-Авива и не изгоняли их из других мест. Изгнанники терпели невыносимые лишения, многие из них скончались от тяжелых болезней. В Палестине вспыхнуло несколько эпидемий. Спустя примерно полгода, когда этот регион заняли англичане, части переселенцев удалось вернуться в Тель-Авив и Яффо. Однако большинство из них были вынуждены ждать еще более полутора лет – до окончания войны.

Ἰστανβούλα πάλαι ποτέ ἦν ἐν τῷ ἀνατολικῷ Ἰσραὴλ

Ἀνατολικὴ Ἰερουσαλὴμ

¹³¹ Ἰ. Ἰστανβούλα πάλαι ποτέ ἦν ἐν τῷ ἀνατολικῷ Ἰσραὴλ ἐν τῷ 1850-1950 π.μ. (Ἰσραήλ 1991) - ἡ ἀνατολικὴ Ἰερουσαλὴμ ἐν τῷ 1850-1950 π.μ.

¹³² Ἀνατολικὴ Ἰερουσαλὴμ ἐν τῷ 1850-1950 π.μ. Ἰστανβούλα πάλαι ποτέ ἦν ἐν τῷ ἀνατολικῷ Ἰσραὴλ ἐν τῷ 1850-1950 π.μ. Ἰστανβούλα πάλαι ποτέ ἦν ἐν τῷ ἀνατολικῷ Ἰσραὴλ ἐν τῷ 1850-1950 π.μ. Ἰστανβούλα πάλαι ποτέ ἦν ἐν τῷ ἀνατολικῷ Ἰσραὴλ ἐν τῷ 1850-1950 π.μ.

¹³³ Ἰ. Ἀνατολικὴ Ἰερουσαλὴμ (1850-1950), Ἰστανβούλα πάλαι ποτέ ἦν ἐν τῷ ἀνατολικῷ Ἰσραὴλ ἐν τῷ 1850-1950 π.μ. Ἰστανβούλα πάλαι ποτέ ἦν ἐν τῷ ἀνατολικῷ Ἰσραὴλ ἐν τῷ 1850-1950 π.μ.

¹³⁴ Ἰστανβούλα πάλαι ποτέ ἦν ἐν τῷ ἀνατολικῷ Ἰσραὴλ ἐν τῷ 1850-1950 π.μ. Ἰστανβούλα πάλαι ποτέ ἦν ἐν τῷ ἀνατολικῷ Ἰσραὴλ ἐν τῷ 1850-1950 π.μ.

¹³⁵ Ἀνατολικὴ Ἰερουσαλὴμ (1850-1950) - Ἰστανβούλα πάλαι ποτέ ἦν ἐν τῷ ἀνατολικῷ Ἰσραὴλ ἐν τῷ 1850-1950 π.μ. Ἰστανβούλα πάλαι ποτέ ἦν ἐν τῷ ἀνατολικῷ Ἰσραὴλ ἐν τῷ 1850-1950 π.μ.

¹³⁶ Ἰ. Ἀνατολικὴ Ἰερουσαλὴμ (1850-1950) Ἰστανβούλα πάλαι ποτέ ἦν ἐν τῷ ἀνατολικῷ Ἰσραὴλ ἐν τῷ 1850-1950 π.μ. Ἰστανβούλα πάλαι ποτέ ἦν ἐν τῷ ἀνατολικῷ Ἰσραὴλ ἐν τῷ 1850-1950 π.μ.

¹³⁷ Ἰ. Ἰστανβούλα πάλαι ποτέ ἦν ἐν τῷ ἀνατολικῷ Ἰσραὴλ ἐν τῷ 1850-1950 π.μ. Ἰστανβούλα πάλαι ποτέ ἦν ἐν τῷ ἀνατολικῷ Ἰσραὴλ ἐν τῷ 1850-1950 π.μ.

¹³⁸ Ἀνατολικὴ Ἰερουσαλὴμ (1850-1950) Ἰστανβούλα πάλαι ποτέ ἦν ἐν τῷ ἀνατολικῷ Ἰσραὴλ ἐν τῷ 1850-1950 π.μ. Ἰστανβούλα πάλαι ποτέ ἦν ἐν τῷ ἀνατολικῷ Ἰσραὴλ ἐν τῷ 1850-1950 π.μ.

¹³⁹ Ἰστανβούλα πάλαι ποτέ ἦν ἐν τῷ ἀνατολικῷ Ἰσραὴλ ἐν τῷ 1850-1950 π.μ. Ἰστανβούλα πάλαι ποτέ ἦν ἐν τῷ ἀνατολικῷ Ἰσραὴλ ἐν τῷ 1850-1950 π.μ.

Ἰαὶ ἱ ἐς ἱ ἀδελφὸς γαῖααί ἐε Ἀδελφεῖα αἰ οὐδὸ ἀσθενήσῃα ἐπὶ ἐοῶα Νεῦο (ἡεῶα ἱ αἱ δαῖ): Ἡ ἰ ἀδελφ, Ἰ. Ἰ ἀδελφ, Ἀ. Ἀδελφῆμῖ, Ἐ. Ἰδῆ ἀδελφ

Νοῖο (ἡεῶα ἱ αἱ δαῖ): ἱεῶεῖο Β. Οὐεῶδ, ἡεῶεῖα: Ἀ. Ἰεῖο δαῶ, Ἐ. Ἰεῖο ἱα Ἡ. Ἰεῖο ἡεῖ, ἱεῶεῖο Β. Ἰεῖ, Ἀ. Ἰεῖ, οὐῖαεῖ ἐε Ἀ. Οὐεῶδ

Ἰ ἱεῶα, 1942 ἡῶ

ЕАК был задуман и создан Кремлем в критический период войны с Гитлером. Это было взвешенное политическое решение, и дело, естественно, не ограничивалось сбором денег для нужд фронта. Направляемые властью усилия Комитета, состоявшего из деятелей искусства, пользовавшихся мировым признанием, привлекали симпатии к Москве; прежде всего в США, где влияние евреев на общественное мнение было значительным. Но кремлевские архитекторы внешней политики едва ли предполагали, что ЕАК довольно скоро станет устойчивым фактором политики внутренней – по существу, национальным представителем еврейского меньшинства в «братском» конгломерате народов Советского Союза. Вместо того чтобы идти со своими проблемами и просьбами в ближайший райком партии, евреи напрямую обращались в ЕАК, видя в его руководителях своих настоящих лидеров, у которых можно было найти понимание и поддержку. Для тоталитарной власти такое положение дел было нестерпимым.

ЕАК со дня его основания возглавлял Соломон Михайлович Михоэлс. Перец Маркиш – наиболее известный среди еврейских писателей того времени – стал членом президиума Комитета. Выбор был сделан верно: знаменитый актер и режиссер Михоэлс был публичным человеком, он умел и любил владеть зрительным залом – этой в известном смысле моделью общества. «Зрителями» Маркиша были читатели его книг, слушателями – доверенные и проверенные друзья, составлявшие достаточно узкий круг.

Разгром Антифашистского комитета начался с убийства Михоэлса. Вопрос о судьбе ЕАК был решен «на самом верху», на министерство государственной безопасности было возложено решение технических проблем. Процесс над ЕАК должен был стать судом над еврейским национальным меньшинством и послужить прелюдией к дальнейшим репрессиям и «окончательному решению вопроса» о судьбе этого беспокойного племени в СССР. Аресты писателей можно было держать в секрете, что и было сделано: мир уверили в том, что Перец Маркиш, Давид Бергельсон, Лейб Квитко живы и здоровы, а в столице их нет по той причине, что они разъехались по писательским домам творчества. Скрыть арест Михоэлса, регулярно выходившего на сцену своего театра в самом центре Москвы, было практически невозможно.

13 января 1948 года Михоэлс «попал под машину» в Минске, куда был командирован Комитетом по Сталинским премиям. Наутро мамина близкая приятельница Ирина Дмитриевна Трофименко,

жена командующего Белорусским военным округом, позвонила нам в Москву и сказала: «Ночью убили Михоэлса». И положила трубку.

Мама пошла к отцу в кабинет: «Звонила Ира Трофименко, Михоэлс убит...» Отец поднес палец к губам: «Ша!» У стен в то время имелись уши, это и дети знали... Отец с матерью вышли на улицу, там можно было говорить.

Через несколько дней приехала из Минска Ирина Трофименко, рассказала матери, – разумеется, под секретом: муж запретил говорить на эту тему, – что Михоэлс был убит на даче, потом его тело перевезли в Минск и инсценировали гибель под колесами грузовика и что всё это дело рук белорусского министра МГБ Цанавы.

В стихотворении «Михоэлсу – неугасимый светильник. У гроба» Перец Маркиш писал:

- Î Áá-í îñòù! B íá òáíé îíðááí íúé îíðíã

Èáò çàðááéáí íúé, ááè òúé, ááçáúðáí íúé.

Ñéááú çéíááéíð áá ý, èáè ì íé íáðíã, ñááðáã

× ò íá ò ù áçí áéà í áñ ááýáááèèñ

á ý ò è ðáí ú.

Ñí-ò è èð áí íáí íé. B ñ áñ í ò í áéá-áé

Ááò áé è ì á ò áðáé òáí íé ì í è ò ááá-éé.

Çà ò áñ, è ò í è çááé áé è ááçá, è í á-áé,

B æéçí úþ çáí èá ò èé è ì óé í é : áéí áá-úáé!

Òáíþ ò ðí í ó áí áé í á ñéðíþ ò éáá è ñ áñ

Òáí é è ðéé í á çááé ò è ò çáí èá-í úé

éá ò í ááí í úé,

Áí éú ðáçí í çáé áí í ú ò ááç áñ éé í áá ò

èç-í í á áé

È ðáá ò ñý è í áááíáí, èáè ñéáéúú úé è ðýæ

íáðí í úé.

(Í ááááíã Á. Ó ò áé í ááááíã.)

Ни о какой «гибели под колесами» нет и речи: заказную работу сделал убийца, «кат наемный». В официальную версию – наезд грузовика – верили либо те, кто хотел в это верить, либо те, кому в это верить было велено.

Менее чем через год начались аресты членов Президиума ЕАК.

За это время в истории еврейского народа произошло самое значительное событие со дня разрушения второго Храма в 70 году новой эры – на свет появилось государство Израиль. Это состоялось 15 мая 1948 года и вряд ли стало совершенной неожиданностью для кремлевского руководства. Убийство

Михоэлса и подготовляемое уничтожение ЕАК было продуманным шагом в преддверии возникновения еврейского Национального Дома в Палестине: никакая еврейская «родственная» организация не должна была влиять на будущее развитие отношений между Москвой и Тель-Авивом или хотя бы вмешиваться в эти отношения. У Сталина были свои планы на сей счет. А в том, что советские евреи испытывают жгучий интерес и сердечную тягу не к Биробиджану, а к национальному очагу далеко за пределами «социалистической родины», не мог бы тогда усомниться даже слепой. На Лубянке были прекрасно осведомлены об этих настроениях. Не вызывало двух мнений также и то, что возникновение свободного Израиля породит прилив национального самосознания в еврейской среде, а это куда как скверно для «монолитного советского общества».

Опасения были небезосновательны. Перец Маркиш, утверждавший: «Галилея – это я!» (в письме еврейскому литературному критику Ойслендеру), после посещения Биробиджана в конце 30-х, пришел к выводу, что попытка заселения евреями дальневосточных лесов совершенно бесперспективна. Точно так же ничего не вышло из попытки барона Гирша «посадить евреев на землю» в аргентинских пампасах. Не могло ничего выйти и из наивного стремления Герцля создать для евреев «родину» в Уганде. Иерусалим был той путеводной звездой, которая светила евреям целых две тысячи лет. С самого начала рассеяния.

- יִי אֱלֹהֵי אֲבוֹתַי יִשְׂרָאֵל

אֱלֹהֵינוּ אֱלֹהֵי יִשְׂרָאֵל

עַל כָּל הַיְּהוּדִים אֲמֵן

נֹרִיף, מִן הַיָּמִים עַד הַיּוֹם.

Это не Перец Маркиш – это Самуил Маршак, русский писатель, сберегший под спудом еврейские нравственные ценности. Иерусалим – родной, а Биробиджан или аргентинский Мозес-Виль даже не двоюродные.

Говорили в нашем доме и о «крымском варианте». Отец ездил в Крым, по еврейским колхозам, еще до войны. Впечатления его от этой поездки были безрадостные: колхозные евреи прозябали, оторванные от родной культуры и цивилизации. То, что в Крыму росли розы и азалии, а не сосны с елками, конечно, украшало полуостров, но не делало его родней ни на йоту. Кочевой народ, вопреки всему на свете не желавший забывать далекую историческую родину, не пустил бы корней и здесь. К чему тогда снимать людей с насиженных мест, разрушать быт, разрывать налаженные человеческие связи? Ради чего?

История об обращении ЕАК к властям с просьбой передать евреям Крым широко известна. Перец Маркиш не подписал это обращение. Свое решение он мотивировал в особом письме. В поисках черновика этого письма бригада МГБ, проводившая у нас обыск вслед за арестом отца, перевернула весь дом. Перезванивались с начальством, советовались. Вынюхивали, выспрашивали. Нашли... В том письме Маркиш писал, что Крым принадлежит крымским татарам, что актом исторической справедливости стала бы передача евреям республики немцев Поволжья, пустовавшей после высылки обитателей этих земель в Сибирь и Среднюю Азию. Тут надо отметить, что и крымчаков к тому времени Сталин успел сослать, и утверждение, что Крым принадлежит опальным татарам, звучало по меньшей мере вызывающе.

Не думаю, что это письмо оказало какое-либо влияние на судьбу Перца Маркиша. Судьба ЕАК была предрешена, ведущие его деятели были обречены. Уже после их гибели, после 12 августа 1952-го, на все наши запросы приходил один и тот же ответ: «На ваши жалобы, адресованные в Министерство Внутренних Дел СССР и Генеральному Прокурору СССР, сообщаем, что Маркиш П. Д. за совершенные им тяжкие государственные преступления 18 июля 1952 года осужден Военной Коллегией Верховного Суда СССР. Проверкой дела Маркиша П. Д. установлено, что виновность его полностью доказана материалами предварительного и судебного следствия и оснований к отмене или изменению приговора по его делу не имеется. Сведениями о местонахождении Маркиша П. Д. прокуратура не располагает».

Ï. Ï àðèèè í à àá:àáà í àì ýòè Ñ. Ï èõí ýèñà

Ï ïñèàà

1948 ãã

В состав репрессированного Президиума ЕАК входили самые известные, самые прославленные представители еврейской интеллигенции. Их гибель стала катастрофой для советского еврейства – катастрофой, от которой оно так и не сумело оправиться. Целый народ был искалечен, запуган. Рос антисемитизм. Страх перед дальнейшими преследованиями, арестами, поголовным выселением из городов в сибирскую глухомань поселился в еврейской среде. И не к кому было теперь обращаться, ибо надежда быть услышанными исчезла вместе с гибелью ЕАК.

Наивно было бы предположить, что в советском обществе, напигованном стукачами – добровольными осведомителями и штатными агентами госбезопасности, ЕАК оставался незамутненным, как кристалл, символом национальной чести и достоинства. Были в Комитете секретные доносчики, служившие несправедливой власти и за страх, и за деньги. Один из них, самый, вероятно, могущественный, – поэт Ицик Фефер, числившийся в чекистских рядах еще с довоенных времен и пользовавшийся служебным «псевдонимом». В Президиуме ЕАК о его роли догадывались, хотя, естественно, громко об этом не говорили. Перец Маркиш и его друзья, собиравшиеся в нашем доме, от общения с Фефером воздерживались и в свой круг его не допускали – не столько из соображений безопасности, сколько из чувства брезгливости.

О поездке делегации ЕАК в разгар войны в США для привлечения общественного мнения к судьбе европейского еврейства и сбора денег для нужд Красной Армии много говорено и написано. Разумеется, то была пропагандистская акция, преследовавшая целый ряд политических целей. Маркиш отнесся к поездке отрицательно: «Нельзя плясать на еврейской крови!» – и участие в ней считал для себя неприемлемым. Есть основание думать, что определенную роль в этом решении сыграл и тот факт, что вместе с Михоэлсом в Америку был назначен ехать Фефер, а на такое «соседство» отец не был согласен ни при каких обстоятельствах.

Вокруг поездки Михоэлса и Фефера, действительно, сложились мифы. Кто только ни касался этой темы – и журналисты, и историки, и диверсанты... Публика смаковала, среди прочих, такую байку: американские евреи вручили московским посланцам две одинаковые меховые шубы – одну для Михоэлса, другую для Сталина. «Лучшему другу скорняков» такая «уравниловка» пришлось не по вкусу, он затаил на Михоэлса обиду, и это повлияло на дальнейший ход событий... История полна анекдотов подобной пробы. Наполеон, повторяют некоторые, не одержал решающей победы при Бородине по причине насморка.

Как бы то ни было, визит делегации ЕАК в Америку был признан кремлевским руководством успешным, если не триумфальным. Но разве можно соотнести этот успех с непосредственной причиной поездки – угрозой тотального уничтожения, нависшей над европейским еврейством?..

Остается очертить место ЕАК в еврейской истории новейшего времени. Разгром Комитета – этого, по сути, промежуточного звена между народом и тоталитарной властью – пришелся на тот период, когда надежды угнетенных и запуганных советских евреев были обращены к новорожденному Израилю. Удержать разбуженных людей от опасного для советской идеологии эмоционального порыва, изолировать их от любых контактов с исторической родиной стало первоочередной тактической задачей властей. Еврейский антифашистский комитет, само его послевоенное существование препятствовало выполнению этой задачи, разжигая, по мнению кремлевских идеологов, националистические настроения в еврейской среде. ЕАК, следовательно, надлежало уничтожить. Карфаген должен был пасть.

История сыграла с кремлевскими вождами злую шутку: уничтожение цвета еврейской интеллигенции привело к неожиданному результату. Лишенные национального руководства, которое символизировал для них ЕАК, ежеминутно ждущие депортации, евреи видели свое спасение теперь лишь в Израиле. Расправа с ЕАК и связанное с этим усиление антисемитского психоза в стране привели к тому, что уже тогда, в 1952-м, советские евреи готовы были без сожалений расстаться с «родиной социализма», готовы были к массовой репатриации в Израиль – к своим. Судьба преподнесла им неслыханный подарок: умер Сталин, повеяли новые ветры. То, что вчера казалось несбыточной мечтой, сегодня обретало реальные очертания. Немногие уцелевшие в лагерях сионисты вышли на свободу, в Прибалтике появились первые нелегальные сионистские кружки. Наученные горьким опытом недавнего прошлого евреи – среди них и совсем еще молодые люди – тянулись к исторической родине. Они рисковали свободой и жизнью ради того, чтобы добраться до нее. Надо сказать, что и Израиль, как говорится, не сидел сложа руки: при первой же возможности израильские эмиссары появлялись там, где можно было встретиться с советскими евреями, позондировать почву, оценить ситуацию. Координировал эти усилия легендарный боевой командир Шауль Авигур, участник боя при Тель-Хай. Мне посчастливилось встретиться с Авигуром, я еще вернусь к нему в этих записках.

Отца арестовали 27 января 1949 года. Но уже за полгода до этого, когда начались аресты его коллег по Антифашистскому комитету, а на нашей лестничной площадке появился пост МГБ, ему стала ясна собственная участь. Жизнь в нашем доме, тем не менее, текла по накатанной колее. По утрам семья собиралась за завтраком, потом отец уходил к себе – работать, потом дети уходили в школу, возвращались к обеду, вечерами у отца часто собирались друзья; только разговоры раз от раза становились приглушенной, тише. В начале июня мы уезжали на съемную дачу за город и проводили там летние месяцы. Смутно помню застекленные цветными ромбиками дощатые террасы, чаепития за столом, золотисто-зеленые вечерние деревья за окном...

Всё это – дачи, распорядок дня – устоялось уже после войны. Семья вернулась из эвакуации, из Ташкента в 43-м, отец демобилизовался из армии в 45-м: он был приписан к ВМФ, носил погоны капитана второго ранга и кортик, и это составляло предмет моей гордости. То была его вторая война – на первой мировой он был ранен, какая-то газета даже сообщила: что «...рядовой П. Маркиш убит в бою». Он не любил рассказывать об этом давнем эпизоде; не придавал ему, видимо, никакого значения.

В 45-м, едва я поступил в первый класс, меня пригласили сниматься в кино, в детском фильме «Слон и веревочка». Отец был против: «Нечего дурить ребенку голову, актер из него всё равно не получится!» Но мама уговаривала, убеждала, и отец уступил со словами: «Ты типичная “Бусина мама”!» (Имелась в виду мать скрипача-вундеркинда Буси Гольдштейна; детскими музыкальными успехами сына она восхищалась сверх всякой меры.) Так я появился на киностудии «Детфильм» (будущая студия имени Горького), и мне была поручена роль главного мальчика. «Главную девочку» играла Наташа Защипина, снявшаяся уже в знаменитой «Первокласснице».

Взрослых в «Слоне и веревочке» играли великие: Раневская и Плятт. Я знал, кто они такие, и оттого робел и смущался – хотя снимался с ними в одних и тех же эпизодах, в одном кадре. Однажды в гримборной Раневская сидела перед зеркалом в соседнем кресле. Повернувшись ко мне, она вдруг произнесла строгим тоном:

– А ты, мальчик, имеешь какое-нибудь отношение к Перцу Маркишу?

– Я его сын.

– Как же Перец, – искренне удивилась Раневская, – отпустил тебя в этот бардак?

Что такое «бардак», я точно не знал, хотя и догадывался – в самых общих чертах. Вернувшись со съёмки домой, я рассказал отцу про Фаину Григорьевну. Отец смеялся, поглядывал на мать.

– Успокой Раневскую, – сказал он наконец. – Скажи ей, что это не я тебя отпустил, а мама. И что это в первый и в последний раз.

И правда, когда, после выхода «Слона» на экран, меня пригласили сняться в экспериментальном стереофоническом фильме «Робинзон Крузо», отец произнес твердое «нет». Никакие уговоры не помогли. На этом закончилась моя актерская карьера.

Я не сожалел об этом. Ну, может, самую малость...

...Говорят, к старости память трансформируется и высвечивает в далеком прошлом целые пласты событий. Может быть, и так; я этого пока не испытал.

Звенья в цепочке моих воспоминаний затвердевают лишь ко времени ссылки, к четырнадцати с небольшим годам. Казахстанская ссылка сделала меня евреем, «упрочив» ту национальную прививку, которую я получил в детстве. Безусловная несвобода дала мне ощутить, что такое свобода. Пятнадцать лет спустя после освобождения я писал в первом своем романе «Присказка» – книжке о подростке Симоне Ашкенази, начинавшем жизнь в ссылке, в казахском поселке Джеты-Су:

Ней йй ам аодеаей, аеае йаоадиаеа – ейаа а йе йаейао ййаюоий, юе ейе, ейоюа йоюа-оо йй Аааоу-Но е аеао аеуа, йа йаоаеа йе й аеаеаа аей аеу йе йа Ней йй Ааеаае, йе йа Наяу Ааеуае-а Ооааа, аауео йаеаюий йй аеуе йе-ейа н оаеи йаоадиаеа. Йе аеао, ейе, а Ней йй йюаюоий йеаоу йа едуса йаау, а йюий нюеюоий аааа Ней йю йаеуу аеае н оааоуае йа йааа, йюий о-оу Ней йй – нюеууе й аеу-еа, а ейе йааауу. Йао, ейе оуаа йа йааауу – йаа йе йе йюааеауу оааоуеае. Й аао ауоу йааауу йе? Йй ааууеи, йааауу, йюй-аоаеу аеауе аа аюуоу оааоуу н ааа йа йааа, а йюий аааауаоуу ео н йаааа йа аа е оо-оа ау йе йеае ари а е ййеаеае -аае. Йй еи ааею ааоу е йе аюуоу. Ча-ео, йе оуаа йа йааауу.

Йй аа -оаеа аюуау ауеу ау аеае н оааоуае йе йа йааа.

Ейе ййаеаеуу а йеуеу е оеуеуу йаеаа йуеа, ааааоуауу йй аа еа йааауу ааеу Ня-аеа ауе ааау оуеуу ююо аае, нюау еоаеууу йаеаоуаауеае йа Аааоу-Ну Йюий ййеуаеуу ае, йеауу ау йй аа еа ааауае ейеуеае аау оуеи е аааууууу е йаеау е. А йюий ейе аюеае Аааоу-Но е ййеуеае аа <...>

Ча ййеауеи аюуу ейае йоуеаеае оааоуеае н аеуууу е оеуеау е а аеаа. Йаеу еу йео аауу йаоууу аауууе йа нюаеаа е й аеу-еаа, йеаааеуу йа едуса йаау.

Йа йаааау йй аауу, йй аауу. Оууу йаеуу.

Аюуау ауеу ау аеае йа йааа

Γὰ πῦρ ἐὰν ὀρέσῃ ἀ «Νεῖν ἐ ἀδελφὸν-ἐὰ».

В конце лета 55-го мы освободились из ссылки по реабилитации, вернулись в Москву (судьба отца не была нам еще известна, мы могли лишь предполагать) и с порога вновь получили «по мозгам»: нам было велено в пятидневный срок выехать из столицы на 101-й километр. Это испытание показалось мне не ударом судьбы, а лишь ударчиком: подумаешь, сто километров – плевое расстояние! Да и утрясется как-нибудь эта неприятность, перемелется – мука будет. Плевать. Не качать же права из сухого колодца.

Мама думала иначе. Она была подавлена, она и слышать не хотела ни о каком славном городе Александрове, расположенном в разрешенной для нас зоне, и решила идти к Александру Фадееву, тогдашнему первому секретарю Союза писателей.

Фадеев выслушал маму, с которой был знаком со старых, еще довоенных времен, и сказал:

– Обещать я тебе, Фира, ничего не могу, но попробую что-нибудь сделать... Три-четыре дня отсидитесь где-нибудь, не выходите из дому. Потом позвони мне. – Такой совет из уст могущественнейшего Фадеева звучал по меньшей мере интригующе.

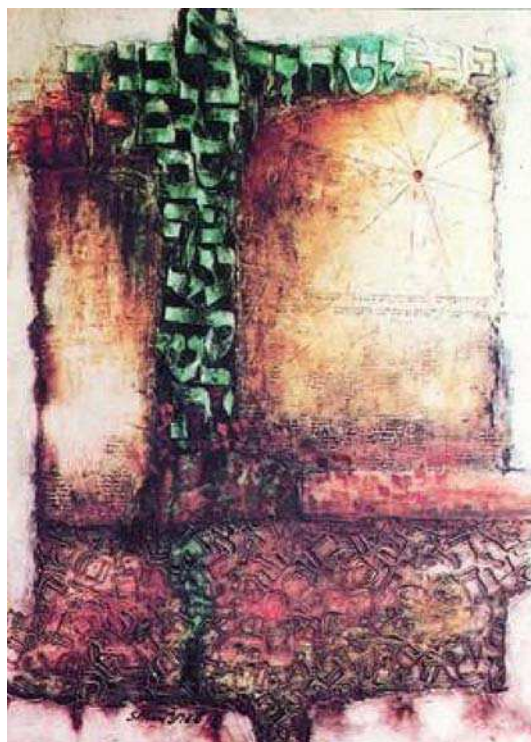
Не знаю, что он делал, на какие нажимал кнопки. На четвертый день он сообщил маме, что решение о нашей высылке на 101-й километр отменено и мы можем выходить из «подполья».

ЕВРЕИ И АРАБЫ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ФОНЕТИКИ

(עֵץ אֲדִי־עֲרֹבִי «Ādāēēēā i dīēēēā i ēāēā»)

Владимир Жаботинский

Когда в 1903 году Жаботинский перевел «Ворона» Э. А. По, его новация заключалась прежде всего в том, что он сохранил магию английского «nevermore» и тем самым нашел массу последователей среди переводчиков. Правда, там есть о чем поговорить кроме «nevermore»: в появившихся недавно исследованиях в переводе Жаботинского отмечены даже реминисценции из кабалы. Безусловно, это малоизученный и еще не оцененный по достоинству поэт и писатель. Однако именно это «nevermore» – камертон его безошибочного музыкального слуха. В известной мере об этом публикуемая ниже работа Жаботинского. Ипостась «Жаботинский – поэт» явлена здесь в первую очередь. Хотя «Жаботинский – западник» и «Жаботинский – сионист» проступают не менее отчетливо. Это особенность некоторых его публицистических работ – посвященных частным вопросам и вроде бы второстепенных на фоне пространных трудов по проблемам политического сионизма: в высшей степени незаурядная и выходящая за рамки всяких определений личность автора раскрывается здесь свободно и трансцендентно, как в лирическом жанре.

Теперь невозможно догадаться, как звучала еврейская речь в дни наших древних предков; одно ясно – их выговор отличался изысканной точностью. Они не знали скороговорки, не проглатывали слогов, не путали гласных, – короче: не знали того неряшливого произношения, которое мы теперь слышим на улицах Тель-Авива. Чтобы в этом убедиться, достаточно взглянуть в одну строку еврейской книги, напечатанной с полной пунктуацией. Система «никкуд» была установлена нашими учеными тогда, когда еще не совсем вымерла традиция живой еврейской речи; если они и ошиблись в чем-нибудь, то, само собою понятно, не в сторону преувеличенной точности, – наоборот, в их эпоху, быть может, уже позабылись некоторые тонкости древнего произношения, – могли, например, стереться некоторые оттенки в выговоре гласных, еще отличавшихся друг от друга во дни Давида и Соломона. И тем не менее, как велико звуковое богатство, о котором свидетельствует никкуд (вокализация) масоретов! Три знака для «а», четыре для «о», четыре для «э», два знака для «у», два для «и». Обилие этих знаков доказывает слух, чрезвычайно заостренный и утонченный. Наши предки говорили на языке, исключительно богатым звуковыми оттенками, тщательно отмечали малейшее различие между звуками, отчеканивали каждый слог; можно сказать, что «кокетничали» своим произношением. Грешно портить такой язык тем монотонным треском, который

приходится слышать не только на улице и в собрании, но, к сожалению, иногда и в школе, и со сцены театра.

Язык – это ядро и основа национальной музыки. Как скрипач или пианист работают над сонатой, которую завтра они будут играть публично, так должен работать каждый из нас над улучшением своего произношения.

Но откуда взять законы для улучшения произношения? Где найдем мы опору и пример для «правильного» произношения согласных и гласных?

Естественно, каждый из нас склонен придать «своему» ивриту звуковой облик того иностранного языка, к которому он привык с детства: идиш, испанольский, русский, немецкий, польский, арабский, английский. Само собою понятно, что эта «система» не система. Наоборот: первой нашей заботой да будет стремление избавиться от всех этих «акцентов».

Некоторые авторитеты считают, что следует приблизить наше произношение к арабскому. И это ошибка. Конечно, иврит и арабский – оба «семитические» языки, но из этого не следует, что наши предки говорили «с арабским акцентом». Французский и итальянский языки тоже близкие родственники, но звуковой эффект их – совершенно разный. В итальянском алфавите имеются звуки, которых нет во французском, и наоборот: есть те же буквы, например «R», которые совсем по-разному произносятся. Русский и польский тоже родственные языки: однако польский акцент в русской речи чрезвычайно режет слух, и наоборот. Лексическая и грамматическая близость не свидетельствуют о близости произношения. Ибо произношение языка не зависит от его структуры: оно зависит от «музыкального» вкуса народа, пользующегося этим языком, от того, что приятно или неприятно для коллективного слуха того или иного племени. Есть примеры даже одного языка, произношение которого совершенно меняется под влиянием климата, природы или расы. Кому неизвестна громадная разница между английским и американским произношением? Еще значительнее разница в произношении между датским и «норвежским» – хотя, как известно, язык Ибсена и язык Андерсена – один и тот же язык (датский).

Во дни расцвета нашего языка в Древней Палестине у нас не было почти никакого контакта с арабами. Слово «араб» редко встречается в Библии. Язык арабов развивался в климатических и природных условиях, резко непохожих на условия нашей страны: в безграничном просторе, а не в тесной полосе между Даном и Беер-Шевой; на равнине, а не в долинах; в тропической жаре Аравии, а не в прохладном Иерусалиме; в одиночестве пустыни, а не в толкотне перепутья между Ассирией и Египтом. И расовое происхождение различно. В начале еврейского завоевания Ханаан кипел самыми различными племенами: иевуситы, хиттиты, аморреи, филистимляне и многие другие; некоторые из них – осколки народов Европы и Анатолии, другие – хамиты. Но к концу периода Царей эти племена уже исчезли или почти исчезли: большинство из них растворилось в коленах израильских. Так создалась еврейская раса: «средиземная» раса, в крови и в душе которой смешаны и слиты черты и вкусы целого ряда северных и западных народов.

Достаточно заглянуть в учебники еврейского и арабского языков: даже человек, который никогда ни того ни другого не слышал, просто из первых же глав поймет, что у таких двух языков не может быть схожего звукового облика. В еврейском – ударение почти всегда на последнем слоге, очень редко на предпоследнем; в арабском – самое излюбленное ударение падает на третий с конца слог. Одно это доказывает, как сильно отличался музыкальный вкус народа, создавшего арабский язык, от музыкального вкуса народа, создавшего еврейский. Или возьмем вокализм: чистый арабский язык зиждется на трех гласных – а, и, у, – да и они выговариваются ясно лишь под ударением, – во всех других случаях их произношение глухо, и трудно отличить «а» от «э», «о» от «у».

Иврит строго придерживается своих пяти главных гласных – а, о, э, и, у – и обозначает с большой точностью малейшее изменение в произношении каждой из них. Ясно, что развитие слуха у этих двух народов, в эпоху возникновения их языков, пошло по разным направлениям.

Из этого следует, что учиться произношению у арабов нам нет смысла. Правда, и у них есть буквы «цади», «куф», «тет», «аин»; но отсюда совершенно не вытекает, что произношение этих букв в устах наших предков было похоже на произношение арабов в наши дни. Арабское произношение тут так же мало показательно, как зубное итальянское «R» не показательно для гортанного «R» по-французски.

Существует еще много доказательств тому, что весь «музыкальный строй», вся «просодия» еврейского языка не являются, и никогда не были, строем и просодией арабского. Так, например, в арабском отсутствуют две наиболее характерные черты нашего языка, первая – так называемый «вкрадчивый патах»

(звук «а», «вкрадывающийся» перед гортанно-придыхательной согласной), вторая – переход «б» в «в», «к» в «х» и т. д. Обеих этих особенностей арабский язык не знает.

Интересно отметить, что фонетические явления, аналогичные этим двум, встречаются как раз в западных языках. «Вкрадчивое» «а», например, – характерная особенность английского произношения: roog, doog, deeg, fair произносятся вроде «пуа, доа, диа, феа» – с намеком на «аин» в конце. Феномен «к-х» и т. д. известен итальянскому языку в его наиболее совершенных наречиях – тосканском и римском. Флорентиец превращает «к» в «х» точно в тех же случаях, когда это полагалось бы по-еврейски. Он произносит «вакка» (сильный дагеш), «арка» (слабый дагеш), но вместо «амико» скажет «амихо». То же с буквами б, т, д – они выговариваются твердо, в тех случаях, где по-еврейски был бы в них «дагеш», и переходят в придыхательные между двумя гласными.

Я остановился на этих подробностях в качестве введения к мысли, являющейся выводом из всего вышеизложенного: если для установления законов обновленного еврейского произношения мы вынуждены искать точки опоры в других языках, будем искать их не в арабском, а в языках Запада, особенно в тех, которые тоже родились или развились на берегах Средиземного моря. Я, например, уверен, что общий звуковой облик, «просодия» древнееврейского языка был гораздо более похож на фонетизм языков Греции и Рима, нежели на арабский.

«Дайиан», 1 33, 17 ааиан à 1930 а

Подобная «двойная жизнь», существование в несовместимых мирах не могли не сказаться на свойствах личности и характера Гофштейна. Так, в протоколах всё того же процесса мы встречаем слова Д. Бергельсона о том, что сам поэт предупреждал его о возможных отклонениях в психике. Это позволило Бергельсону отрицать некоторые показания Гофштейна, от которых тот на процессе в итоге отказался. И уже в наши дни были опубликованы мемуары Марлена Кораллова, который вспоминал о своей камере, где судьба свела его с Давидом Гофштейном. В камере поэт продолжал «дружеские беседы» со своим следователем, обращаясь то к струе рукомыльника, то к аэродинамической трубе ЦАГИ, гудевшей весь день за стенами тюрьмы. Мемуарист вспоминает, что на все вопросы о своем «странном» поведении Гофштейн отвечал улыбкой, в которой Кораллову виделось превосходство.

Не нам судить, насколько осознанным было такое поведение. Важно другое: то, что сделала власть с человеком, все предыдущие «странности» которого, часто вспоминаемые мемуаристами, были лишь добрыми странностями поэта, которому и надлежит быть, хотя бы на какое-то время, «не от мира сего». Трудно сказать, кому легче выстоять перед гибелью: человеку, который точно знает, что по людоедским законам само еврейское существование является преступлением: сионизмом, иудаизмом, национализмом, – или тому фанатичному коммунисту, который посвятил себя делу Еврейских секций ВКП(б), ставших сознательными могильщиками еврейской культуры в СССР. Конец их оказался общим, только память о них у евреев разная.

Многие стихи Гофштейна удивительно созвучны тенденциям в русской литературе тех лет. Конечно, какие-то совпадения можно считать случайными. В стихах «В Армении» (1919) Гофштейн воспел тот самый Алагез, который мы встречаем у Осипа Манделштама в «Путешествии в Армению» уже в 1930-е годы. А в названии стихов «Ирпень» 1939 года можно услышать название места, где разразилась семейная драма Бориса Пастернака, когда он покинул Е. В. Пастернак (Лурье) и ушел к З. Н. Пастернак (Нейгауз), лет за десять до того. Этот странный параллелизм сохранится и в конце жизни поэта. На том же процессе по делу Еврейского антифашистского комитета – где обсуждался, как известно, вопрос о том, не хотят ли сионисты и «Джойнт» отделить Крым от СССР с целью построения там еврейского государства, – Гофштейн произнес слова, которые нам еще предстоит понять и осмыслить:

«Председательствующий: Откуда вы сделали вывод, что проблема о Крыме всегда стояла перед Михоэлсом?»

Гофштейн: Мне говорил Сучков, что Пастернак и Асмус это знают, что им Михоэлс говорил, что будет единица в Крыму».

Не здесь обсуждать эту трагическую проблему, равно как и то, что означает в нашем понимании Пастернака факт его возможного интереса к крымской проблеме на фоне болезненного отношения поэта к еврейским связям отца (в частности, к книге Л. О. Пастернака «Рембрандт и еврейство в его творчестве») и к образованию Израиля вообще. Однако именно на этом фоне стоит прочесть стихотворение Давида Гофштейна о лице его возлюбленной, которое напомнило ему образ «на старом амстердамском полотне».

Поэтическую глубину еврейского мировоззрения Гофштейна не заглушат обязательные для любого члена Союза советских писателей стихи о Паше Ангелиной, советском гербе или Ленинском проспекте.

И пусть протоколы позорного для палачей процесса 1952 года – не лучший источник, но если убрать обвинительный уклон слов «еврей», «сионист», «иудей» из того, что было сказано о Гофштейне, то станет ясно: он прожил свою жизнь не зря.

* * *

Ī ŷŷ ĭ àĭ à à ĩñ ĭ ĭ ĩ à: àéá àĭ áé

Ī ŷéàçàéà ĭ ĭ ĭ àæ à ŷ ĭ ĩ á

Òàĭ, ĩ à ñé ĭ àĭ ààðàò á á à ŷé ĭ á

Òàðàĭ ĭ: éó – éó ĭ ŷ é éð ĭ

È y ò yí oéñy ò óúà çà í áé
Èç éðáí ìñò è í áé í úó ðóé,
Óóúà çàáðñèé y á í áðáúé ðáç
Èñéðú æ àæ áóú è ó æàç...
Áó, ò áðáíí-éà á í ááá!
Èáé á ò á ãáá,
B é ò ááá úñò ðáú èyþ áçæyá
È íí-ááòñéé ááááí y, éáé ò í ááá,
Èáé ò í ááá, íí-ááòñéé áí ááò.
È ííyòú á ñé í ááó é ò áí áí ó éó-ó
B ñáá áíy ðóéó ò yí ó
È í áááí ðþ ñáòú áñéíéú ðí óòú ðí-ó
Áíí íéí ðéòú ò áíþ æóóéí ó..
È éí ááá ò ú éá-í áóúñy í á ò í é áñéí á
Bíí ú é éó- ñ í áááí í áðí í y,
Í í áðñ çéò á í ò ááò çáçáí ú é í áéáò í í á-
È áí áñéúú í áóúáò ñ í áí y..

1917

Í áðááí á Ááéáðéy Ñéóóéí á

Á ÁÐÌ ÁÍ ÈÈ

Í à yçúéá éí íí y í áðáò èéñy é í áé,
È yòéí ñò ðáí áí ñò áé æáçáí -í áñéí áí :
Ðí áéí úó áð y áé éáçáéñy ñúí íí -
B ñ áé é -áðí í áéç, í í áí áí í áé...
Áéyáyò í í á áñéáá æáçá-í áñéí ú
Í ò ò éðí é áááðé á áéáñéá áí y..
Áú áí áéò áðñ á á ò áí ú áí ééí ú
Í í óçéí é óéí-éá í áí y.

Òàì Àèàã ç - ññàíáíá ñéíèò íéáí íúé!

Áíí à ááç èðúè, èàé áú ññàíá, ñòíýò.

Èèçýé á èèàáí èòàò ó íàðáá

È èèçýéíí íáéáí éáí ú è ñòáí ú.

È á ðàáí ñò è áóà í íáò!

Áú í íá ðíáíý, áéàç-í àñééí ú, ñéáçú áíéé,

Áú - í óéé í ðíèéúá, óàò ðú í ááíéé,

Áú - éúú ááðèéí è áð í ááí áí í úò áçéàò.

1919

Í áðááíá Í ñéí á Èíéú-ááà

Ì Í È È Ò Á Û

I

Í á áí í óòè,

Í òí áðýòéé áíé,

× ò í áú í áí ðáíí úí è

Áúéé í íé.

B í á í ðíèó

Èçááéáí úý í ò ááí,

Í èàò ú çà ñéí ðáú

È í ðíáéáí éý éàò.

Èèøú í á í áí í í

B ñéé-áí áú í ðííéé:

Á áéòá éáú

Ñíéðíèèò áéúí úò ñéé

Í ðíáéáíéó óáéé

Í íçáíéú í ðíí áéúéí óòú

× áðò í-éá ñ úíéá,

Í áí áéó í á í óòú

II

B íò ñò ðààáí èé àçíð íá í ðÿ:ó

È áí áé ááçí áéà: í úò í á æáó

Òù ñáò äàðéè í íá è óüà:ó

È ñí èì è í íáòþ áááó

È áðáí ÿ í áí è èí ñí è ðí áááí,

È çéí áà óáé è è à í áí ÿ,

Í í èó:øèì çéí ò ñí äéÿ ñí è ááá

B í áí í éí ÿ è á ðí è èí áí ÿ...

Ñðááé áüí ÿ ù è óÿ ðáçáé è í,

Áñò ðá:áÿ í éáí ÿ í íáí ð áðç,

B, í ááí è ðí áéáí è í á: áéáí,

Í áááé áó í ðáçé í þ þ í ðí í áí

Á ááá í ò:áÿ í úÿ è í óéè,

Ñðááü áóðü è á á ðáí ð í í é ò è ø è

B í á ñéí æ è è ááí ñé üí í ðé è,

Í á í ðááé ñí áí ð ááí í í é áóø è.

Í òù, á í áí ÿ ááí óí óáø è è ðáçí,

Í áðááí í í í é ðáçáðçí è ò üí ó

× ò í á ðáí ñ áüí ñá: áí í ú é ðáçí í,

Ááé í óò ü ááé í ñò áó í í áí ó!

1943

Í áðááí á Ááéáðéÿ Ñéóóéí áí

* * *

Óøáé ñááí ò í è è ááí ü

È í áí è í ñ ò í í è è í

Í ðé è ðí è è ñí áðé è

Ní àà è èüü.

È àíæ è ààò ñŷ

Óæ á á è àà: í í é á

Ní óæŷí è à ààí: è à,

È ñ í á è áóò ñ è ü

À é í ó ò í à í ò à ù ó á

Ç à ñ ò à í ð é í é: à ð í í é,

Ç à í á: é í é ñ ð ŷ ò á í í

Á í à à è æ í í é í à à á

Ò ù à í í é í è à ò á ò ù í þ

Á à ð ó ç à à ð í ó

Í í ñ è à í é é í à è á í ù è é

Nó à í ò í é è ó è á á

Í ò á ò ç à ò ð à í á ç í é

Ç à ñ ò ñ è á ð à í í ò í í.

Nò í è ò í í à ò á ñ ù ð à é á

È í ò ð í é í é...

È í æ ñ ñ ò ð à í é à í è

È ò á í þ í é í ò í é

Í ð ŷ ò í ó ò í è ò í: é í þ

Ó à í ò í é

Í à ò ù è ù á ò ç à ç à í: é ó

Á è à ç ò è ò à í í é,

Nè à è ò, ç à à ò í: è à à ŷ,

Ó í é í á

È ò á è ò í ñ è è á í í á

È ñ ó ò í í í ñ í þ:

È í ð í á à æ à à ò í á í ŷ,

* * *

× ÒÎ ÑÃÄÏÄÍ Æ ÓÄÈÄÄË Æ?

Ñãäíÿ óäèääë ÿ -

Óæ á ñ ò ú é ð æ -

Èäé õí õí ó à ò ú, äí õí äÿ.

Í ää ñ ñ à ì è, á è æ ð õ í é ä í ó é í á

Æ ó è ú ó ä è ñ ñ ä í ÿ ó í ì í ò í ð ä,

× ò í ä é í ò ä ä ù à ä ò, í ò ä ù ò ä í á ç í äÿ.

Ñãäíÿ óäèääë ÿ,

× ò í í ää Ì ñ è ä í é è ä ò ä ð ò ñ ä ì í é ä ò ú

÷ ä ñ ò í,

× ò í ì è ð è ä ä ò ä í ä ä ä, ä í è ù ó í á ÷ ó ä ì ...

Í í ä ñ, æ á í ä è ç ä ñ ò í í,

È ó ä ä ä ä ç í í é ä í í ð ä ä ñ ñ ò ú è ñ ÷ ä ç ä ä ò,

È í ä ä æ á ä í í ä ñ í í á í ð è õ í ä è ò -

Õ í í ò è ó ä ä?

Ñãäíÿ ó è ú ó ä è ÿ í ò ç ä é

Í í ä é æ á ì ù ñ è ä ä ä í ä é è õ í ðÿ ì í é

Á è ä ñ

Ä ä ä ä ä ä ä í è è è è è ì í ä

Ñãäíÿ ä ñ í ì í è è ÿ,

× ò í í ú í ÷ á í ð ä ç ä í è è

È ÷òí ààáí í íáñéúσαέÿ íò ì àì ú:

«Á ãòá ãíõ!»*

1927

Í áðáíá Á. Ñòàðñòèíà

* Áíáðñé íáááé! (éáèσ)

Ì àì à

Áñ òáæáííéÿ.

Ñòáéÿ áíéúσά à ì àòúì íÿ - ì áíúσά

Βάáí éà òíã,

× òí éíãá-òí ííéÿ ÿòè áéááé..

Βñí æ ì íáñáíáì è:

Ì àòúéó:σά ì áíÿ è áíáðá

È áéóáæá éþáíé ì íáé ñòðí:éè

Í èàò èà áí ñéááéà éþááÿ.

È éáé-òí íáéíáéí ñ ðñè-òúì íá

Çíáéí ì à èè áé: «Ó áíðñé» -

Áñòú éí éæéà òáéáÿ.

1927

Í áðáíá Áééòíðá Ùáííòááá

* * *

Áááí òáíá ééòí íáíí éíááò ì íá

Í æáí ùéíáð éíúó íáðá:éé

(Í à ñòàðñí àì ñòáðáì ñéíí ííéíòíá

Òáéíé æά íáðáç áúé óáéíáí:áí).

Β áéæά íáéíúé ññò á áéáçò òáíéó

Áðñéò ì íá ñòðñá ñááéúú ùí óááðñí,

È pítúé áóó ì íé á yòíò ÷ èñòúé ì eá

Òí nésáò è ò ìí èò ì áí y í áááò ìí .

1927

Í ááááá á Èúúáá Í çáò ì áá

* * *

Néááé ì í á òú, éí áá è p áéò áóó à ì í y...

Áíéè ò ú í á çí ááó ú yò í áá,

ì ò áé ò áá ì áé ó á y è ç áé í ù è í...

Í áá ú í áá áé 1, 6-7

Í í ááááé ì í á, ì í é á ò áá

Í áé í áé ó á y ñ ò áá ú áé í ù è í,

Í ò ò áá á ò áé í é á í è ò,

È è ú í é á í ò á á é ò á é í ò ò á á á í ?

È ò á á í á á ò ó è è ú ç á é ò ó ò á í é í á á

ò í ñ é ó á á í ÷ á í ?

Á í á í á á í ú ç á í í ÷ á á á é,

È è ú í í ÷ ú í ñ ò á é á á í í á á á í ú ?

Í í ááááé ì í á, ì í é á ò áá

Í áé í áé ó á y ñ ò áá ú áé í ù è í,

Á á á í ò ú ù ó ñ ò á á í ó é ò á é y ò è ò ó á é

è á á y á é ú è ò ?

Í í é p ò á á y, á í á á á ú é í í ó ò í ò é ò á é

ç á á ú í á í ?

È ó á á í á í ò á á é p ñ ú y è ñ é ò ú á á, è ó á á á é ?.

Ò á é í á ñ ò ú á é í ñ í í é á ò á á

Í áé í áé ó á y ñ ò áá ú áé í ù è í,

È í è ú í á ò ç á í è è ò á é í é,

Í ò í ó ò á á y í á í ó

Í îçãîëü í à ýò íé ø áá

Β áσάó ááçíò áσáí,

Í îçãîëü í à ýò íé ø áá

Í îëáëàòü ò ó ñò ðáí á

1927

Í áðáíá Ááëáðëý Νέóóéíá

Èðí áí ü

I

Β í ò í σίë áçýë äëý ò áí ð-áíëëó ì è í ó ó,

Èí áá à í í é é á ò í á áëçþ-è ò üñý á ò ðáá..

Ðáëá Èðí áí ü, éó-èñò úá í í ó ó éé,

È áñ üó ò ðí í è í é í é ñé á-è ááý áççü..

È áíëè ááðëòü áí éí ñó éóéóó éé,

Çááñí áí é á é á ò üñ ááðýò í á ñéóí ýñü..

Í ðí ñò áðë áñí ááëü çáëáí üñ í í é ó é ðáí í,

Ñó ááë ó áá ò í á áñáí üñ í ñ í áá é ó áñí ...

Áó, ðáçáí í ò ò í á, ð-ò í í è í ó é áñ ä,

È í è ð- áðáí é, è ò ú óεá í á ò í ò?..

Β óáë ááë, ð-ò í í ñò áðáë éé óí í ...

È éé í á óí é ðáá ò í áá é ðí é üñ í ...

È ñéü ðáçðóó áí üñ í áí ðáééí í í ú,

Í í áí çé á ñò áí, áá áë áñ ò áç ð í í é,

È é ó áá ò æé çí ü, á ñé í é üñ í ò áí, áçáý í é,

Ááðáí áñá ñò áðí ó áí áðí ááðë á ò é ðí í ú!..

Í á ò, í á ò! È è ø ü á é çí áí áí è è ñí í é í á

Í í á ðááñí ò üñ í ñò í ý í ñò áá áðó-áí á!

II

Ñ áí á ðñí ó ò ðí ! È á í ò áá ò

Áíñéèòáí üý ñéúóó ò á αά

Ñííáá ááéáò ðáññáò

Βñí é áñéíáò è ññααέ.

È ááñéäý ò ðááá

Õíéíáéíì í ðéýòí á éíαά

È ðíñ è ñéí ááá

Í ñòóí ü ááéáò ì íéíαά

È εέέσά, ñéíáí í ááð

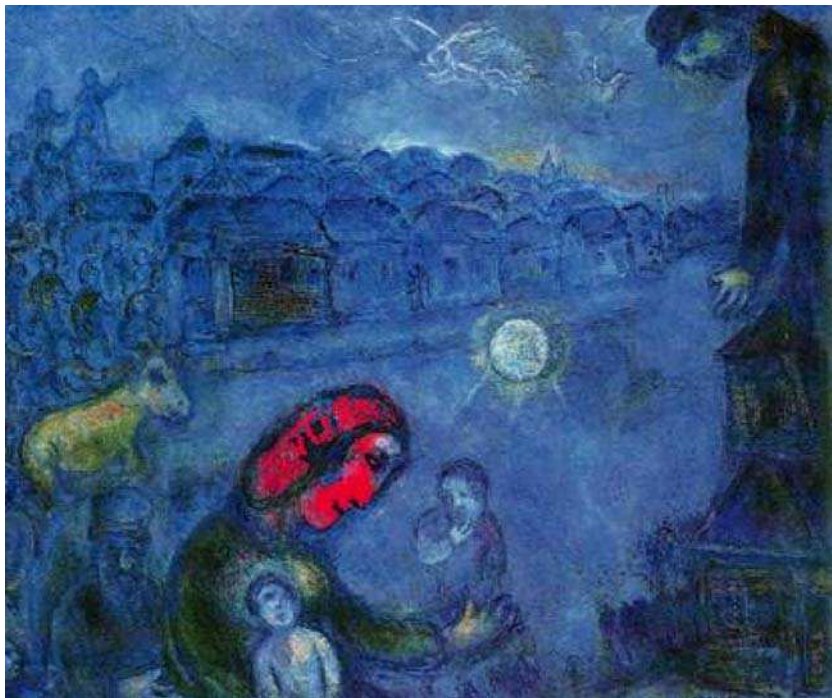
Í ááíááò áñéñéáò ñí-

òú áúá ññáíí í á ñòáð,

Áóáαóü áñéñ αεòü í á ññòá!.

1939

Í áááíá Ááéáðéý Ñéóóéíñ

Í íéíí:ü

Èáéäý ò èσείά!

Í áñò í ðíααί í í è çáñ ðíααί í í

Í äéí äé áí àí éþ, ñéäý ó íéí á

Nĩããĩ ìãéí:

Í àò íééíã ì ì ííþ...

Í, áóüü áéããĩĩĩããĩ íà, òèøéíà,

Áéããĩĩĩããĩ

Áéããéííúé ÷ãĩĩĩéíý!

Áñ ì è ò. Éãéàý ò è øü!

Á áãì íéãéè íí÷ííì

Ì íá íãí ì ò ó ñããé èþããé íá ì è ò ñý.

Í í áãüü íá ò ì éüéí íáì

Í à ñãò á æéçí ü äãí à:

Ñéééè ò è ò ì í üéí í áñ

× ò í íã ñ ò í éí ì þ è ò ñý,

Ñéðããò ñý çà áóð á ò ì ì ì üü

È í áñ þ ò í áéçþ ñãð-íé çããíãé ò.

× ò í æ, ý ò à í áñ ý -

Òà æá ò è øéíà,

È á ò è øéí ó

Áñ ý ò è çãéè áñ í á ý ò.

Æéçí ü è á í í ÷ è

Áñããà ñ ò ðãì è ò ñý áãí ñý

Æéçí ü è á í í ÷ è

Í í éí à ò áí è à è ñãò à..

Áéããĩĩĩããĩ í á

Áóüü áí áãéè, æéçí ü

À á æéçí è -

Í áçí à ÷ áí üü

x aei aea!

Y aiaia A deaai u Yo di

Çiè àè ààí òy àyèò ì èò óí àç çèò òðyéyí,

íé, óí àçyð ìèì òy àyèòò ìíð yéí Á-ò

óí àyð àìñ òyòòyð híò.

Áyí ò' àyè çyí óíéí àìñ òàyèòyí yéäè

ìí òòíí èí ààèñ òòí y-èèyéäè,

àyè èò òðèí éáí óí òðyééyð çàéí -

àðíí òóí háðò à òòyéí,

àyè èò òðèí éáí, íé, àyè èò òðèí éáí,

àðíí òóí háðò à òòyéí.

Óíèèò, èèàçí ìðèì, híéáò ìí óíyéáí!

Ñ'òàyèòyí yéäè àèáí ì èð ìéñéí òðyéáí,

àìñ ì èçéí èèè ìíò híáí ì èð

àè háèò ì yí óíéí áàè èð

Óíèèò, èèàçí ìðèì, óàð óí àç ì áòòòíí èì,

çíéí à éyá òíí íéò àì íé èààñí èì,

à èèí á íéñááááí, íé, Á-òyí ð,

à ì yéäè ìíò àyðòá

Áyí áàèì éyòòyí ò' àyè óí èèí híòí,

àyè èò yí yñ òðíéáðèè òòyéí óí èéyðí -

ñ' éyòòyí òyòòyðè óíéí íéò ààyé,

àìñ ìíò èç àí àyð òàyé?

Óíèèò, èèàçí ìðèì ! Áàçyòò àè èàéy,

òóáíí óí yí óí àç àè èèí àyð àéy,

òàyð ààyí óí àç àè òyòòyð áðàé

íé òàyðyð ìíò ìí çé.

Óíèèò, èèàçí ìðèì,

àðíéñ óí àç òðyðí,

ñ' éyòòyí yòè àyò háéí ò éyéäèè àyðí,

īāīōyōòéāē, ēđ ēēyēāāđ-ōđāī ē-

īē-āyē, āē īōō ōī āāīā

** h īđēđīīnēōīy ēāē ā āīāēēēēīī have*

Allegretto

Canto

Вэн мит ма- зл, ге- зунт ун лэ- бн с'элт-стэ тэх- тэ- рл мир вэлн ойс- гэ-

вэл их тан- цн мир һоп, һоп! А- роп ан ол фун коп,

вэл их тан- цн, ой, вэл их тан- цн а- роп ан ол фун коп.

Шпилт, кле-змо- рим! Шпилт мит лэ- бн с'эр-штэ тэх- тэ- рл һайнт ойс- ге- г

нох ге- бли- бн ундз мэйд- лэх цвэй, ви һалт мэн шойн бай зэй

Шпилт, кле- змо- рим, немт ди клэй- за- йн! Зол ди ган- цэ вэлт мит ундз зих фрэй- э

унд- зэр сим- хэ вэйст нор эйн Гот ун дэр вос тэх- тэр хот.

ÒÐÈ ÁÎ × ÁÎ ÛÈÈ

Èíãà í à ðàáííò ù è á áíáðíé ÷ àí

íòáðòð áí ÷ áí ù ó ì ù í ò ááá è ì çà ì óε,

ÿ ááó ò áí ò ááò ù ù - òíí, òíí! -

íáí í é çàáí ò í é ì áí ù ó

ß ááó ò áí ò ááò ù ù í é, ÿ ááó ò áí ò ááò ù ù

íáí í é çàáí ò í é ì áí ù ó

Èãáε ò á ì ó ù é á ì ò ù! Óááð ù ò á á ì ù ÷ è è -

íáí áí ÿ áí ááá ì í áðòð,

à ó í áí è ò á ì á ááí

é á ε æ á ááá ò ì í é ì è?

Èãáε ò á ì ó ù é á ì ò ù, ááð è ò áí ù

çà è ì ì ò ð ù á í ò ù -

ì ó ì ù ááá ù ì áá ò ááí è è ò ì ÿ ì í á ì è.

Í é, ò í é ù é í Á - á è ó é í á áí ÷ è è

çí áð ò í á ó ð áááí ò ù

Èíãà á ááé ì ì ááááá ì ì í é á ò ù á

ÿ ó á ε ó í á é í í á ò - ò í á ò ì ð ð,

ÿ ááó í è ò ù è ááí è è ò ù ÿ -

íáá è è ì ÿ é á ì á í ù ì ì áá ó á,

ÿ ááó í è ò ù í é, ÿ ááó í è ò ù

íáá è è ì ÿ é á ì á í ù ì ì áá ó á

Èãáε ò á ì ó ù é á ì ò ù, ááí ù ò á ð á ç í !

Á ò ì ð ð ááá ÷ é ó áí ááá í à ð ááí ò ù ÿ,

à á ì á áí ò ù ì é áá ó á í é á ÿ,

é á ε æ á ááá ò ì í á é?

Èãáε ò á ì ó ù é á ì ò ù, ááí ì áá ò í ááá -

ì ó ì ù ááá ù é è ð á ç í é ì í í í é ù ç ð ò ÿ

æeçíŭþ,

æeðŷ æúääéé, íé, Á-ñíæ,

ää áúá è äáíŷ-éá

Êíää çæääááò ì óçúéá äéŷ ò ðáò úáé,

ŷ ííá:æþñí è ò àé ííáóí æþ:

ŷòà ò íæá úóéá,

éàéáŷ æá íñò æéáñí òáéŷ?

Êääéòá ì óçúéáí òú! Áúääáéòá

í ááíñòó,

í íðáçæðæè áñáò í æeð ááò íé,

ò ðáí í ñ ò ðáí ŷ áí-éáí è,

íé, ááç í eð áúá ò ðáí áé.

Êääéòá ì óçúéáí òú, áí ò óæá è ñéáçú,

íí óñò ááò ñáí áí ŷ í íñéáí ŷŷ í íñò áéú,

è áí-ééí óéáò, è éñí íáò éá-

íé, ááðá, éæé í óñò í è ò í ó í í.

АНТИСЕМИТИЗМ И НЕМЕЦКАЯ МОЛОДЕЖЬ

Αδριεύα Όάεά

Γάι άόέέέ ίεήόάεύ Αδριεύα Όάεά (1887- 1969) όράέεύ ά άόίάέά Αδριή Αέίάό ά άάάέήέέ ήύ ήύ Αά ίόάό άύέ ήή άάέόίόή έ όίόήέή. Όάεά ό-έέή ά ίάέήέέέέ όίέάάήέόάόάό, άάί ί ίά-άέ ίεήόύ. Ά 1915 άάό ίίέό-έέ ί άύ έή έί άί έ Εέάέήόά ή ί ήή «Δε όόάέύ ίά όάέήόά ί Αάί άέέ» έ ά όί άέά άάό άύέ ί ίάέέήάάί ά άόί έή. Νόάέ ή ά-άέά ήέάάόή ίάό όήάήέ ήέάέάύ, ίίήάά ίίίάέ ά ίέήύ Αάάάά, ήόάή ήέάέέ ίέήάά ί όέ όόάά

Έί άίί άέίά ήόάέά άέύ Όάεά ίίάέήύ όίέάάήέόάόή. Ά ίέήάό ή άάάάά ίί- ίάόήύάά ό άέάάέ όάό, έόί ήήόάάέύάό «Ίάόή»: άάί-έό, έόάόήύί, άάί άήάί έέήά Αήόά-έ ά Έίάί έ Αέέύ ί ήέόήάάί έ έ άάάή έ ίάήόέέέ ά ίάί έίόάάήέ ίάέήίάέύίέ ίόήάάί άόέέά, όίάά άά ίί ίίήάέή έέή ήήέάέ-άά ίέόάόί έ.

Ίήέά άέίύ Αδριεύα Όάεά ήόάίίάέόή έήάήόήύ ίέήόάέά, άάά άόόάί, άήήόήάό έάέ ήήέήό έ ίίύ, ήάέίάάόήύ ίάύάήάάίίέ άήύόάέύήήόή. Ά 1923 άάό άίόέήύ έόήέά άήήόήέάέύ ήάόάάέήό άά ίίέέήόύ άόήά Οόάήάάά άά ίί άέέ, έ ίάάήέέόήύ ά Αάέέί. Ν ύόί ά άά Όάεά- άάάέόίό άήόόή «Ράέόά Βήάέάό» («Αάάέήέά ίάήόάίέά»). Ίί ήέέάάόήύ ή ήήέήόήέέί άάέάίέάί έ ίήέά ίέόήά έ άέάήέ ίάέήόήά ά 1933 άάό ίάάήέύάόήύ ά Ίάέάήέήό

Ίάέάήόά άόήέέ ίέόήέ άέίύ Αδριεύα Όάεά ίόέέέέόό ί ίίάέήόά ήόάόέ έ ήήή ίήήύάίύό άάάέήέέ ίόήάέί άόέέά «Έάήέίά Εέάέή, Αρόίάό» (1925), «Έάέάάί, έέέ Ίέέέέέά έ ήόάήόύ» (1927), «Έόή ίάί άέήά άάάέήόάά 1933» (1934). Ά Ίάέάήέήά ή ίόήάέάά έέόάάόόήόή άήύόάέύήήόύ. Ά 1942-1945 άάάό Όάεά ύάέύάόήύ ίάίέί ές έήάόάέέ έ ίήόήύήύ άάόήήί άόόήάέά «Ίέάήό» ά Όάέόά Ί ίάέάήέέ άέήέ ύί έάάίόήά ά Ίάέάήέήά άάήέάήάάό άά ίίήάίάέέέ όή άί «Ί ά-όά ίάόήάέόήύ άήόήά» (1961).

Ίήέά άέίύ Όάεά άήάάάάάόήύ ά Αάόήό, όόήάύ ά έίίόά έίίόήά ίάήή ήάόήύύ ά ΑΑΔ. Όάί ή ήόάίίάέόήύ ίόήέάήόή Αάό άήέέέ άέάάίέέ έήέήήόά, άάίόάόή Ίάόήίέ ίάέόό, ίόήέάήόή ΊΑΊ-όάίόά ΑΑΔ.

Вообще говоря, сейчас еще не совсем ясно, к какой немецкой молодежи должны быть обращены эти слова: не вполне представляешь себе оппонента, с которым можно говорить на эту тему. Ибо широкие круги немецкой молодежи, которой антисемитизм чужд и которая, к счастью, еще существует, которая представлена в молодежных, пацифистских, военных обществах, — эта молодежь не нуждается в подобных исследованиях. В кругах же антисемитских многие ослеплены вульгарнейшими страстями:

говорить с такими людьми, опускаясь до их уровня, в надежде хоть на какое-то понимание, бесполезно. Однако проблема молодежного антисемитизма существует реально и нуждается в осмыслении. На наш взгляд, следует осознать, что есть антисемитизм, который мы назовем здесь аристократическим, и есть молодежь, которая с ним солидаризируется, его одобряет, – и имеет смысл обратиться к ней, сообщить свою точку зрения, исходя из того, что у этой молодежи своя жизнь и она не станет игнорировать продуманные, честные и затрагивающие суть дела слова одного из евреев – как бы сердито ни предостерегали от этого их партийные писатели.

2

Не ждите, что здесь будет оспариваться право молодежи на страстную политическую позицию; молодежь ведь по самой сути своей склонна безоглядно, всей душой, почти инстинктивно отдаваться однажды усвоенной идее. Какой, однако, хочет быть антисемитская молодежь? Просто антисемитской – разве это для нее самоцель? Отнюдь нет; это для нее сопутствующее проявление. Она хочет быть, причем быть в полном смысле этого слова, национальной, немецкой. Отвергать что-то она может и должна, лишь исходя из каких-то взглядов, лишь опираясь на основательный, позитивный идеал: можно отвергать то, что считаешь его противоположностью – что, как им кажется, воплощено в евреях, в демократах, социалистах, сторонниках взаимопонимания и связи между народами, во всех вытекающих отсюда взглядах и действиях. Существуют позитивные цели и ценности, им можно противопоставить другие позитивные ценности. Мы не будем ссылаться на какую бы то ни было литературу; обратимся лучше к настроениям, которые ширятся сейчас, всё мрачней наполняя сердца молодых немцев – тех, кто хотел бы быть заодно с народом, их родившим и сформировавшим, хотел бы проникнуться его глубинной сущностью, его духовностью. Попробуем разгадать и истолковать эти пульсирующие страсти, предчувствия; углубимся под поверхностный слой мышления, сформированного той чудовищной идеологией, что оказалась выражена в некоем стихе: немецкая суть оздоровит мир. То, что мир нуждается в оздоровлении, видит каждый; но не является ли эта самая идеология одной из причин нынешнего неблагополучия? Не ее ли мания величия, одержимость централизацией, недостаток внимания к чужим ценностям во многом повинны в нынешнем состоянии дел? Империалистический, капиталистический дух всегда умел вовлечь в войну простодушную молодежь всех народов: нечего и говорить, эта молодежь с воодушевлением то и дело поддавалась призывам идеологов следовать за ними. Никогда еще на Западе не злоупотребляли так чудовищно пламенным энтузиазмом молодежи, ее самоотверженной страстностью, никогда еще отцы-старцы не отправляли ее на столь напрасную бойню, сами чудовищно изолгавшись и продолжая лгать дальше – мы обращаемся к той трагически обманутой и разочаровавшейся молодежи: к тем, кто были нашими соратниками в 1914–1918 годах – а теперь стали нашими противниками. Мы будем говорить с ними об их собственных, немецких делах, как мы говорим с еврейской молодежью о наших еврейских делах – причем с не меньшей серьезностью, от души.

3

Мы знаем, эта молодежь хочет обратиться к немецким истокам, немецкой сути, чтобы, исходя из немецких свойств, импульсов и идеалов, сделать современную жизнь более национальной. Тот, кто видит, что со времен Тридцатилетней войны эта немецкая сущность, которую воспринимаешь отчасти как музыкальную – получавшую импульсы из Италии, из Нидерландов, и при всем том Б-жественно автономную, – что она уже не определяет жизнь; кто видит, что чужие образцы постоянно мешали неуверенной в себе, разделенной политиками на семьдесят мелких княжеств, разорванной снизу доверху на семь, а то и на десять совершенно разных племен немецкой нации; видит, как это затрудняло ее рост, как французское и английское культурное превосходство, а еще и постоянное обращение к греко-римской классике создавало представление о преждевременном европеизме, который мог обойтись и без немецкого вклада; кто вспомнит о деятелях, изначально ориентированных на народность и оказавшихся в изоляции, начиная с Клаудиуса и кончая нашим современником Штером, – тот поймет это стремление и с ним согласится. Предостеречь следует лишь от нечеткости понятий, когда кажется, будто национальную культуру можно создать, как создают какой-нибудь краеведческий союз; будто можно произвольно обособить тенденции современного развития, объявив одни «народными», а другие «ненародными»; будто можно определенно и безошибочно решить, что считать в нынешней живописи и графике, литературе и музыке немецким, когда авторы – не евреи, а что объявить еврейским и интернациональным. Немецкое не существует само по себе, оно создается. Всякая великая личность расширяет, возвышает или унижает сущность нации. И когда что-то называют «не немецким», это всегда ошибочное суждение, которое спустя лет тридцать никто отстаивать не станет. Нацию никогда не характеризуют отдельные ценности: возможно, столетия спустя кто-нибудь сумеет систематизировать разного рода предпосылки, моральные представления по национальным категориям, сегодня же, когда всего не знаешь, надо признать любое суждение о делах духовных слишком поспешным.

Итак, что же остается молодежи, которая любит свой народ и хочет, чтобы он становился сильнее? Поначалу отметим небольшое различие между молодежью немецкой и, насколько мы об этом можем судить, буржуазной молодежью других стран, скажем, английской, русской или итальянской. Жители других стран любят свой народ и стремятся ему помочь. Где бы ни оказались английские студенты, на улицах больших городов или в промышленных кварталах, они создают свои settlements^[1]. Они не предпочитают один народ другому; они полагаются на созидательную, творящую, неодолимую силу духа, а значит, жизни; они принимают народ как целое на нынешней стадии его бытия – ибо они национальны. Почва – это для них родина, язык – это дух, кровь – это чувство: вот из чего они исходят. Они готовы воспринимать народ таким, каков он есть, не предписывая ему – в духе высокомерной и фантастической романтики буржуазных идеологов, – каким он должен быть, – поэтому они национальны. Здесь не обожествляют проявления порчи, не поклоняются фактам, здесь в современном духе ищут и пытаются понять долговременные, вечные, почти не изменившиеся за несколько веков со времен крепостного права импульсы и жизненный уклад низших слоев населения – просто потому, что в этих странах больше уважают человека, и прежде всего человека своей национальности, чем в Германии, где инстинктивно противопоставляют народу – сверхчеловека, а то и вообще относятся к низшим слоям народа как к неполноценным... В Германии есть молодежь, унаследовавшая «одеяния» от прежних jingo^[2], у которых она переняла империалистический национализм. Национализм же демократический, который в Англии ведет свою традицию от Оуэна, в школе жизни она еще не «проходила», – а если и проходила, то тут надо вспомнить великую, затаенную немецкую революционную традицию, которая вновь проявляется не как движение немецкого национального единства, но как движение освободительное. Ибо те же настроения, которые порождали когда-то религиозно-социальное крестьянское движение, в ту пору единственную законную форму революции, продолжают сегодня жить среди пролетарских потомков этих аллеманских, франкских и тюрингских крестьян: здесь точно такие же цели, у настроений тот же религиозный, антицерковный обертон, и они не стали менее радикальными, как это показывает пролетариат больших северогерманских городов. Буржуазная молодежь, однако, черпает свои знания о людях из газет и прочей подобной макулатуры; поэтому она считает, что народ, одураченный социалистами, просто «сбил с пути» – и если этих людей по-отечески проучить, это бы пошло им на пользу. Она хотела бы видеть народ, который соответствует ее романтическо-реакционным представлениям в духе народных песен и народных пристрастий; она предпочитает народность, просеянную и дистиллированную идеологами-профессорами, – остаток же можно бросить плембу. Консервативен ли немецкий народ изначально? Это действительно так; но потому он и консервирует свои инстинкты, что они страстно ориентированы на социальную и человеческую справедливость, – как сохраняет свои наряды, песни, обычаи и свою лояльность по отношению к добрым господам. Прусский юнкер был, да еще и сейчас остается, добрым господином; система же экономического порабощения, то есть капиталистическая система – это самый холодный, наглый и грубый тиран, когда-либо существовавший на земле, и, как показали каждому мыслящему человеку в гуманитарной области Ландауэр, в науке – Оппенгеймер, когда доходит до ограждения земель крупными землевладельцами, тут даже самый по-человечески порядочный господин оказывается на стороне зла.

Что же в таком случае, спрашиваем мы снова, должна делать национальная молодежь? Прежде всего – научиться видеть народ, и лишь потом обратиться к словам. Далее: избавиться от одиозных буржуазных предрассудков, самым роковым из которых является презрение к физическому труду и людям физического труда. Нет сейчас более отвратительной лжи, чем слова презрения к человеку в простой рабочей одежде. Физический труд в наши дни действительно ведет к деградации; эта грязная, потная, грубая ручная работа – когда она не любительское занятие, а профессия на всю жизнь – делает человека похожим на автомат: он опускается. Доказательства: послушайте разговоры в офицерском клубе, где формируется офицерский дух – тот дух, который сейчас господствует в официальной части немецкого студенчества. Физическая работа, особенно работа на фабрике, на строительстве, и впрямь унижает человека; она отупляет его, отяжеляет, делает неловким, лишает духовной открытости, свободы взгляда – если такая свобода не воспитана в нем с детства, – отчуждает от всякой духовной деятельности, не связанной непосредственно с его заботами о преодолении жизненных тягот: под влиянием окружающей среды все мысли рабочего человека оказываются сосредоточены на проблемах экономических и политических – всё остальное, то есть всё, что, в сущности, делает человеческую жизнь жизнью, уходит на периферию его сознания или вообще не воспринимается. Где, однако, написано, что так должно быть? Разве что в законах капиталистической теории, наивысшим достижением которой можно считать систему Тэйлора, предполагающую мельчайшее расчленение рабочего процесса. Возглас Демеля «Только время!» выражает самую суть того, что сейчас требует жизнь. Сокращение рабочего дня позволит приобщить рабочих к культуре, а вместе с тем позволит ценить нормальную, то есть не требующую энтузиазма, просто нужную людям физическую работу. И молодежь, которая хочет заняться решением национальных проблем, могла бы уже сейчас, не медля, собравшись с духом, начать эту переоценку. Может, когда-нибудь, году в 1990-м, найдется поэт, который, подобно Келлеру, написавшему когда-то солнечное стихотворение о «Дозоре семи смельчаков», прославит возникший в новых условиях тип сильного творящего простолюдина – но кто способен сейчас по-настоящему читать стихи, не говоря уже об искусстве творить образы будущего или хотя бы своего времени?

Поставить перед собой такие требования и признать их справедливость – это дело нетрудное. Речь, однако, идет о том, чтобы воплотить их в жизнь. И тут обнаруживается самая слабая сторона немцев. Дух хочет быть живым – поскольку лишь живой, активный дух действительно является духом, – но для народа идей, систем, для тружеников духа, чей распорядок жизни устанавливается правителями и епископами, прежде чем это дело может быть передоверено гражданам, для них дух в наше время – это нечто абстрактное, продуманное, логическое, недейственное и не применимое к реальности. От того, будет ли немецкая молодежь и дальше поддерживать такой порядок вещей и такое разделение функций, зависит многое. Как многое зависит и от того, попробует ли она избавиться от отрицания не-немецкого. Не надо отказываться от традиции, достаточно обратиться к немецкой истории – всё еще не вполне освоенной – истории не битв, а духовных деяний, – и если у немецкой молодежи после этого хватит сил, времени и желания заняться антисемитизмом, мы охотно рассмотрим дело и с другой стороны, со стороны еврейского вопроса. Но это получится не сразу.

Та немецкая молодежь, которая сейчас участвует в политике, привнося в нее элемент антисемитизма, и та, которая свой биологический эстетизм – тот эстетизм, духовную разновидность которого она, бранясь, приписывает своим антиподам, еврейским литераторам – превратила в идеологию некоего самообожествления, причем истолкованного тоже в антисемитском духе, молодежь, объединенная движением «Перелетные птицы»^[3], не удовлетворяется этими национальными требованиями. Однако с истинно национальной точки зрения недостаточно просто вспомнить о заслугах этого движения. Раскрепощение молодежи, ищущей собственные формы жизни, раскрепощение природного начала и эроса – с этого всё начиналось; об остальном читайте в истории этой молодежной революции, написанной Блюером. Молодежь, которая хочет найти себя, пока лишь на полдороге. Другую половину еще предстоит пройти, то есть ответить на вопросы: куда я хочу добраться? чему служить? и где то великое, с чем я хотел бы отождествить себя? где пережитая и воплощенная идея, ради которой я готов жертвовать жизнью на полях сражений?

Чему служить? Но, говоря в наше время «служение», молодежь имеет в виду руководство, вполне в духе прусско-немецкого словаря: «государственный служащий – см. “народный предводитель”». И поощряет ее в этом заблуждении не кто иной, как Ганс Блюер, тот, «кто, даже ошибаясь, требует уважения». Конечно, это происходит лишь тогда, когда она понимает его превратно и не следует смыслу его высказываний, а главное – сути собственного развития Блюера. Во всяком случае, в его важной, оказавшей влияние на молодежь речи «Германский рейх, еврейство и социализм» (1919) (суждения, высказанные в ней и касающиеся евреев, мы здесь не будем обсуждать, поскольку они не имеют ничего общего с антисемитизмом) перед тем, как сформулировать итоговое положение: «Истинную полноту творящего счастья молодежь может ощутить лишь благодаря служению человеку творческому, превосходящему прочих», – перед этой формулой можно прочесть фразу: «Так вы достигнете уровня, когда вам не нужно будет присоединяться к политической партии, но вы придете к состоянию, которое приблизит вас к сути лучшего человека». Допустим: не присоединяться к партиям и партийным машинам. Но что такое партии? В сущности, здесь говорится: вы должны найти себе вождя. Я мог бы подразумевать эти слова, не произнесенные вслух, уже тогда, когда, встретив превосходную формулу Блюера: «Личностью можно стать лишь по недосмотру», – мысленно, про себя, добавил: «и вождем тоже». Вождем можно стать, лишь не ставя перед собой такой цели. Но, каковы бы ни были намерения, всегда возможны извращения, а в такие дурные времена, как наши, они неизбежны. Вот в чем объективная причина неправильного истолкования этой фразы – в положении дел, а не в словах Блюера^[4]. Есть молодежь – и сегодня это самая заметная часть образованных людей, – которая воспитывалась с постоянной мыслью о руководстве: она должна поставлять армии офицеров. Она как будто это и делает. Однако, начиная военное обучение с «нижних чинов», проходит его с постоянным сознанием, что это состояние временное, «кукольное», которое она, достигнув цели, став ослепительной бабочкой, вправе совершенно забыть: все мысли заранее сосредоточены на жизни, для которой военная служба – своего рода стадия низкой гусеницы, пассивной куколки: всё предыдущее было лишь подобием, военная служба тоже, для всей жизни нации в этом тоже есть что-то затхлое – для рядового состава, для народа. За этими вождями, если не считать индивидуальных исключений, уже никто не следует. Сегодня они оказались перед провалом, наличие которого приписывают «подкопам» евреев. Хотя, в общем-то, и верно, что образованная буржуазная молодежь должна поставлять народу руководителей, но это руководство возможно лишь при наличии доверия. А доверия не добьешься ни лестью, ни поддакиванием, только лишь человеческими качествами, деятельным духом, самоотдачей

ПО ОБЕ СТОРОНЫ ПРОПАСТИ

Гортензия Калишер

Окончание. Начало в № 3, 2006

– Привет, детка, – сказал отец. Склонившись над буфетом, он безрезультатно пытался распутать веревку, которой были обвязаны дверцы к переезду. Он рассеянно потрепал Эстер по голове.

– Хэтти, где херес? – крикнул он.

– Херес? – В дверях, ведущих на кухню, возникла мать. Из-за ее спины выглядывал Кинни – он уже жевал булку. – Стол накрыт на кухне!

Прежде они никогда не ели на кухне, разве что кто-то наспех перекусывал, и еще там питалась, одиноко звякая кастрюлями, служанка.

– Послушай, Хэтти, – сказал отец, нахмурившись, – давайте-ка я отведу вас поужинать.

– Поужинать? – хмыкнула мать. – Куда, к Дельмонико?

– Это здесь при чем? – покраснел отец. Его шуточный рассказ о том, как он, солидный, взрослый человек, пригласил ее к Дельмонико, чтобы сделать предложение, а она опьянела от одного бокала шампанского, был известен всем.

Миссис Элкин села за кухонный стол и принялась есть. На столе были выставлены сыры в картонках, холодное нарезанное мясо в оберточной бумаге – всё собранное кое-как, наспех, словно она, всегда так школившая служанок, решила продемонстрировать близким, какое неприглядное будущее их ждет.

– Налей отцу кофе, – сказала она Эстер, показав на кофейник на плите.

Эстер устало выжидала. У матери была привычка дать ей поручение, а потом, глядя на неуклюжие старания Эстер, отменить его.

– Оставь ребенка в покое. Я сам себе кофе налью, – сказал мистер Элкин – лицо багровое, несчастное, франтовской галстук с бриллиантовой булавкой – и склонился над плитой, и до чего же они не вязались друг с другом.

– Пора им наконец понять, что папаша у них не миллионер, – сказала миссис Элкин. Кинни уже тихонечко выскользнул из кухни.

– Хэтти, послушай... – сказал

отец. Он принес чашку к столу, сел, вздохнул. Он отлично краснобайствовал после обеда, а вот в перепалках терялся, не находил слов. Эстер по опыту знала, что его словесные изыски не выдерживают прямолинейного натиска жены.

– До сих пор они ни в чем не нуждались, – сказал он. – И ты тоже.

Миссис Элкин поджала губы. Ширококостная, неторопливая, она не слишком заботилась о манерах, но вот обманчивую интонацию придать голосу умела.

– Пора им понять, что отец моложе не становится.

В тишине особенно отчетливо было слышно, как зафырчал кофейник. В отцовской, испещренной вздутыми венами руке задрожала чашка, на манжете, рядом с львиной головой запонки, упала капля. Он осторожно поставил чашку на стол.

Скулы и веки у миссис Элкин покраснели. Сколько лет она прожила среди мечтателей – подготовить их к худшему ей помогала лишь ее беспощадная решимость доводить тех, кого она любит, – пусть очнутся наконец; именно поэтому ей приходилось сначала срывать ту пелену самообмана, в которую они кутались, а уж потом залечивать их раны любовью: можно было принести еду на подносе наказанному мальчику или отутюжить праздничное платье девочке, которая уже отказалась идти в гости. Всё это она давно уже знала и теперь обдумывала.

– Джо... – сказала миссис Элкин.

Мистер Элкин поднял голову, снял пенсне, помассировал натертую переносицу. Без пенсне его старомодные закрученные сверху усы вдруг стали выглядеть слишком уж лихими и щегольскими. Он убрал очки в очечник, захлопнул его и посмотрел на жену.

– Хэтти, ради Б-га, сними ты эту идиотскую повязку.

Эстер – она грызла крекер – услышала звук дважды: сухой хруст, который слышали они, у нее в голове раздавался еще громче. Ей хотелось испариться из кухни, чтобы не мозолить глаза родителям, и она крадучись направилась к двери.

– Вернись и доешь, – сказал отец, пытаясь, как всегда, сделать вид, что никакого скандала нет: хотел замаскировать его добротой, неизменно изливавшейся из него, добротой, которую всегда и несмотря ни на что ждал от остальных.

– Я спать хочу. – Она произнесла эти слова – и тут же навалилась сонливостью. Она представила себя под грудой одеял, которые будут укутывать ее до завтрашнего утра, вышла и направилась по коридору к себе в комнату – свое единственное убежище.

Уже войдя в темную комнату, она поняла, что здесь всё по-другому. Решив, что часть мебели сдвинули к стенам, она уверенно шагнула к кровати. Тело скользнуло сквозь образ кровати – с той же легкостью, с какой пальцы скользили сквозь отражение медальона. Свет фар ехавшей внизу машины метнулся по стене, пробежал по потолку и спустился по другой стене – на миг выхватил комнату из темноты и исчез. Комната была пуста.

Она развернулась и помчалась по коридору, стучаясь коленями о стулья, составленные один на другой – как в ресторанах поутру. Вдоль стен стояли завешанные простынями баррикады мебели. Она ощупывала их в поисках кремового цвета кровати с плетеной спинкой, зеркала в форме раковины – уж его-то отыскать нетрудно, секретера, украшенного резными розами, – они были как друг детства, нелепый, но дорогой.

Держась за ушибленное колено, она дохромала до кухни.

– Где моя комната? – кинулась она к матери.

– Ты это о чем? – недоуменно спросил отец.

– Ах да, забыла тебе сказать, – ответила мать невозмутимо. – Ты будешь спать в бабушкиной комнате. Твоя ночная рубашка там, на кровати.

– А где моя мебель?

– У тебя теперь будет бабушкина. Я же говорила. А ты как думаешь, сколько у нас теперь будет спален?

– Что ты сделала с девочкиными вещами? – Лицо мистера Элкина уже исказилось – об ответе он догадывался.

Миссис Элкин помедлила мгновение – в предвкушении триумфа.

– Я их продала!

– Я должен был предвидеть, что ты начнешь разыгрывать трагедию, – сказал он. – Почему ты ведешь себя так, словно у нас остался последний грош?

– А это правда? – Эстер представила блестящий медный грош, единственный, завалившийся у отца в кармане.

Вместо ответа он усадил ее к себе на колени. Ей было неловко – такую долговязую каланчу – и на колени, но и приятно тоже.

– Чуть не забыл, я же вам в городе подарки купил. – Он порылся в кармане. – Для Кинни – новый компас, – сказал он, кладя компас на стол. – А это – тебе. – На ладонке у него лежала крохотная круглая шкатулка из полупрозрачной розовой эмали, расписанной цветами, – она закрывалась на золотую защелку.

– Один парень принес в контору, – пробормотал он.

Миссис Элкин, для которой любое излишество было признаком растленности, отвернулась.

Эстер, сжимая подарок в ладони, встала между ними – между матерью, непоколебимо стоявшей на почве практичности, и отцом – робким поборником нематериального, того, что он мог провозглашать, но не защитить. Всё это было известно, но высказать это способа не было. Она положила свободную руку ему на плечо.

– Я всё думаю, какая я была бы, – сказала она жестко, – если бы ты женился не на ней. – И, не дожидаясь ответа – впрочем, это не было вопросом, – она вышла из кухни.

В дверях своей комнаты она остановилась, подождала, пока глаза привыкнут к полутьме. На нее смотрели стены, голые от пола до потолка. Мысленным взором она увидела комнату, какой та была прежде: все предметы были расставлены по четким меркам памяти – они отходили в прошлое, контуры их уже размывались. Она встала ровно посреди комнаты и положила подарок на пол. Склонилась над ним на мгновение. А потом вышла и закрыла дверь.

В комнате бабушки она включила свет, разглядела свой узорчатый фланелевый халат на огромной кровати и тут же свет выключила. После смерти владелицы всю мебель укрыли от пыли, и в комнате стоял нежилой дух. В другое время она бы обязательно подергала замки на сундуках, где лежали воротнички, вышитые *broderie anglaise*¹¹, и кружевные шали ручной работы, порылась бы украдкой в ящиках стола, где еще остались шитые бисером мелочи, отвергнутые полгода назад устроившими здесь чистку родственниками. Сегодня вечером она впервые поняла, что значит «осквернить». Она переоделась в ночную рубашку, чувствуя себя здесь чужой, как в больнице, где она провела всего одну ночь. Она свернулась калачиком под одеялом, обхватила колени руками. Уткнув голову в тьму между коленей и, прислушиваясь к собственному тихому дыханию, уснула.

Посреди ночи она проснулась, сердце ее бешено колотилось: ей приснилось, что две незнакомые руки, огромные и гладкие, поднялись из тумана и стали бороться друг с другом – их гигантские белоснежные пальцы сплетались в безмолвной схватке. Она ждала под каменной глыбой одеяла, когда же пространство сна перестанет разрастаться и утечет. Сквозь открытую дверь ванной, общей с родительской спальней, она слышала их приглушенные сердитые голоса.

– Нет! – Напряженный шепот матери больше походил на крик. – Я их тебе не отдам! Пусть детям достанутся! Ты же всё опять спустишь на свою семейку!

– Г-споди, – говорил отец, – да откуда бы они у тебя были, если бы не я? Много ли найдется женщин, которые сумели из денег на хозяйство закупить акций на десять тысяч долларов?

– Шестнадцать лет! – донесся срывающийся шепот матери. – Лизала им задницы. Была Ausländer^[2]. Кто за всё отвечал – я! Выносила ночные горшки твоей матери, а твои сестры только приходили повидать матушку – на всё готовенькое... И эти бесконечные красивые слова, красивые чувства, на которые Элкины такие мастера, – если кто будет это обеспечивать... Черная кость – вроде меня.

– Никто не просил тебя приносить себя в жертву! А ради кого, ты думаешь, я тружусь, как не ради тебя и детей?

– Да ради любого, кто купит тебя на дешевую похвалу, кто даст тебе почувствовать себя вровень с Айком^[3]. Ради любого, кто скажет тебе: «Джо, дорогой...»

– Хэтти, послушай...

– Ты развращаешь людей, – повысила голос мать. – Потому что слаб и не можешь отказать.

– В последний раз...

– Нет, – сказала мать. – Больше этого не будет. – Она словно выуживала эти слова одно за другим из глубин своей решимости. – Хоть на коленях меня умоляй!

– Б-же, ну что же ты за женщина, что же ты заставляешь человека так унижаться? Главное, из-за чего – из-за денег! – Голос у отца был хриплый, пресекающийся.

– Семейка вымогателей! – запричитала мать. – Мужа сестры Флоры никто на работу не берет – так его дорогой Джо возьмет. Сестра Эми жить со своим негодяем-муженьком не может, но сколько угодно может разглагольствовать о его лизбургской аристократической родне – пока дорогой Джо ее содержит. А своего бухгалтера ты не можешь уличить в воровстве, потому что он – брат твоей свояченицы. Даже вдова твоего брата, эта ирландка без роду, без племени, жалуется, какое маленькое содержание ты ей назначил. А кем он был – всего лишь продавцом обуви, пока не привез ее из Чикаго сюда, а тут дорогой Джо сделал его управляющим фабрикой. Тоже мне, управляющий!

– Мертвых-то хоть не трогай! – Голос у отца был тусклый, неживой. Последовала пауза – края тишины словно терлись друг о друга.

– Вот у мертвых и проси залог! – сказала мать.

Из-под глыбы одеяла Эстер услышала, как упало последнее, безликое слово и воцарилась тишина. А потом кто-то захлопнул дверь в ванную.

Из недр кровати снова подкрадывался сон. Собравшись с силами, она откинула каменную кромку одеяла и выскользнула из кровати. Волооча за собой одеяло, ставшее вдруг легким и нестрашным, она двинулась на ощупь по коридору, к комнате Кинни. Она всегда находилась в воинственном беспорядке – даже сборы оказались перед ним бессильны – и в сумбуре теней казалась по-домашнему уютной.

Она села на край его кровати, укуталась в одеяло, пристроилась рядом с ним. Он был весь во власти сна, теплый, пахнувший мальчишеским потом и неряшеством и такой далекий. Откуда-то сзади всплыла грязная ссора родителей и, пройдя сквозь нее, ушла наружу. Всё это она знала давным-давно, но теперь как никогда ясно увидела тот угол, под которым всё скрестилось. На одной стороне стояла мать, отрицающая всё и вся, срывающая чужие маски, решительная и напористая оттого, что в ней не хватало одного измерения; на другой стороне – отец, ослабевший потому, что, думая о других, нес, как филактерии, груз собственной доброты. Их разность делала ее ущербной, разделенная их разностью, она чувствовала, как падает, бесконечно и беззвучно, в пропасть между ними.

На округлом плече свернувшегося во сне Кинни трепетал лоскуток света. Она протянула руку, но – увы! – оказалось, что играть с видимостями ей больше не удастся. Попыталась заплакать, но слезы, горячие детские слезы не шли. И хотя она не знала, как именовать птицу, парящую над ней, но понимала, что она такое. Птица плавно опустилась, наметила свою жертву. И она заплакала – скупыми, трудными слезами взрослых.

¹¹¹ *Αἰσέεσσι δὲ θάλασσῃ (ὁ δ).*

¹²¹ *χάλασσε δὲ τὴν ἐπὶ (τὰν .).*

¹³¹ *Ἀέε - ἰδίτῃσιν ἂν Ἀέεσσι ἢ Ἰεσσί ὁμοίωσιν*

ПУЛЬСА ДЕ-НУРА

Яков Шехтер

Окончание. Начало в № 3, 2006

В тот день Ливио получил письмо. Обычно он уходил из канцелярии ни с чем, и вид у него при этом был весьма разочарованный. Но тут глаза его заблестели, щеки разругались, а лицо выражало величайшее возбуждение. Он подошел ко мне, сжал мою руку выше локтя и срывающимся голосом произнес:

– Я должен ехать. Немедленно, сегодня же вечером.

– В добрый час, – сказал я.

– Надеюсь, что ты не откажешься побеседовать со мной напоследок. Жду тебя непременно.

Я, конечно, согласился и спустя час постучал в дверь комнаты Ливио.

Он открыл ее рывком. Всё его немногочисленное добро было уложено, только на столе высилось несколько стопок книг.

«Наверное, – подумал я, – он не успевает их сдать в библиотеку, и решил обратиться ко мне за помощью».

Но Ливио заговорил совсем о другом.

– Возможно, мы больше не увидимся, – сказал он. – Перед разлукой я хотел бы тебе кое-что рассказать. Я понимаю, что производил странное впечатление на окружающих. Впрочем, до большинства мне нет никакого дела, но к тебе я привязался и не хотел бы оставить о себе превратное мнение.

Он сел на стул, затем поднялся, сделал несколько шагов по комнате, снова сел, облокотившись о стол.

– Шесть лет назад я учился в Ямитской ешиве. Когда было принято решение разрушить город и отдать Синай Египту, мы не поверили, будто такое безумие может произойти, и продолжали учиться как ни в чем не бывало. Но шли недели и месяцы, и выяснилось, что это серьезно. В день выселения мы забаррикадировались на крыше ешивы и решили: сами никуда не пойдём. Если хотят выселять, пусть тащат силой.

Сначала нас уговаривали через мегафоны, потом полили водой из брандспойта, а потом подъемный кран подтащил к самому краю крыши огромную корзину, набитую полицейскими. Мы пытались оттолкнуть ее палками, но вес корзины был слишком велик, и наши палки ломались. Командир полицейских стоял у открытой двери и грыз семечки. Шелуха летела прямо на крышу, попадала на наши головы. Его равнодушие взбесило меня. Сам не знаю как, но я очутился прямо напротив корзины и крикнул офицеру:

– Только посмей высадиться на крышу – я тебя проклянущу!

Он лишь усмехнулся:

– Проклинай, проклинай, всегда к твоим услугам.

Офицер сплюнул шелуху и махнул рукой, подавая сигнал к высадке. Дальнейшее тебе известно. Нас стащили с крыши и отвезли в полицейский участок, а бульдозеры превратили в развалины цветущий сад, построенный на голом песке.

Улыбка офицера не давала мне покоя. Я видел ее по ночам, она возникала перед моими глазами во время молитвы. «Как, – спрашивал я себя, – как такое злодейство остается безнаказанным? И почему я, спокойный уравновешенный человек, вдруг произнес столь зловещую угрозу?»

Я ведь тогда понятия не имел о проклятиях, и мое грозное обещание не стоило ломаного гроша. Продолжить учебу я не мог, улыбка не давала сосредоточиться, пришлось оставить строгий мир ешивы и окунуться в суету и мусор мещанской повседневности. Я прошел армию, получил специальность водителя грузовика, несколько лет проработал на перевозках и понял, что обязан вернуться в ешиву. Обещание, произнесенное на крыше, не давало мне покоя. Я выбрал уединенную ешиву с хорошей библиотекой по интересующему меня вопросу и принял за учебу. С тех пор не прошло ни одного дня, чтоб я не думал о мщении. Сегодня, – он горько усмехнулся, – я могу выполнить свое обещание. И вот мой час настал...

Ливио вынул из кармана утром полученное письмо и дал мне его читать.

Кто-то (видимо, его поверенный по делам) писал из Тель-Авива, что у известной особы родился первенец и такого-то числа (им оказалась сегодняшняя дата) в семь часов вечера должно состояться обрезание. Приглашено много гостей, в том числе министр по делам безопасности.

– Ты догадываешься, – сказал Ливио, – кто эта известная особа. Я еду в Тель-Авив. Посмотрим, будет ли он так же равнодушен перед обрезанием сына, как тогда на крыше.

При этих словах Ливио вскочил со стула и принялся ходить взад и вперед по комнате, как тигр по своей клетке. Я слушал его неподвижно; странные, противоположные чувства обуревали меня.

– Неужели ты проклянешь его? – спросил я. – Прямо на обрезании сына, на глазах всех гостей...

Ливио усмехнулся.

– Разве ешиботники ведут себя подобно скандальным бабам на базаре? Самое страшное проклятие – это поступки человека. К ним ни добавить, ни убавить. Больше, чем мы сами себе вредим, никто навредить не может. Я много лет просидел над книгами, прежде чем понял, что проклятие – это испытание не для проклинаемого, а для проклинающего.

– Как это так? – не понял я.

– Да очень просто. Если хочет Всевышний наказать человека, Он делает так, чтобы провинившийся сам себе назначил наказание.

Увидев мое удивленное лицо, Ливио чуть заметно усмехнулся и снова уселся на стул.

– Показывает ему такую же ситуацию, только с кем-нибудь другим. Провинившийся со вкусом разбирает дело и выносит приговор. Других-то судить легче, чем себя. Если бы знал бедняга, что речь идет о нем самом, был бы во стократ осторожнее. Оттого и сказали мудрецы: не суди человека, пока сам не почувствуешь себя на его месте. Но это весьма редкое качество и доступно только большим праведникам.

– А кабалисты? – продолжал я расспросы. – Разве они не насылали проклятия на врагов?

– Кабалисты?! – Ливио скривился, будто съел целую ложку суга. – Это слово давно превратилось в торговый знак, вроде «Кока-колы». Сегодня каждый мошенник именуется кабалистом, раздает благословения и выпускает книги. Тайное еврейское знание тиражом пятьдесят тысяч экземпляров! Да, настоящие кабалисты могли насылать на врагов ангела-уничтожителя. Но я сильно сомневаюсь, что кто-нибудь из них когда-либо решился на подобный шаг.

– Почему? – мое любопытство вспыхнуло, словно угли, на которые плеснули бензин.

– Ты знаешь, что такое родео? – спросил Ливио.

Я утвердительно кивнул.

– Так вот, приручить ангела посложнее, чем объездить мустанга. Произнеся имя, кабалист получает над ним определенную власть, но ангелу это не по нутру и он всячески сопротивляется любому порабощению. И если у кабалиста есть некий изъян в служении, ангел немедленно наносит удар по этому месту.

– Каким образом? – спросил я.

– Предположим, человек мало жертвует на благотворительность – тогда ангел поражает его правую руку. Недостаточно глубоко вникает в учение – разит мозг. Таит в душе гордыню – бьет по почкам. В общем, борьба с ангелом дело очень опасное, недаром даже праотец Яков, праведник невероятного уровня, и тот вышел хромящим из сражения с ангелом Эсава.

– Зачем же ты едешь в Тель-Авив? – спросил я. – Попугать офицера?

– Нет, – Ливио снова поднялся со стула. – Я хочу посмотреть ему в глаза, увидеть страх, замешательство, растерянность. Хочу вручить ему подарок.

Он погладил рукой нагрудной карман.

– Особый, необычный подарок. И, кроме того, мое время в ешиве подошло к концу. Мне пора жениться, заводить детей, строить дом. В ешиве очень тепло и уютно, но и уют на каком-то этапе превращается в оковы.

– Неужели после стольких лет учения ты вернешься на грузовик?!

– Зачем на грузовик? За последние два года я заочно прошел курсы программистов. Они там, в Тель-Авиве, думают, будто это очень большая премудрость. Пфэ! – Ливио презрительно оттопырил верхнюю губу. – Я занимался сей премудростью только в туалете, чтобы не думать о Торе в нечистом месте. Может быть, полчаса в день, максимум сорок пять минут. Клал на колени лэптоп и выполнял их дурацкие упражнения. Курс я закончил с отличием, у меня несколько предложений из разных фирм, так что не пропаду. Однако пора ехать. Ты сдашь мои книги в библиотеку?

Он указал на ранее замеченные мною стопки. Я утвердительно кивнул.

– Пора, – Ливио взглянул на часы. До автобуса, два раза в день заезжавшего во двор ешивы, оставалось десять минут. Мы спустились вниз, Ливио нес чемодан со своими пожитками и наплечную сумку с лэптопом, я взял две сумки. Мы молча стояли на остановке, пока не подошел автобус. Ливио крепко сжал мою руку, мы расцеловались. Автобус, рыча, выкатился из двора, и спустя несколько минут уже ничто не напоминало о том, что еще совсем недавно в ешиве учился странный человек со странным именем и странной судьбой.

Реб Вульф тяжело вздохнул.

– Чем же всё это кончилось? – спросил Нисим. – И что за таинственный подарок приготовил Ливио для своего обидчика?

– Об этом я узнал только спустя много лет. С Ливио мы больше не виделись, он навсегда исчез из моей жизни. Честно говоря, сама история тоже потихоньку ушла из памяти, вытесненная другими, более важными делами. Я женился, родились дети, заболели и умерли родители, да и рав Штарк не давал мне спуска, постоянно обучая всякой талмудической премудрости. В общем, было над чем думать и что запоминать. Иногда лицо Ливио всплывало перед моими глазами; я говорил себе, что надо бы навести справки, выяснить, уточнить – да только тем дело и заканчивалась. Наваливались новые заботы, и образ моего кратковременного знакомого снова отступал в сумерки памяти.

Лет пятнадцать назад мы с семьей отдыхали в «Кинаре», пансионате для религиозной публики. В августе возле Кинерета страшная жара плюс высокая влажность. Озеро ведь в низине, метров двести ниже уровня моря; парилка, как в финской бане. Но в Кинаре было замечательно – домики прямо на берегу, в каждом мощный кондиционер, а если лежать в плавках у самой воды – то даже прохладно. пляж, как вы понимаете, был отдельный – жена забирала девочек на свою половину, а я с сыном шел на свою. Ему тогда исполнилось восемь, и он вместе с другими мальчишками целый день играл в футбол прямо на пляже. Свободного времени у меня было достаточно, я взял с собой «Агаду» Бялика и принялся за чтение.

Проблема в пляжном чтении состоит в том, что святые книги в плавках изучать не принято, а читать светскую литературу мне давно не интересно. Поэтому пришлось найти нечто, расположенное между тем и другим.

Однако чтение меня не развлекало, а раздражало. Сами по себе истории были извлечены из Талмуда абсолютно точно, но, вырванные из контекста, расположенные в странной последовательности, они производили очень неприятное впечатление. словно кто-то рассказывает анекдоты про праведников. Анекдоты сами по себе пристойные, но физиономия у рассказчика глумливая, а улыбка на губах непотребная. Я то и дело возмущенно взмахивал руками, а иногда даже вскакивал с места и нервно прохаживался по пляжу.

Мой сосед под зонтиком, мужчина лет сорока с аккуратной подстриженной бородой наблюдал за мной с некоторым недоумением. Вид у него был спортивный: хорошо развитые плечи, крепкий торс, почти без наплывов жира, выпуклые бицепсы. Люди, с детства занимающиеся Учением, смотрятся по-другому. «Скорее всего, этот человек недавно соблюдает заповеди», – подумал я и снова погрузился в мир «Агады» Бялика и Равницкого. Наверное, я так увлекся, что потерял контроль и громко произнес неподобающее слово. Сосед осторожно прикоснулся к моему плечу и спросил:

– А зачем вы взяли в руки недостойную книгу?

Я ответил и завязался разговор. Мы познакомились, его звали Боаз, и он оказался весьма интересным собеседником. Время до обеда пролетело незаметно. В столовой мы сели рядом, выяснилось, что наши жены познакомились еще вчера и понравились друг другу. После дневного сна мы снова встретились на пляже и продолжали беседовать об Учении, книгах, политике, воспитании детей, арабском

вопросе, словом обо всем, что может прийти в голову. Единственная тема, которой мы не касались, была наши личные судьбы – биографии. В религиозном мире частная жизнь человека священна, не то что у тех, кто называет себя «свободными». Там, едва познакомившись, сразу начинают чесать языком, выбалтывая подробности не только собственной интимной жизни, но и всю пикантерию о знакомых и сослуживцах.

Боаз не расставался с сотовым телефоном, откладывая его в сторону, только когда заходил в Кинерет. Но даже по шею в воде, он то и дело бросал настороженный взгляд на телефон, аккуратно уложенный на столик под зонтом. Я сразу понял, что он работает в какой-то серьезной организации и даже в отпуске постоянно готов к вызову.

Его ожидания оказались не напрасными. Дня через три, когда мы уже почувствовали себя друг с другом накоротке, зазвонил телефон. Боаз ловко подцепил его и приставил к уху. Выслушав несколько фраз, он коротко бросил «скоро буду, без меня ничего не предпринимайте» и поднялся из кресла.

– Слушай, Вульф, – сказал он, – я должен срочно уехать, передай моей жене, что меня вызвали на работу.

Я молча кивнул, и Боаз поспешил к выходу. Не знаю почему, но его внезапный отъезд напомнил мне такое же поспешное расставание с Ливиио. Почему, отчего, мало ли с кем я внезапно расстался за прошедшие годы – не могу объяснить. Память наша работает по своим законам; иной раз случайное слово, обрывок мелодии или запах перекидывают мостик между совершенно разными событиями.

Вернулся он после ужина. Я как раз выходил из ворот «Кинара» на ежевечернюю прогулку вдоль озера, когда его машина свернула с главного шоссе и, ослепив меня фарами, въехала на стоянку. Боаз устало выбрался из автомобиля и пошел мне навстречу. На нем была форма полицейского офицера, я присмотрелся к знакам отличия и невольно присвистнул. Мой разговорчивый сосед оказался очень важной птицей, из тех, кого показывают по телевизору в вечерних выпусках новостей. Наверное, он заметил мое удивление, потому что на следующий день наш разговор сразу потек по совсем другому руслу.

Впрочем, тему задал я сам, упомянув, опять не знаю почему, о Ливиио, интересном собеседнике, с которым я расстался внезапно и навсегда.

– Ты знал Ливиио?! – воскликнул Боаз в величайшем волнении.

– Как не знать, он в нашей ешиве был принят как свой. Только я уже много лет о нем ничего не слыхивал. Но, я так понимаю, что и ты был с ним знаком?

– Знаком, еще как знаком. А не рассказывал ли он тебе... хотя, нет, не думаю, но впрочем, почему бы и нет... одного странного происшествия, случившегося с ним в Ямите?

– Ты имеешь в виду встречу с молодым нахалом, полицейским офицеришкой, – произнес я и чуть не прикусил язык. Но было поздно, слово сорвалось, и Боаз его услышал.

– Да, да, именно с офицеришкой. Ты правильно определил мое тогдашнее состояние.

– Так это был ты! Извини, не хотел обидеть.

– Я, именно я, – произнес Боаз с расстроенным видом. – И мое нынешнее положение, – провел рукою по бороде и пригладил на голове черную кипу, – есть памятник нашей последней встрече.

Я расскажу тебе всё, – продолжил он после минутного перерыва. – О том, как обидел твоего друга и как Ливиио мне отомстил.

Боаз передвинул кресло, скрываясь в тени зонта от подкравшегося солнца, сделал несколько глотков из бутылки с минеральной водой и начал рассказ.

– Семь лет назад у меня родился сын. С этим мальчиком связаны самые счастливые минуты моей жизни и самые тяжелые воспоминания. В те годы я считал себя свободным человеком и думал, будто вся жизнь, ее течение и прихоти повинуются моей воле. Любая цель может быть достигнута – так мне

казалось – стоит лишь приложить усилия, быть настойчивым и спокойным. Существовало, конечно, понятие удачи, но и она всегда сопутствует тому, кто упорен и трудолюбив. Я быстро делал карьеру, и продвижение по службе подтверждало мою правоту. Выселение Ямита и решительные действия во время операции еще больше подняли мой авторитет в глазах у начальства, мне сулили высокие посты и не обманули; я действительно достиг очень многого.

Угрозы ешиботника на крыше Ямитской ешивы не произвели на меня ни малейшего впечатления. Я забыл о них уже на следующий день, вернее, думал, что забыл. Карьера продвигалась весьма успешно, и, получив первое, очень ответственное назначение, я решил жениться. Точнее, мне прозрачно намекнули, что хотели бы видеть человека, облеченного столь значительными полномочиями не просто семейным, а отцом, и желательно нескольких детей. Ведь принимающий каждый день щекотливые решения должен быть прочно укоренен, а главное – соответствовать принятому в обществе стереотипу.

Жениться в том возрасте и в тогдашнем моем положении не составляло никакого труда. Была у меня на примете одна милая девушка, мы быстро сговорились и через год уже рассылали приглашения на брис-милу. Я заказал дорогой банкетный зал и пригласил всю верхушку, вплоть до министра. Это событие должно было еще более упрочить мое положение в глазах сослуживцев и показать всем, кто реальная кандидатура на замещение самых высоких постов.

Вечер начался замечательно, мы с женой стояли у входа в зал, принимая гостей. Приехал министр, и мы уже готовились начать церемонию обрезания, как вдруг передо мной возник человек странного вида и наружности. Среди приглашенных не было ни одного религиозного, а этот смотрелся как настоящий ешиботник. Я подошел к нему, стараясь припомнить его черты.

– Ты не узнал меня? – сказал он дрожащим голосом. Зрительная память у меня отличная, один раз встретив человека, я запоминаю его лицо на всю жизнь. Спустя несколько мгновений я вспомнил Ямит, и зловещее обещание ешиботника само собой всплыло из моей памяти.

– Когда-то ты сказал мне, что всегда к моим услугам, – усмехнувшись, произнес он. – Так вот, я пришел выполнить обещание.

Не могу сказать, что я испугался. Лично мне и черт тогда не был страшен, но жена плохо себя чувствовала, роды оказались тяжелыми, с множеством разрывов. Она еле держалась на ногах и в зал для приема гостей пришла только ради меня и моей карьеры. И всё-таки жена была взрослым, сформировавшимся человеком, а вот участь крохотного, жалобно мяукающего котенка, которому должны были полоснуть ножом по самой нежной части тела, вызывала у меня серьезные опасения. Я уже не понимал, как вообще отважился на такую операцию, почему не дал мальчику подрасти, окрепнуть и только потом отвезти его в больницу и передать в руки лучших врачей. Подготовка к церемонии, приглашительные билеты, заказ зала, выбор меню полностью заняли мое внимание, и я как-то упустил из виду опасность самой процедуры. Возникший передо мной ешиботник, его длинная борода и запыленная одежда напомнили про опасность, а его проклятие могло оказаться решающей каплей на весах случайности.

Он протянул мне конверт:

– Мое поздравление тебе и новорожденному.

Черт его знает, какую гадость мог настроичить этот ешиботник, какое древнее заклятие вызвать к жизни своими письменами. Я инстинктивно спрятал руку за спину.

Он усмехнулся.

– Не пугайся, в конверте камень, охранная грамота для твоей семьи.

Его усмешка показалась мне оскорбительной.

– Тебе показалось, – сказал я. – Давай сюда свой конверт.

Он снова протянул его мне, я взял конверт и сунул в карман.

– Учти, – сказал я, – если что-нибудь случится с ребенком, я найду способ рассчитаться с тобой за проклятие.

Он улыбнулся.

– Я не буду тебя проклинять. Вижу, что ты поверил в силу проклятия. Этого мне достаточно. Предаю тебя твоей совести.

В это время распорядитель объявил о начале церемонии, я повернулся и пошел в центр зала. Там всё уже было готово: моэл, пожилой мужчина, совершивший на своем веку тысячи таких операций, разложил свои инструменты на белоснежной салфетке и ждал. Обряд прошел без малейшей запинки, я сам много раз присутствовал на таких церемониях и точно знал, что за чем следует. И всё-таки, когда моэл с ножом в руках наклонился над младенцем, меня прошиб пот.

Мальчика унесли в заднюю комнату и отдали жене, а я принялся обходить столики с гостями, чокаться и улыбаться. Жена не выходила в зал, я думал, что из-за разрывов, но перед самым концом праздника, когда гости, выпив кофе с пирожными, двинулись к выходу, распорядитель позвал меня в заднюю комнату.

Жена сидела бледная, как полотно, держа на руках сверток с мальчиком.

– Кровь не останавливается, – сказала она дрожащим голосом. – Моэл уже всяко пробовал, но не помогает. Затихнет немного, а чуть пошевелится – снова начинает. Моэл говорит – нужно ехать в больницу.

Первое, о чем я подумал, было проклятие ешиботника. Впрочем, эта мысль сразу отошла на второй план, я подхватил жену и сына, усадил в машину и поехал в больницу. Из машины я позвонил моэлу. Он спокойно объяснил, что в очень редких случаях, примерно один на несколько десятков тысяч, артерии проходят близко к месту надреза и может начаться кровотечение. Страшного тут ничего нет, зашить повреждение можно за несколько минут, он бы и сам это исправил, но министерство здравоохранения категорически запрещает моэлам делать что-либо, кроме обрезания. Поэтому нужно обратиться в больницу, он назвал мне фамилию заведующего отделением детской хирургии, велел рассказать, что произошло, и проблему немедленно устранят.

Заведующего отделением в этот час на месте не оказалось. Дежурный врач осмотрел мальчика и сказал, что не видит повреждения артерии.

– У вас в роду были случаи гемофилии? – спросил он.

Мы с женой переглянулись. Вот так штука, получается, что ребенок не на шутку болен и вся его жизнь пройдет под знаком болезни. Но ни мои, ни ее родственники даже не слыхивали про несворачиваемость крови.

– Хорошо, – сказал врач. – Я возьму ребенка в операционную и еще раз хорошенько проверю на более точном оборудовании.

Мальчика забрали, мы сели в кресла в холле и принялись ждать. Через несколько минут из двери операционной вышла медсестра.

– Что ж вы сидите без дела, – упрекнула она жену. – Помогайте ребенку.

– Но как? – удивилась жена. – Что мы можем сделать?!

– Как это что?! – в свою очередь удивилась медсестра. – Молитесь!

– Мы не умеем, – сказал я.

– Тогда читайте псалмы, Пятикнижие, какие-нибудь священные тексты.

– У нас с собой ничего нет.

– Так не бывает! – не согласилась сестра. – Если Всевышний посылает испытание, Он дает и средства его преодолеть. Поищите хорошенько.

Она повернулась и ушла, а я за время разговора успел прочитать на пластиковой карточке с фотографией, припиленной к ее халату: старшая операционная сестра Малахова.

Мы поглядели по сторонам – обычно в больницах ловцы душ человеческих раздают всякие душевспасительные брошюры с псалмами, но как назло нигде ничего не было видно. Жена на всякий случай обшарила свою сумочку – тоже пусто. Да и откуда оно могло там появиться? Не помню зачем, я засунул руку в карман пиджака, и мои пальцы наткнулись на плотный прямоугольник из бумаги. Я вытащил его. Это было поздравление от ешиботника. В стандартном конверте с улыбающимся младенцем оказались две бумажки. Одна – пожелание добра и счастья, подписанное Ливио – вот откуда я знаю его имя, – а вторая, камень, защитная грамота. Это сейчас я знаю, что такое камень, а тогда просто начал читать текст и понял, что сестра не ошиблась, Всевышний действительно послал нам средство.

Мы прочитали камню раз, другой, и третий, и пятый, и пятнадцатый. Внезапно дверь отворилась и вышла Малахова.

– Всевышний услышал ваши молитвы, – сказала она. – Мальчик в полном порядке. Сейчас придет врач и всё объяснит.

Действительно, спустя несколько минут появился врач с ребенком на руках. Вид у него был довольный.

– Это не гемофилия, – объявил он. – Ваш моэл был прав – артерия действительно проходит очень близко. Он даже не прорезал ее, а задел самым краешком ножа. Отверстие микроскопическое, артерия хорошо запрятана. Пока я не положил ребенка на стол и не покрутил под операционным микроскопом, ничего не было видно.

Жена взяла у него мальчика. Тот спал, закутанный в перепачканную кровью пеленку. Врач заметил мой взгляд и добавил:

– Скажите спасибо моей ассистентке – у нее золотые руки. Заклеила ранку, да так ловко, будто ничего и не было.

– Да, да, – сказал я. – Передайте сестре Малаховой наше огромное спасибо.

– Малаховой? – удивился врач. – Тут такая не работает.

– Как не работает? Она же к нам два раза выходила.

Врач подошел к операционной и распахнул дверь.

– Илана, сегодня на смене есть Малахова?

Из дверей вышла незнакомая мне медсестра.

– Малахова? В первый раз слышу такую фамилию.

В общем, не было там никакой старшей сестры. Мы с женой недоумевающе переглянулись и поехали домой. Все мысли были только о мальчике, о его здоровье. Но кровотечение не повторилось, а через неделю ранка полностью зажила. В ту ночь у меня в голове что-то перевернулось. У меня и у жены. Тогда-то мы и начали свой путь к духовности, пока не пришли, – тут Боаз снова пригласил бороду и поправил черную кипу на голове, – куда пришли.

Реб Вульф замолчал. В синагоге стало тихо, только тихое жужжание кондиционера, сверчка двадцать первого века, нарушало безмолвие.

– В «Кинаре», – продолжил реб Вульф, – я узнал конец истории, рассказанной в Тифрахской ешиве, начало которой так поразило меня. С героем оной я уже не встречался, а с Боазом мы дружим до сего дня.

Спустя много лет я услышал о гибели Ливии. Сказывали, будто он предводительствовал взводом запасников и был убит во время зачистки Дженина.

Но давайте вернемся к началу нашего разговора. Надеюсь, всем понятно, что раввины и проклятия вещи несовместные?

Реб Вульф хотел развить мысль, как вдруг со стороны большого зала явственно донеслось мяуканье.

– Он! – воскликнул реб Вульф и вскочил со стула. – Акива – ты хватай метлу, я возьму швабру, а Нисим пусть хлопает в ладоши и гонит его на нас.

Около месяца назад в «Ноам Алихот» поселился здоровенный кот. Откуда он взялся и как сумел проникнуть через всегда закрытые двери и окна – никто не знал. Это был толстый зверь, самой заурядной серой масти, черные полосы на его боках напоминали не раскраску тигра, а следы жженой резины, которые оставляют на шоссе шины резко тормозящих автомобилей. На «брысь» он реагировал брезгливой гримасой, всем видом своим показывая, что вовсе не собирается расставаться с синагогой. По закону присутствие нечистого животного в святом месте – это ой-вей что такое! – и потому, вооружившись шваброй, реб Вульф принялся гонять кота по синагоге. Но куда там! Кот моментально упрятывался в такие уголки, о существовании которых староста даже не подозревал.

Мяуканье сбило членов правления с возвышенного хода мыслей. Схватив метелку и швабру, они поспешили в главный зал. Ослепленный светом внезапно вспыхнувших огромных люстр, кот помчался прямо к шкафу, в котором хранились свитки Торы.

Шкаф представлял собою монументальное сооружение высотой около трех метров, и, в соответствии с представлением о красоте и роскоши, бытовавшем во времена барокко, был богато украшен колоннами, портиками и вазами. Дверь в Арон Койдеш прикрывала тяжелая завеса из малинового бархата. На ней поблескивали шитые золотом буквы: «Прямы и приятны пути Твои, Г-споди! Праведники пройдут по ним, радуясь, а нечестивцы споткнутся и погибнут».

Кот подбежал к завесе, испуганно оглянулся по сторонам, прижал уши и принялся карабкаться вверх, цепляясь когтями за рельефные выступы букв.

– Бесовское отродье! – взвыл реб Вульф и прибавил ходу. Когда от завесы его отделяли каких-нибудь несколько сантиметров, кот успел вскарабкаться до самого верха и там, развалившись в безопасном удалении от швабры, нагло свесить хвост.

– Так, – сказал реб Вульф, убедившись, что до верха Арон Койдеш швабра и метла не достают, по меньшей мере, полметра. – Сейчас я принесу метлу подлиннее.

Он быстро вышел из «Ноам Алихот» и устремился к подсобке, где хранились всевозможные предметы хозяйственной надобности. Тень тополей скрыла луну, и реб Вульф никак не мог попасть ключом в замочную скважину. Его плотная фигура растворилась в густой тени, лишь едва слышное постукивание ключа выдавало, что в темноте южной ночи скрывается кто-то живой.

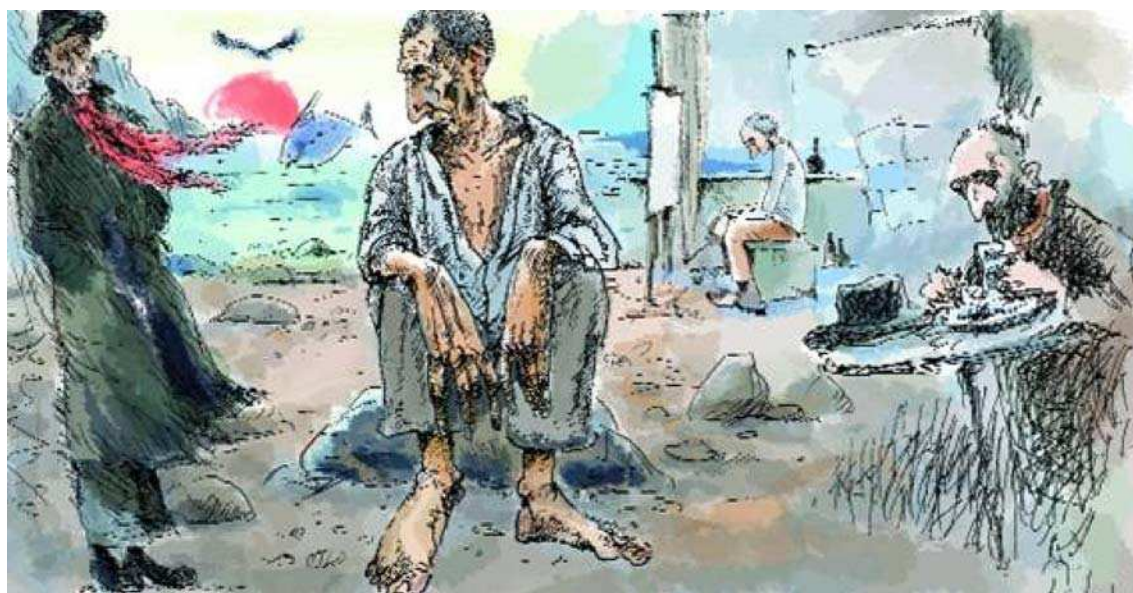
Окутанная кронами деревьев, полускрытая высоким забором, синагога терялась в сияющем огнями Реховоте. Нестерпимо сверкали рекламы на здании торгового центра, мигали многокрасочные вывески модных ресторанов, по дорогам, залитым желтым светом фонарей, катили автобусы, ослепляя прохожих мощными фарами. Справа, за темными полосками уцелевших апельсиновых садов, играл, точно атлет мышцами, разноцветными огнями Лод, бывшая цитадель крестоносцев, а слева курилось зарево большого Тель-Авива.

В горах, поднимавшихся за взлетным полем вертолетной базы, мерцали огоньки Иерусалима, где, окруженный неусыпной охраной, работал в своей резиденции премьер-министр. Далеко на севере скрывалась невидимая из Реховота Хайфа, а южнее дремала, под заунывное посвистывание ветра, столица пустыни – Беер-Шева.

Солдаты стояли на границах, пенились буруны под носами сторожевых катеров. Незаметная на карте страна походила на узкий мазок фосфоресцирующей краски, проведенный вдоль побережья Средиземного моря. Спала погруженная во тьму Африка, в столицах Европы открывались ночные бары, посреди Атлантического океана мигали ходовые огни теплоходов. Закутанная в перистый шарф облаков Земля совершала свой неизменный оборот вокруг Солнца; крохотная голубая планета в теплых ладонях Всевышнего.

БАЛЛАДА ОДИНОКОГО ЧЕЛОВЕКА

Ôàè Àéçáí ì àí

Рахмиэль тщетно искал для себя такое место, где можно было бы во весь голос воскликнуть: – Вот он – тот уголок на земном шарике, в котором я хотел бы прожить последние годы, отмеренные мне Всевышним!

В один прекрасный день он отправился в плаванье по чужому, незнакомому морю, глубины и рокот которого были совсем другими, чем во всех остальных морях на свете, даже волны и те были другими. Отправился он в плаванье, не ломая голову над тем, причалит когда-нибудь его кораблик к суше или нет.

Только он, Рахмиэль, не изменился, не стал другим, а остался таким, каким был всю жизнь на берегу до отплытия, хотя когда-то, правда, его звали иначе – не Рахмиэль, а Габриэль. Рахмиэль на берегу и Габриэль в море представляли собой как бы одно существо с одинаковой плотью и душой, но в какой-то момент они разделились надвое, так как считали, что так им будет легче и веселей, да, именно так они считали, однако в конце концов расстались без причин и без упреков, просто так. Может, расстались потому, что в таких случаях тоска удваивается и становится куда тяжелей и нестерпимей, и лучше вести с ней бой один на один, не рассчитывая на чью-то помощь.

Габриэль надеялся найти спасение в нетленной Торе и вернулся к вере отцов и праотцев. Но справиться со своим душевным надломом и смятением ему удалось ненадолго. Как он ни старался, на него снова и снова наваливалось угнетающее и неизбежное одиночество, которое подтачивало его душу и бессонницей терзало его глаза. Ему было ничуть не легче, чем его двойнику Рахмиэлю, который пустился на воображаемом кораблике в воображаемые дали. Рахмиэль уже давно остриг бороду и сбрил пейсы, но одиночество всё равно преследовало его и грызло душу.

Он искал утешения в книгах, читал их запоем, но и книги не принесли ему желанного облегчения и умиротворения, и он перестал черпать в них мудрость и утешение. Пытался он спасти себя и кистью – принялся рисовать натюрморты, которые радовали глаз праздничной яркостью красок. Водил Рахмиэль свое одиночество и в кабаки, надеясь, что его можно утопить в вине, но не тут-то было – одиночество упрямо высовывалось из горлышка и показывало ему свой красный, как пылающее полено, язык.

Море! Могучее и необозримое, убереги меня и защити! Укрепи мой дух и приведи мой кораблик в желанную гавань! Там, в той гавани, меня ждет покой и ничем не омрачаемый, Б-жественный отдых, там, в той гавани, день начинается не стонами и жалобами, а ликующей песней. Я паду с закрытыми глазами ниц в зыбучий прибрежный песок и открою их только тогда, когда белокрылая птица наконец

принесет мне в клюве благую весть о том, что я искупил все свои грехи и удостоился у небес великой милости – отныне и навсегда я избавлен от этой страшной, от этой изнурительной муки быть одному, одному, одному...

Í áðááá ñ éæéá Áðéá ðéý Êáííæ:á

ЯБЛОКИ В МЕДУ

Èááèò Óáí ááèü

Èááèò Óáí ááèü ðí áèèáüü á 1926 ááò á Áàðò ááá á ðáèèáíçííé ñáí üá. Á 1930 ááò áí áüð á ñ ðí áèòáèýí è íðèáüèá á Í áèáüðèíá. Í áðáíé ñáíðíèè ðáññèáçíá í íèíáíé í èñáòáèüü èòü áüòáè á ñáò á 1950 ááá Ñáíðíèè ýòíò ñòáè ñáüòèáí è ñðáç áüááèíóè ááòíðá á í áðáüá ðýáü èçðáèèüñèèò í ðíçáèèíá. Í ðíèçáüáíéý Óáí ááèü, íðáí è: áíèè ñ: áòáðüèá ðáèèñðè: áíèçð í áíáðò ñ ðáí ðáçèáé, áí í ííáí í íðááèèèèè ðáçáèòèá èçðáèèüñèé èèòáðáòòü. Áá èíèèè í á ðáç ñò áí í áèèèñíí ááüðñíèèáðáí è, áüèè è íñáí è ðíáí ü è ýèðáí èçèðíáí ü, í áðáíáèèèñíí í á í ííáá ýçíèè.

Тем летом я иногда ездила туда, и на этой неделе отправилась снова. Был знойный душный день конца лета. Временами налетали порывы горячего ветра – вдруг обдавали жаром и так же быстро опадали. Пыль стояла в воздухе. Я вошла в ворота. Вокруг было пусто. Ни души. Мне вздумалось немного побродить по дорожкам, и тут на другой стороне, за навесом, я увидела садовника, который стоял и разговаривал с молодой женщиной, понуро сгорбившейся на камне. Она слегка покачивала в такт своим словам головой, обрамленной пышным ореолом ярко-рыжих крутых кудряшек, которые в свете этого насыщенного пыльным суховеем дня сверкали, как маленькие огненные мячики.

Я уже сказала, что вокруг было пусто. Тщательно выметенные дорожки подчеркивали перспективу с ее ясными, четкими линиями. В тяжелом жарком свете всё казалось ярче, сияло резче, чем обычно, словно было подернуто тонкой розовой пленкой, рожденной заботливым уходом и свежим поливом, помогающими воспрянуть притомившемуся цветению. Всё сверкало, будто покрытое блестящим лаком. Стояла полнейшая тишина. Даже вертушка-поливалка застыла в неподвижности. Но чем дальше я продвигалась в глубь сада, тем громче становились шорохи и бормотания, исходившие от крошечных влажных квадратиков зелени по сторонам дорожки. Шепоты и вздохи вскоре сменились мучительными скрежещущими звуками. Казалось, кто-то толчет под землей стекло.

Это случилось на самом красивом участке, на свежем цветущем участке ливанской войны, который был буквально завален букетами и венками, полон всевозможной растительности, цветов живых и искусственных – из бархата и тончайших листов меди, из обычной серой мешковины, из накрахмаленного тюля и марли, выкрашенной в ржавый цвет. Охраняли это изобилие длинные зубчатые кактусы со скипетрами сочных ветвей, похожих на маленькие сабли, и головками в форме топориков.

Женщина подняла лицо, спросила:

– У вас есть тут кто-то? – Подтянула к себе колени, не спуская с меня взгляда. Сказала: – У меня тоже. – Колени были плотно притиснуты к груди, она не отрывала от меня взгляда. Сказала: – Муж.

– Я понимаю.

– Да, муж.

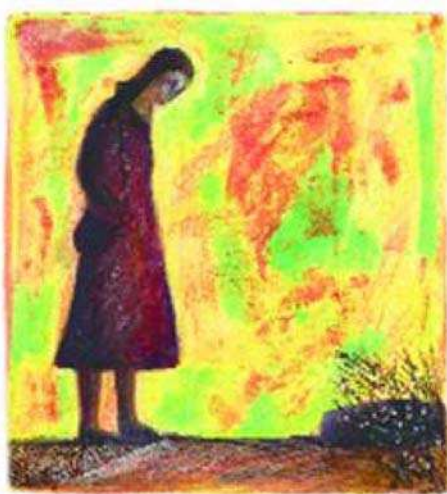
– Я понимаю.

Теперь она сидела вполоборота ко мне.

– Муж, – повторила она в третий раз.

Стояла тишина. Взгляд ее был по-прежнему устремлен на меня. Бледные, очень светлые глаза выделялись на фоне широко раскрытых потемневших век, которые никак не соответствовали веселым огненным кудряшкам. Не знаю, может, из-за этой невероятной тишины я сказала, что иногда бываю здесь, но прежде никогда ее не видела.

– Да, я прихожу один раз в году... – У нее был очень низкий, почти мужской голос, почти бас, и говорила она так, словно продолжала недавно прерванную беседу. – И, как правило, выдается такой вот жаркий день. Хамсин. Всегда оказывается такой вот день. Хамсин. – Еще плотнее стиснула колени и прислонила к ним кожаную сумочку. – Я сижу тут одна. Иногда с садовником.

Я сказала, что повстречала его – садовника.

Она не сводила с меня бледных, широко распахнутых глаз, стремительным движением подняла руку, произнесла в раздумье:

– Я говорю с вами так, как будто мы знакомы.

– Может, и были когда-нибудь знакомы...

– Да, в другом рождении...

– Возможно.

Она усмехнулась, положила руки на колени и принялась разглядывать свои унизанные кольцами пальцы. Потом отвела взгляд от коленей и подалась ко мне, слегка подвинулась на каменном бордюре, окружавшем высаженные на крошечном клочке земли прекрасные цветы. Улыбнулась:

– Приятный человек этот садовник.

Солнце, как видно, слепило ее, упорно сидевшую к нему лицом. Она прикрыла один глаз – круглый, как глаз животного.

– Да, – согласилась я, – садовник – симпатичный человек.

Она сменила глаз: закрыла правый и открыла левый. Прищурилась, низко склонилась над камнем и расправила цветок кактуса, свернувшийся в комочек возле возвышения на плите. Как видно, заметила, что я читаю надпись. Даты.

– Нет-нет, я прихожу в день нашей свадьбы. Это и есть тот день, когда я прихожу сюда, – раз в году. – Теперь она говорила медленно, осторожно подбирая каждое слово: – Я не хожу в другие дни. Зачем мне приходиться в другие дни?

Стояла тишина, и еще тише делалось в паузах между словами.

– Я уже сказала: это всегда выпадает на такой вот жаркий день. Впрочем, и тогда день был такой же жаркий. Тоже хамсин.

Она опять сдвинула колени, положила на них ладони и сказала, что невозможно говорить об этом.

– И не нужно...

– Да... Но когда подумаешь...

– Лучше не думать.

– Правда, лучше не думать. Да не всегда это удается. Ты понимаешь?

– Я понимаю. – Стояла тишина. Она слегка наклонилась, расстегнула молнию на сумочке, вытащила огромные серые очки и надела. – Поверь, этому можно научиться. И кроме того – время... – Я не придумала, что бы еще прибавить.

Она закрыла молнию и поставила сумочку на прежнее место на камне.

– Да, время... Ты веришь, что время?..

Я видела ее почерневшие веки, медленно опадающие и мгновенно снова взлетающие за стеклами громадных очков. Внезапно она сняла очки, выпрямилась, огляделась, медленно вращая голову, словно смотрела из окна поезда.

– А пока всё так живо, проходят годы, а всё так живо, – пожаловалась, оборачиваясь ко мне.

Слово «так» отразилось от камня, раздвоилось эхом в пустом саду, ударило, словно воздушный молот; я ощутила тяжесть в голове и настойчивое желание заткнуть уши. Мне показалось, что именно это она и сделала, но тут ветер отбросил назад ее волосы, обнажил уши, оказавшиеся неожиданно такими маленькими, совсем маленькими, как у девочки. Глаза медленно двигались, блуждали по саду, словно следили за кем-то, скрывающимся позади ограды. Я подумала – нужно что-то сказать, но не знала что. Свет сделался еще более тугим и низким. Небо – купол без дна. Кусты роз и хризантем в прекрасном саду пылали, как ярко наряженные огородные пугала. Я хотела сказать, что есть многие формы жизни, и что-то насчет продолжительности дня и продолжительности ночи, и что простая истина смерти и одиночества так элементарна, так понятна, особенно когда она исходит из земли и втекает в тебя, поднимается по твоим ногам от ступней выше, выше... Вдруг вспомнила старинный обычай – как женщины обмеряли могилу любимого нитью, а потом складывали и скручивали эту нить, пропитывали и обмазывали ее воском, делали из нее свечку, которую ставили в жестяную кружку, и этот длинный тонкий светильник горел всю ночь в жестяной кружке, в память о любимом, и нельзя было, чтобы ветер задул свечу в кружке... Я хотела рассказать ей что-то об этих кружках, но она сидела притихшая и слабыми неторопливыми движениями, словно окончательно обессилев, запускала пальцы в волосы, метавшиеся по шее из стороны в сторону.

– Да, – сказала она вдруг, – так-то...

Волосы были собраны теперь на затылке, и руки снова опустились на колени. Глаз не было видно, только стекла очков. Она рассеянно улыбнулась, сняла очки, снова прищурила один глаз, как будто всё больше страдая от ослепительных лучей. Действительно, было очень жарко. Воздух сделался тяжелым,

приобрел серый оттенок, подчеркивающий сухость горячего ветра, налетавшего из неведомо каких просторов и накрывшего этот чистый, аккуратно выметенный сад тучей пыли. Чувствовался слабый запах пепла и суховея, каменные плиты выглядели напрягшимися и готовыми треснуть. Аккуратные дорожки наполнились прожилками свинца, и визгливый голос надтреснутых флейт кружил, словно заблудившийся в громадной пещере. Сидевшая против меня женщина плотнее притиснула ладони к коленям, как будто хотела сказать: тихо! Тихо! Но звук разбитых флейт только усилился, листья кустов свернулись в жухлые полоски бумаги, раскидывающие вокруг себя сухие оборванные лепестки, взъерошенные, как хлопья овсянки, и я заметила мелкую дрожь ее рук, боязливо трепетавших на коленях. Мне снова показалось, что она хочет что-то сказать, но я не расслышала что и только смотрела, как она поглаживает обеими руками колени. Звук разбитых флейт приблизился еще, свет сделался совсем низким, будто придавленным, и в этом мутном низком свете камни зашевелились, заколыхались, как занавески, нарушая всю эту странную строгую архитектуру, методично поделенную на равные куски, превратились в одну густую кашицу, расплескавшуюся над цветастым брожением, над трещинами в земле, добросовестно обтесанные и отшлифованные плиты скорчились в мучительной гримасе, дорожки, номера, указатели, надписи на перекрестках и сломанные стрелки смешались, поплыли, и уже невозможно было опознать ни одного участка. Розы выглядели отгиснутыми из пластика, трава наполнилась шевелением суховея, и даже когда ветер унесся так же внезапно, как и появился, в воздухе еще плясали черные надписи на плитах. Спустя мгновение всё исчезло, видна была только одинокая молчаливая женщина, усталая согбенная женщина в утомленном саду, руки ее по-прежнему лежали на коленях, она сидела неподвижно в полнейшей тишине.

Открыла глаза и взглянула на меня с выражением какой-то особой доверительной близости. Сказала:

– Мне везет, никто никогда не приходит в этот день, я всегда одна тут.

– Это действительно приятно, – откликнулась я.

– Да, приятно. Но я всегда боюсь, что кто-нибудь вдруг возьмет и явится. Однако, видишь, Господь бережет меня, пока что этого ни разу не случилось, я всегда одна, прихожу и сижу себе здесь одна.

Она не сводила с меня глаз, и с лица ее не сходило выражение той исключительной дружеской близости, которая возможна лишь между чужими.

– Тебе не мешает моя болтовня?

– Нет, Б-же упаси! – сказала я. – Мне приятно слышать твой голос.

– Иногда, ты знаешь... – сказала она.

– Конечно, конечно, я знаю!

– Просто, когда сидишь вот так и смотришь...

– Да, я понимаю.

Она изменила положение рук, слегка переместила ладони и спросила, не тороплюсь ли я. Я сказала, что нет, не тороплюсь, у меня есть время, много, много времени. Она сказала:

– Я рада. – И прибавила: – Иногда, ты знаешь... так хорошо побыть в одиночестве.

Свет падал на ее лицо, по которому струились два извилистых ручейка пота. Время от времени она обтирала их ладонью.

– Ничего особенного. Просто так, поговорить... – Она болезненно улыбнулась. – Тебе это знакомо...

Я сказала, что, конечно, знакомо. Она снова печально улыбнулась.

– Мы почему-то всегда думаем, что всё случается у других. И даже когда это случается у тебя, всё равно как будто у других...

Лицо ее теперь было опущено в ладони.

Поднялся какой-то шум, камни завертелись, закружились, будто побивая кого-то, она отняла ладони от лица, раздвинула их, выпрямилась, взглянула настороженно, сняла очки, но тотчас водрузила их обратно и несколько раз поправила, словно не находя верного положения. Руки у нее были длинные и красивые, смуглые, загорелые, я смотрела на эти прекрасные руки в широких медных браслетах и кольцах – по кольцу на каждом пальце, иногда даже по два, она вскинула руки, браслеты соскользнули к локтям, слились в одно широкое, вытесненное из медного листа кольцо. Она улыбнулась, вернула браслеты к запястьям и взглянула на меня сквозь поблескивающие стекла очков. Потом наклонилась и достала из-за возвышения на плите вазу из голубого хевронского стекла, пробормотала что-то насчет красоты стекол и спросила, нравится ли мне ваза. Я сказала, что очень. Она сказала, что хотела принести сегодня цветы из бархата, потому что вообще-то она очень любит мастерить цветы из бархата, и еще из-за того, что живые цветы слишком быстро вянут, в такой зной от них уже завтра ничего не останется, а она приходит всего раз в году, и я сказала:

– Да, это так.

Она откликнулась:

– Да, это так. – Замерла на минуту, поправляя очки, которые поблескивали теперь, как два жестяных кружка. Вздохнула: – Что делать, это так... – Глаза ее загорелись каким-то странным огнем, она встряхнула головой, провела рукой по шее.

Я снова посмотрела на ее руки, на браслеты, которые при каждом движении меняли положение и, сталкиваясь, глухо позванивали медным звоном. Это были очень красивые браслеты, и я заметила, что все они украшены камнями, каждый другими, один – желтым солнечным янтарем, другой – красным сердоликом, третий – бирюзой, четвертый – мелкими голубыми аквамаринами, пятый – розовыми кораллами, как будто это была выставка образцов камней и браслетов.

Она сказала:

– Я вчера совсем уже было собралась приготовить печеные яблоки, каждый год я собираюсь приготовить их и всё-таки не делаю этого. Печеные яблоки... – Что-то захрипело и заклокотало у нее в горле.

Я сказала, что это в самом деле замечательная вещь – печеные яблоки. Она добавила:

– С изюмом и орехами, ты ведь знаешь.

Я сказала, что это в самом деле замечательно: с изюмом и орехами.

Она вспомнила:

– И корицей.

– Разумеется, и корицей. И чтобы сахар немного запекся и подгорел – это очень вкусно, когда сахар немного подгорит.

Она слегка подвинулась на камне и сказала:

– Мы не добавляли меда, но он называл это «яблоки в меду». – Она говорила теперь очень тихо, затененные темные веки влажнели от слова к слову.

Я сказала, что тоже делаю это иногда, особенно в конце лета. Она спросила, почему именно в конце лета. Лицо ее напряглось и сделалось чужим и хмурым, а я не могла объяснить, зачем сказала это и почему именно в конце лета. Чувствовала, что следует как-то успокоить ее, но не знала как и сказала, что

лучше всего запекать гранд-александер, я всегда ишу гранд-александер. Она внимательно слушала, и я прибавила, что обязательно нужно срезать полоску кожуры по кругу, чтобы яблоко не лопнуло в духовке. Она продолжала молча слушать. Волосы ее снова растрепались и развеялись под ветром из стороны в сторону, она приглаживала их ладонью и собирала на макушке, потом запустила в них обе руки, отделила одну прядь и принялась накручивать ее на палец. Вздохнула:

– Действительно жарко...

Лицо ее было влажным и она обтирала его рукой, по несколько раз проводя ладонью от лба к подбородку. Потом опустила руку в кусты цветов и обтерла о листья. Голова ее слегка покачивалась, и на минуту мне показалось, что она задремала. Я думала о цветах, накапливающих воду в стеблях и отращающих длинные острые колючки, чтобы защищаться. Вдруг вспомнила об одном приятеле, который просил похоронить его под любимым кафе, под тем самым столиком, за которым он постоянно сидел, а когда ему сказали, что вынуждены будут сделать это в другом месте, испугался и воскликнул: «Как же я буду жить в другом месте? Под моим столиком, под моим столиком, можно даже поломанным, пускай! Даже под совсем развалившимся, тоже нормально. Даже если от него останется только одна ножка...»

Я обвела взглядом это странное кладбище, надгробия и зеленые цветущие квадратики в каменных обрамлениях. В пустом дурманящем воздухе плясали черные буквы и белесые пятна камней, плиты двигались и елозили во всех направлениях, а она сидела. Ветер по-прежнему трепал ее волосы, она прижимала их к затылку, потом нагнулась, торопливо открыла сумочку и также торопливо закрыла. Наверно, вытащила заколки, потому что принялась усмирять свои блестящие извивающиеся локоны и занималась этим довольно долго, они снова и снова выскальзывали из-под ее рук и падали на шею – как видно, заколки были недостаточно прочными и крепкими, чтобы удержать эти упругие огненные шары. Она сломала какую-то ветку, понюхала, а потом воткнула в копну волос. Сломала еще одну и протянула мне. Я почувствовала пряный сладковатый запах нежной молодой древесины. Она вытащила ветку из волос и легонько провела ею по своей щеке. Я сказала, что у нее очень красивые волосы и руки тоже красивые. Она усмехнулась:

– Браслеты. Ты имеешь в виду браслеты.

Я сказала, что браслеты действительно очень красивые. Она еще немного подвинулась на камне.

– Каждый год он приносил мне браслет, это был его подарок ко дню нашей свадьбы. – Ее низкий, почти мужской голос вдруг надломился и зазвенел, как часы, упавшие на камень. Она выпрямилась, напрягла спину. – Но я не ношу их. Только когда прихожу сюда. – Она замолчала и покрутила в воздухе кистями рук. – Он очень любил мои руки в браслетах, хотел, чтобы они всегда были у меня на руках. Поэтому когда я прихожу сюда... – Глаза ее сделались огромными, желтыми, как у совы, и неподвижными.

Я представила себе, как вечером она снимает браслеты, один за другим, и кладет их на стол – рядком, по порядку, а утром возвращает на руки, смотрит на них и понимает, что нескольких недостает, передвигает по руке и подсчитывает те, недостающие.

Шея ее была вытянута вперед, она сидела и смотрела прямо перед собой.

– Это первый, от первой годовщины, – указала на тот, который располагался ближе всего к локтю, с крупным желтым янтарем. Дотронулась до камня пальцем и несколько раз погладила его.

Я сообразила, что они расположены по годам, что ко второй годовщине он купил ей браслет с красным сердоликом, потом с бирюзой, потом с голубыми аквамаринами, потом с розовыми кораллами, и попыталась угадать, что бы он подарил ей к следующей, шестой годовщине. Лицо ее по-прежнему было лишено всякого выражения, по-прежнему одни только глаза жили на нем. Мне пришло в голову, что и она размышляет сейчас о том же. То же самое, конечно, она делала и утром: подошла к зеркалу и стояла, смотрела на свои руки, и из зеркала на нее смотрели янтари и бирюза, стайка голубых аквамаринов и розовые кораллы, и даты путались и никак не складывались у нее в голове, годы мешались и рассыпались, она подсчитывала годы, и я вдруг перестала видеть ее, остались лишь браслеты – сжавшиеся, узкие, стиснувшие ее руки, словно наручниками.

Она повернулась ко мне и издала какой-то звук, который можно было бы принять за смех, но это был не смех.

– Обычно, я уже говорила, у меня ничего нет на руках, весь год я хожу без ничего. – Сказала и опять усмехнулась.

Я еще раз повторила, что у нее очень красивые руки, и они наверняка прекрасны и без браслетов. Попыталась представить себе, как они выглядят без браслетов, но это никак не удавалось. Медь сияла и жгла мне глаза, колола, словно иголками, я чувствовала боль в глазах. Я уже не видела ее рук, только браслеты, поочередно охватывающие то одну, то другую руку, запястья, предплечья, грудь, живот, она сидит, вся окованная ими, будто внутри огромного медного котла. Нет-нет, сказала я себе, это тишина, слишком много тишины, слишком яркий свет, невыносимо яркий свет. Как они сверкают, браслеты, в этом ослепительном свете, и как она нарядилась и украсилась ради него, жив он или мертв, украсилась для него, какое красивое платье надела ради него, и, возможно, даже голову вымыла утром ради него, волосы ее блестят такой чистотой, таким свежим блеском, и, погляди-ка, как они развеваются, как горят огнем, возлежат драгоценной короной у нее на голове – ради него.

Она сказала:

– Колец я тоже не ношу. И колец тоже...

Я попыталась представить ее пальцы без колец. Ногти ее были покрыты перламутровым лаком, и я подивилась, какими нежными и ухоженными выглядят эти ногти. Вдруг вспомнила рассказ о яблоках в меду и их скромном ежегодном празднике.

Она сказала:

– Он говорил, что к нашей десятой годовщине подарит мне браслет с гранатами.

Я попыталась угадать, когда должна была наступить десятая годовщина. И что он купил бы ей в девятую, восьмую, седьмую... Но иглы, всё те же иглы кололи мне глаза. Янтарь смешался с бирюзой, аквамарин с кораллами. Я сказала себе: нет-нет, просто сегодня такой свет, невозможно сидеть под таким светом. И еще сказала себе, что это именно то, что она делает сейчас: пытается угадать, что бы он принес ей в седьмую, восьмую... Девятую, восьмую, седьмую... Как и я, она ведет этот обратный отсчет. Этот краткий отсчет, говорит она себе, с каждым годом будет расти, а браслеты будут сжиматься, счет расти, а браслеты сжиматься, пока наконец не сожмутся, не высохнут и руки. Но сейчас она сидела и задумчиво играла браслетами, которые, сталкиваясь, издавали особенный медный звук, глухой металлический стон: дин-дин-дон... Дин-дин-дон...

Мне показалось, что мы уже встречались с ней однажды на углу нашей улицы, но теперь я не узнала ее – тогда руки ее были голы, вот я и не узнала ее, я сказала себе: нет-нет-нет, только не это, это не она, это свет, невозможно при таком свете... Это ошибка, всё одна сплошная ошибка, а браслеты уже плясали, крутились по саду, смешиваясь с прекрасным свежим цветением, с черными буквами и белыми пятнами света на камнях, и кольца тоже плясали и крутились, и я вдруг вспомнила: пусты они, пусты от всего, ничем не наполнены, и дом его пуст, и душа его пуста, и молитва его возвращается без ответа. Не возвращай меня с пустыми руками! – вспомнила я. О, не возвращай меня с пустыми руками, не приходи ко мне с пустыми руками! И сказала себе: нет-нет, это воздух, слишком плотный воздух, он сжимается, и от

этого все бредут в нем безгласные и опустошенные... Почему я вспомнила это? Где я это слышала? Много лет прошло с тех пор, как я слышала это, бедные и опустошенные уходите вы, да, я слышала это, я была маленькой девочкой, когда слышала это, это всегда было летом, мама снова и снова бормотала эти слова. Наш барак стоял напротив мусульманского кладбища, окна были распахнуты, я боялась кладбища и просила: давай закроем окна, но она говорила: это не окна, это не оттого, что открыты окна, это колокол, он пустой внутри, он гудит пустотой...

– Что-то случилось? – спросила женщина.

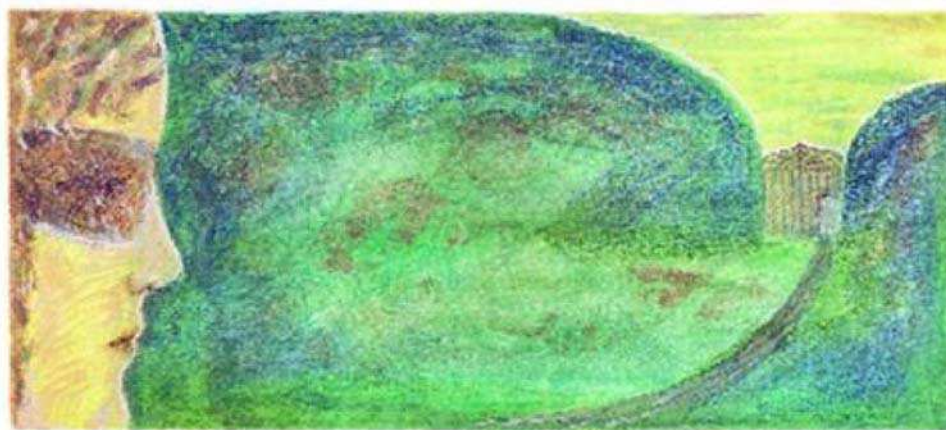
Она снова играла веткой, которую держала в руке, и я сказала, что устала, и вообще, поздно уже, пора идти... Она улыбнулась:

– Конечно, конечно. Если придешь на следующий год, найдешь меня здесь.

Она выглядела такой умиротворенной, притихшей – само спокойствие, и я пообещала, что запомню дату и приду, конечно, конечно, приду. Поскольку она ничего не ответила, я сказала, что день в самом деле очень жаркий, и этот ветер... Вообще-то я хотела прийти вечером, но побоялась, что будет закрыто.

Она продолжала играть веткой, не отрывала ее от лица.

– Кладбище не закрывают, – сказала она.

По дороге к воротам я увидела садовника, он складывал под навесом свои инструменты – мотыги и лопаты, запасные насадки на краны и целую кучу свежих саженцев. Улыбнулся, когда я спросила о ней.

– Приходите на следующий год, она будет здесь. – Запер неторопливо калитку в решетчатой ограде под навесом. – Она всегда приходит в это время, каждый год.

Í àààà ñ èèè è à Ñàà èàí ù Óáí àáí í

МОШЕ

Илана Арци

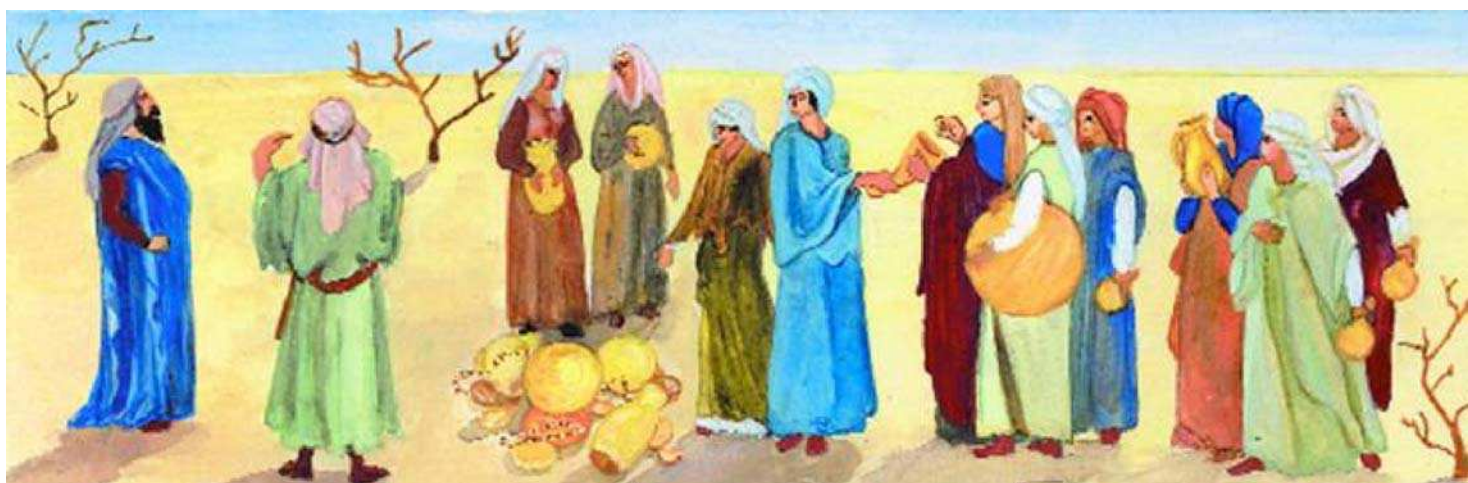
Продолжение. Начало в №1–3, 2006

ÈÒÐÎ

«...Óñéúòæ Èòðî, ïðààèòæúÏ èäüÿíà,

òáñòúÏ ïòá, íáí áñü, ÷òí ïáææ Áññéúñ úé äéÿ Ï ïòá è äéÿ Èçðàèéÿ, íàðíàà Ñáíáá...»

(Áðáéòéñ 18:1)

На следующий день после Йом Кипура, когда Моше спустился с горы Синай с новыми скрижалями, прибыл гонец от Итро:

– Твой тестя идет к тебе, и твоя жена с ним, и оба ее сына.

Моше вышел навстречу. Вместе с ним – старший брат Аарон с сыновьями Надавом и Авиву. Следом шли старейшины, а за ними весь народ.

Итро были оказаны почести, каких не знал ни один царь.

Моше поклонился до земли и поцеловал своего тестя, жену и детей. Пригласил в шатер, сам прислуживал, не смея присесть. Рассказывал о чудесах, которые совершил Ашем с фараоном и египтянами на суше и на море.

Итро сказал:

– Благословен Б-г, Который избавил вас от рук фараона и египтян.

Может быть, искренне радовался Итро избавлению евреев, но внутри скорбел о гибели Мицраима, так как был потомком Агари-Кетуры, дочери фараона.

Есть пословица: «При прозелите, даже в десятом поколении, не говори дурно об иноверце!»

Все старейшины во главе с Аароном пришли в шатер Моше разделить с Итро праздничную трапезу.

Назавтра Моше сел на камень и принялся разбирать тяжбы.

И стояла к нему очередь от рассвета и до заката.

Удивился Итро: ведь один час справедливого суда равноценен целому дню изучения Торы:

– Что ты делаешь? – спросил. – Почему сидишь один, а весь народ стоит перед тобой? Неправильно. Народ измучишь и себя.

– Люди приходят ко мне вопрошать Всесильного. Я толкую им законы.

– Послушай меня. Выбери себе помощников. Людей, боящихся Б-га, дельных, не терпящих корысти, – десятников, сотников, тысячников. Простые вопросы будут решать они, а сложные – ты.

Моше последовал доброму совету.

Долго упрашивал своего тестя остаться, но наконец отпустил, и тот отправился на родину обращать в иудейство членов своей семьи.

שְׂאֵדִי וְעֵדִי אֵלַי עַבְדְּךָ

«А і аади і аіуа ао і дїа аїаа

і іпеа епїаа пї і іа Еґдаеу еґ Ааї оа

аїе аїґаеї оо с ао аа».

(Ої і еї 40:17)

«Е еїаа і іаї еї аеї пї і аеаеї

і аа с ао дї і – і ої даауеї пї

пї і у Еґдаеу аї аїа пò даї пò аеу пїае...»

(Ої і еї 40:36)

Люди наперегонки несли на строительство переносного Храма – Шатра откровения – все свои сокровища: золото, серебро, медь, шерсть, лен, кожи...

Старейшины высокомерно выжидали, говоря:

– Мы донесем то, чего не хватает.

Но всего оказалось в достатке. Вот тогда-то старейшины и принесли драгоценные камни для нагрудника первосвященника.

Женщины пожертвовали самое милое их сердцу из того, что у них было, – медные зеркала.

Моше возмутился:

– Зеркала используются для легкомысленных вещей!

Но Ашем сказал:

– Это Мне дороже всего. При помощи этих зеркал праведницы украшали себя и бежали в поле к мужьям, чтобы народ не исчез. Возьми эти зеркала и сделай сосуд для омовения козням рук и ног.

Народ потребовал от Моше отчета за каждую ворсинку, что сдали на Храм.

ḎĀCĀĀĀ × ÈÈÈ

«È ā āi ðēē Ā-ā ĩāðūāyñīē Ĩ ĩōā

Ĩ ĩōēē ĩò ñāy ēpāāē,

÷òĩāū āūñ ĩòðāēē

ĩīē ñòðāī óĒīāāī, ēĩòĩòp B āāp

ñīīāī Èpāāēy, ĩī ĩāī ĩī óĩò... ēĩēāī ā».

(Āāī èāāāð, 13:1,2)

В пустыне евреи жили вольготно: хлеб – «манна небесная» вкуса мяса, рыбы, сыра – сама на голову падает. В пятницу вообще двойная порция. Правда, падает не для всех одинаково. Праведнику – готовая и у порога, «среднему» – полуфабрикат и в пределах стана, а «злодею» – за «кудыкиной горой» в виде твердых зерен.

Одежда на теле вырастает, не пачкается и не рвется.

Колодец Мирьям с чистой родниковой водой, как собачонка, за станом бегают.

Облака Славы от зноя закрывают и дорогу ровняют.

Где разобьют лагерь, сразу место становится оазисом. Красота!

Никаких тебе хлопот, никаких забот – только учи Тору и в ус не дуй.

Надо притормозить с походом в неизвестную землю. А то еще воевать придется. Кто же это пустит жить в свои пределы просто так? Что-то надо придумать.

Может, послать разведчиков, да таких, чтобы они ту землю, «текущую молоком и медом», оговорили? И чтобы люди не пошли за Моше? И вообще – кто он есть? Что себе позволяет?

К шатру Моше подкатила толпа и стала вопить:

– Надо высмотреть землю, куда идем!

Моше запросил высшую инстанцию:

– Что делать?

– Тебе надо? Посылай!

Каждое колено выделило по представителю.

А колена Леви никогда не служило идолам, в создании золотого тельца не участвовало, шабос не нарушало и разведчиков от себя не послало. Всё равно никакого надела в Святой земле им не было положено.

ЕІА

Иов, сын Эсава, был женат на дочери Яакова Дине. «Премьер-министр» Египта, Иосиф, взял его в штат к фараону.

Фараон созвал совет, на котором решался вопрос: что делать с евреями?

Там присутствовали Билам, Итро и Иов.

Итро:

– Отпустить.

Билам:

– Не отпускать! Ни в коем случае.

Иов – тихоня – промолчал. За что и поплатился в будущем.

Итро и Иову пришлось бежать из Египта.

Умер Иов в Кнаане – как раз тогда, когда туда пришли разведчики Моисея. И все жители этой земли были заняты похоронами великого праведника. И было им не до чужаков. Так сделал Ашем.

Двенадцать разведчиков бродило по Кнаану.

Десять (община злодеев) – те самые, что из лучших побуждений решили уговорить народ остаться в пустыне, а двое – праведники: Иеошуа и Калев.

Без правды ложь не устоит. Срезали злодеи гигантскую гроздь винограда. Повесили на шесты и понесли вдсятером. А еще – громадный инжир и гранат неслыханных размеров. Калев и Иеошуа не взяли ничего.

Сорок дней находились разведчики в Кнаане. Видели анаким – великанов, города-крепости. Но всё время головы их сверлила мысль: как повернуть рассказ, чтоб люди испугались.

Когда вернулись в стан, влезли на повозку. Показали фрукты-мутанты.

Про великанов не забыли.

Иеошуа рта раскрыть не дали.

Калева тоже очень быстро с телеги столкнули.

Народ взвыл:

– Ой! Нам, несчастным, лучше умереть в пустыне!

«Мера – за меру»: за каждый день разведки – сорок лет изгнания в пустыне.

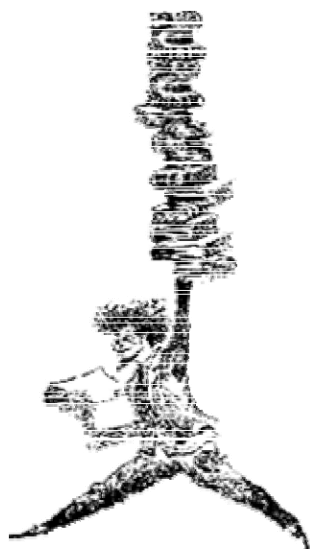
За поклеп на Святую землю злодейская десятка получила особое наказание: языки у них превратились в гигантских змей и сожрали своих хозяев.

Но и это еще не всё!

За то, что наши предки 9 ава поверили злодеям и плакали без повода, у нас – их потомков – теперь всегда есть ужасная причина плакать в этот день.

יְיָ אֱלֹהֵינוּ יְיָ אֱלֹהֵינוּ

КНИГОНОША

Новая рубрика «Книгоноша» мыслится как журнал в журнале, посвященный истории и сегодняшнему дню русско-еврейской книги во всех ее видах, русско-еврейской книжно-издательской жизни, новинкам русско-еврейской книги и еврейской библиографии.

Журнал «Еврейский книгоноша» зародился в недрах, быть может, самого крупного на сегодняшний день русско-еврейского издательского дома «Мосты культуры» и выходил с 2002 года. За прошедшее время было выпущено восемь номеров журнала, общим объемом около 1000 полос. «ЕК» не мог не возникнуть сегодня, когда русско-еврейское книгоиздание переживает очевидный подъем, когда русско-еврейская книга стала неотъемлемой частью российского культурного пространства, равно как и культурного пространства русскоязычной диаспоры в ближнем и дальнем зарубежье.

В журнале сложились постоянные рубрики: «Книга. История. Память», в которой мы знакомим читателей с историей еврейской книги и замечательными изданиями; новые книги, которые готовятся в различных издательствах, представляем в разделе «Неразрезанные страницы»; бытование русской литературы на Земле обетованной освещаем в рубрике «Русское слово на Земле Израиля».

В 2004 году произошло событие, ставшее рубежным в истории русско-еврейского книжного дела. На ВВЦ в рамках Московской международной книжной выставки-ярмарки прошел первый Фестиваль еврейской книги. Во время фестиваля мы убедились, что читателей серьезной еврейской книги больше, чем можно было подумать. Отзывы читателей как на этом фестивале, так и на многочисленных ярмарках, в которых принимало участие издательство «Мосты культуры», показали, что журнал начал перерастать рамки внутрииздательского проекта.

На страницах «ЕК» печатались замечательные ученые и писатели, критики, журналисты из России, Израиля, США и других стран.

В течение года читатели «Лехаима» получают объем материалов, составлявших три отдельных номера «ЕК». Мы надеемся, что все заинтересованные авторы и издатели еврейской литературы продолжат добрые традиции сотрудничества с «ЕК» – теперь уже журналом в журнале.

В заключение на новых страницах мы повторяем тот же призыв к читателям русско-еврейской книги, который открывал все номера «ЕК»: «Книгоноша. Мойхер-Сфорим, лоточник, разносящий по городам и местечкам, деревням и отдаленным фермам не мелочный товар, но книги для ученых и невежд, раввинов и извозчиков, на любой вкус, на всех языках, на которых говорят и читают евреи. Он не просто продавец, но настоящий книжник, блистательный рассказчик и прирожденный учитель; без его советов не могут обойтись ни читатели, ни авторы, ни печатники. На предлагаемый им товар находится спрос, ведь «народ книги» – не просто затертый стереотип: именно в мире книг живут евреи всех стран и во все времена; без книг и книжности еврейское бытие немислимо вовсе. Русское еврейство возродилось из пепла

буквально на наших глазах, и первое тому свидетельство – множество еврейских книг на русском языке, выходящих в свет по всему миру. Некоторые из них доходят до своего читателя, другие – незаслуженно остаются в тени.

Нужен книгоноша. Теперь он – на страницах «Лехаима»».

Γὰρ ἰαδὸ ἰαδ

Ἄσπιδει / Ἐὰσπιδεῖ

Ἰ ἰπὸ ἡ ἐσέυὸ ὄδῳ / Ἰ ἰπὸ ἡ

ОЧЕРК ЕВРЕЙСКОЙ БИБЛИОГРАФИИ

יְהוֹרְדֵן - יְהוֹרְדֵן אֶת הַיַּרְדֵּן

ΕΝΘΙ ΔΕΒ Ε ΙΑΥΕΑ Ι Ι ΒΟΕΒ

Значение слова «библиография» (по-гречески «библио» – «книга», «графия» – «запись») – запись или описание книг. Библиография – вспомогательная наука, в древности она включала лишь составление списков книг с минимальными сведениями о них: именем автора, названием книги, указанием места и даты издания, числа листов или страниц, размеров листа и с некоторыми другими данными. Отцом науки библиографии считается швейцарский фармацевт и естествоиспытатель Конрад Геснер. В трех томах его труда под названием «Bibliotheca Universalis», вышедшего в 1545–1555 годах, перечислены все книги, известные в то время на латинском, греческом языках, а также на древнееврейском. Позже предметом библиографии стало также аналитическое описание книг; специалисты-библиографы стали собирать и каталогизировать дополнительную информацию, такую, как сведения об издании журналов, а также темы книг или область знания, к которой они относятся, например, музыка, искусство, театр, философия, медицина, техника и т. п. Появилась область библиографии, описывающая все публикации того или иного автора, его статьи в различных журналах, критические отзывы о его работах, а также прочие данные об авторе.

Цель, которую ставит перед собой библиография, – предоставить ученым и исследователям необходимый материал, документацию, нужную для исследований, учебы или работы. Даже самый гениальный ученый не может знать все источники, содержащие необходимые ему сведения, факты, статистические данные и прочее. Поэтому библиография в мире науки становится важным и даже необходимым вспомогательным инструментом. Библиографические списки – это не только сводная информация об источниках и исследованиях, но и ключ к тем сокровищам, которые хочет найти каждый ученый, в какой бы области он ни работал. Сегодня библиография представляет собой один из базовых инструментов любых исследований. Не случайно состояние и уровень исследований в научном институте, университете или учебном центре измеряется развитием там библиографических источников. Сегодня в любой стране, в любом академическом учреждении существуют свои библиографические центры, кафедры библиографии, выходят в свет библиографические журналы.

יְהוֹרְדֵן אֶת הַיַּרְדֵּן אֶת הַיַּרְדֵּן אֶת הַיַּרְדֵּן אֶת הַיַּרְדֵּן

Сколь бы важное место ни занимала библиография в мировой науке, еще большее значение она имеет для науки еврейской. Общая библиография всегда имеет четко очерченные границы – как географические, так и языковые. У нас всё иначе. Материал для библиографических исследований у евреев находится везде, где только существуют еврейские общины, поэтому еврейская библиография многоязычна. Возьмем для примера библиографический каталог по теме «Итальянская музыка». Большая часть приводимых в нем источников написана по-итальянски и в Италии. А в библиографическом списке по теме «Еврейская музыка» помещены источники на десятках языков, опубликованные во всех концах света.

Таким образом, вследствие рассеяния еврейского народа по всему миру его творчество многоязычно. Составление библиографических списков по еврейской тематике – сложная работа. Но именно из-за этого еврейская библиография обладает особой важностью и каждая публикация по-своему значительна.

Еще один момент. Почти в каждом государстве существуют библиографические центры, где подробно и тщательно регистрируются все публикации всех издательств этой страны. Нет ни одного развитого государства, где библиографический центр не занимал бы одно из важнейших мест в местной культуре наряду с академическими и научными учреждениями. Это гарантировано рядом законов и правил, такими, как закон об обязательном предоставлении копии, в соответствии с которым каждое издательство обязано предоставлять копии всех своих публикаций подобному центру. В некоторых странах дело поставлено настолько хорошо, что на каждом выходящем в свет издании уже значится его регистрационный код в библиографическом центре.

Всего этого нет у нас, народа Книги. Вплоть до последнего времени никто не проявлял специального интереса к новым публикациям, равно как и к созданию библиографических центров. Правда, небольшие центры существовали, но их деятельность была ограничена определенной территорией. Этой модели отчасти следовала и библиографическая наука, а точнее, изучение и исследование истории еврейской книги и еврейского книгопечатания. Обычно издательства ориентируются на определенный географический ареал, помимо исключительных случаев, когда некоторая группа людей публикует книги или периодические издания за пределами своих этнических границ. Это происходит с группами, которые преследуются властями или не могут публиковать свои издания по иным причинам, подобно эмигрантам из России и Польши при царе, беженцам из нацистской Германии и Австрии или эмигрантам из Советского Союза. Территориальные границы еврейского книгопечатания – весь мир. Приведем несколько примеров. Первое издание Вавилонского Талмуда вышло в свет в издательстве «Сончино» в Италии в 1488 году. С тех пор появились сотни изданий Талмуда в сотнях городов по всему миру. Только до XVII века Талмуд печатался более чем в 15 городах: Сончино (Италия), Толедо (Испания), Пара (Португалия), Салоники (Греция), Венеция (Италия), Савьонетта (Италия), Люблин (Польша), Константинополь (Турция), Базель (Швейцария), Краков (Польша), Кури Гишми (деревня около Константинополя), Амстердам (Голландия), Зольцбах (Германия), Франкфурт-на-Одере (Германия), Халле (Германия)^[1]. За прошедшие с тех пор три столетия Вавилонский Талмуд был издан еще более чем в 100 различных городах. Еще один пример, который относится к той же категории: к первому трактату Вавилонского Талмуда, трактату Брохойс, было издано более 300 томов комментариев, которые вышли примерно в 50 различных городах^[2]. Третий пример: сочинения И.-Л. Переца выходили более чем в 150 различных местах. Речь идет лишь об изданиях на еврейских языках: иврите, идише, ладино. Что же говорить о прочих языках?.. Из-за такого распространения еврейских издательств еврейская библиография – как библиографические списки, так и история еврейской книги и еврейского книгопечатания – это важнейший и необходимейший источник по истории и культуре еврейского народа. От многих периодов и стран рассеяния единственным документом, единственным свидетельством духовной жизни народа остались книги. Поэтому еврейская библиография является фундаментом, на котором строится здание истории еврейского народа в диаспоре.

יְהוָה אֱלֹהֵינוּ יְהוָה אֱלֹהֵינוּ יְהוָה אֱלֹהֵינוּ

Теперь бросим взгляд на то, как выглядит еврейская библиография: сделаем краткий обзор ее истории вплоть до наших дней.

Интересно, что люди, заложившие ее основы, не были евреями. Об этом в шутку можно сказать словами наших мудрецов: «Его работа делается другими». Правда, в этом случае трудно сказать, что произошло это по нашим заслугам. Было бы гораздо лучше, если бы такую работу мы выполняли сами. Почему же так случилось? Причины связаны с исторической судьбой еврейского народа. Евреи всегда подвергались преследованиям, и в таких условиях им было трудно овладеть инструментами, необходимыми для столь сложной работы. Мы уже упоминали швейцарского библиографа Конрада Геснера, по заслугам названного «отцом библиографии». В его трехтомный труд «Библиотека университета» включены и известные к тому времени книги на иврите.

Ученым, который считается отцом-основателем еврейской библиографии, стал Иоганн Бурксдорф^[3]. Он родился в городе Камен (область Вестфалия в Германии) 25 декабря 1564 года, а умер в Базеле 13 сентября 1629 года. Изучал Библию и древнееврейский язык в университетах Марбурга и Бергерна, а затем продолжил изучение Талмуда, параллельно занимаясь переводом Библии. В 1591-м он возглавил кафедру древнееврейского языка в Базельском университете. Бурксдорф считался одним из самых выдающихся знатоков этой дисциплины в нееврейском мире и для своих занятий собрал большую коллекцию еврейских книг. Им написан ряд важных трудов в этой области, в том числе сочинение, имеющее отношение к нашей теме, – «Bibliotheca rabbinica...» (Basilae, 1613). Библиографический труд Бурксдорфа – это первое пособие по еврейской религиозной литературе, написанное научным языком и по научной системе.

Вторым после Бурксдорфа по времени и значению был итальянский ученый Джулио Бертолуччи, родившийся в городе Чулено в Италии. Он был учеником Джованни Бапטיста (или Батиста)^[4], который обучил его древнееврейскому языку. После завершения изучения семитских языков Бертолуччи стал учиться на священнослужителя. Благодаря знанию древнееврейского, а также обширным познаниям в раввинской литературе он в 1657 году был принят на должность профессора в «Коллегиум неофиторум» в Риме, а затем стал библиотекарем крупнейшего собрания книг в Ватикане. Здесь он работал вместе со своим учителем Баптистой и специализировался на библиографии книг и рукописей на древнееврейском. В 1675

году Бертолуччи начал выпускать свой библиографический труд: список еврейских авторов и их сочинений под латинским названием Bibliotheca Magna Rabbinica. У этой книги было и ивритское название: «Кирьят Сейфер» («Город книги»). Подзаголовок ее таков: «Великое сочинение, в котором собраны все книги евреев, которое собрал и составил мудрец дон Юлиус Бартольди, аббат святого общества цисцерцианцев».

Этот труд выходил в течение почти 20 лет (1675–1693 годы). Он состоит из четырех томов, три из которых изданы самим Бертолуччи, а четвертый выпущен после его смерти учеником Каролом Джузеппе Имбонатти. В эти четыре тома Бертолуччи включил только еврейских авторов, их книги и рукописи. Его ученик Имбонатти добавил к труду своего учителя пятый том, «Bibliotheca Latina Hebraica», который вышел в Риме в 1694 году. В нем описаны нееврейские авторы с указанием названий их трудов.

Эта работа христианского теолога является первой попыткой разностороннего описания плодов еврейского духовного творчества вплоть до того времени. Здесь перечислены все авторы и их сочинения, печатные и рукописные, указано место и год издания каждой книги. Для манускриптов указано, откуда происходит та или иная рукопись. Видное место в этой галерее нееврейских отцов еврейской библиографии занимает итальянский христианский гебраист Джованни Бернардо де Росси (родился в 1742 году в Кастельново, умер в 1831 году в Парме). С 1764 года он занимал пост профессора кафедры восточных языков в Пармском университете, специализировался на изучении Библии и собрал большую библиотеку древнееврейских книг и манускриптов на идише, а также составил ряд библиографических работ по еврейской литературе. Кроме того, им опубликовано 15 работ по истории еврейского книгопечатания. Доктор Макс Вайнрайх в своей книге «Бильдер фон дер идише литератур гешихте» (Вильно, 1928 год) в 6-й главе, которая называется «Ди оцарот фон Парма», подробно рассказывает о де Росси, его трудах и его коллекции.

¹¹ *Da'ayyū-Ī aōāī-Ī aōā, Bāāēīīāē. Ī aāī aō āē aāī aānō ā-Ōāēī ōā (Nō aōūy' īā ēqāī ēē Ōāēī ōā) Eādūāēēī, 1952*

¹² *Ī āāēēēīō, Bāāāī. Ī āāāōāē Ōāēī ōā Āāāēē (Eīī ī āī ōāōīōū Āāāēēīī nēīā Ōāēī ōā) // Eōōīāē «Ā-Nāōāō». 1, 1. Eādūāēēī, 1954 N. 10-17*

¹³ *Ī ā nēāāāō ī ōāōū āā nāūā āāū y ēī ōāēēāēō ōāēāī ē, īīnēāōēī ē ōī āā ēī y: āā nūīīī, ēqāānōīūī ēāē Eīāīī Āōēnāīōō-ī ēāāōēē, ēēē Āōīōtē, ōīāēāōēī n'y ā Āāqāēā ā 1599 āāō, ē āā ī ēāī yīī ēēīī, ēīōīōīā ī āqūāāpō Eīāīī Āōēnāīōō Ōōāōēē.*

¹⁴ *Āāī ōēnōā Āāēīāāī īē Āāēīīā Āāēēēā āī ēōāūāī ēy īīnēē āāāēēīā ēī y' Eāōāā-Eīī ā āāī Eōōtē. Ī ī ōīāēēīy ā Ōōāōā ā 1671 āāō Īīnēā nō dāī nō āēy īī āīōīāī Eōāēēē ē Īīēūōē īīēō:ēē āīēāēīīnōū āāyī ā (nūāūē) ā āīōīāā Āāī āōōā (Āāōī āī ēy). Ā 1695 āāō ā Āāōōāāī īōēī yē ōēnōēāī nōāī, īīnēā -āā ōāāē ēq Īīēūōē ē ā ōīī āā āāō īīnēēēēīy ā Eōāēēē, āāī ōīāēēē āī nūī īē nī āōē. Ōāī īī nōāē īōīōāīīōīī āāāī āāāāēēīā yqūēā ā Ī ēqāī nēīī ōī ēāāōēōāōā, ā n 1652 āāā īāāāāāē ā Dēī ē nōāē āēāēēīōāēāāūī ā Āāōēēāī nēīē āēāēēīōāēā Eīī īāīēnūī ōyā dāāīō, ā ōīī -ēnēā īāāāīā Āāāī āāēēy īā ēāāēō, ēīōīōtē īī īīnēyōēē īāīā Eēēī āīōō IX.*

«КРАТКАЯ ЕВРЕЙСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ»: ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ТОМ

*А דאָס פּראָיעקט פֿאַר אַ קורצע ייִדישע ענציקלעדיע וואָס זאל זיין אין דער שפּאַן פֿון 11-
ווייניגער און מערערע זייטן, איז דער פֿאַרשטאנד פֿון דער זאַל פֿון דער ענציקלעדיע זיין. פֿאַר אַ
עלף יאָרן איז דער פֿאַרשטאנד אַ ענציקלעדיע פֿון דער זאַל פֿון דער ענציקלעדיע 30 יאָר.*

На форзаце энциклопедии ее логотип гордо соседствует теперь с логотипами главных еврейских энциклопедий на основных языках мира и еврейства.

«Краткая еврейская энциклопедия» явилась наследницей знаменитой «Еврейской энциклопедии» Брокгауза–Ефрона, выходившей в России с 1908 по 1913 год. Нетрудно увидеть: продлись издание еще хотя бы пару-тройку лет, и его постигла бы судьба так называемого «Нового энциклопедического словаря» того же издательства, который прервался на 27-м томе «Ньюфаундленд до Отто», а на последних его томах красовались бы знаки военной цензуры. Понятно, что общие трудности еврейской и русско-еврейской печати времен первой мировой войны вряд ли обещали бы успех и, главное, завершение издания.

«Еврейской энциклопедии» Брокгауза–Ефрона суждено было стать основным источником знаний о еврействе на русском языке чуть ли не на целый XX век. Ведь первый том «Краткой еврейской энциклопедии» появился спустя 67 лет после начала выпуска первой русской еврейской энциклопедии. Хотели того ее авторы, издатели и идеологи или нет, но та энциклопедия подвела историческую черту под попытками российского еврейства самостоятельно осмыслить свою историю на языке самой большой тогда еврейской общины в мире.

Сегодня полезно вспомнить, что в 1906–1908 годах идея еврейской энциклопедии на русском языке не находила активной поддержки. Сведения об этом содержатся в последнем томе энциклопедии, в статье «Энциклопедия». Ее интонацию радостной не назовешь: «Дело было начато при неблагоприятных внешних условиях. Передовые круги еврейской интеллигенции, увлеченные происходившим в России общественным движением, посвящая свое внимание главным образом вопросу о равноправии еврейского народа, проявляли индифферентное отношение к культурным задачам энциклопедии. Кроме того, предшествовавшие неудачные попытки издать энциклопедию вызывали сомнение, будет ли настоящее издание доведено до конца. Но всё же постепенно общественный интерес к настоящему изданию стал нарастать. Еврейская печать в общем относилась к изданию неблагоприятно; напротив того, общерусская пресса с удовлетворением констатировала выход новых книг. Не учитывая тех тяжелых условий, в которых пришлось работать редакции, не находившей необходимого числа подготовленных сотрудников, еврейская печать порою даже грубо высмеивала саму идею о еврейской энциклопедии, в частности на русском языке, подчеркивала отдельные дефекты, не останавливаясь на общей цели издания. Со своей стороны, редакция “Еврейской энциклопедии”, вполне сознавая слабые стороны издания, считала, что и при изъянах, неизбежных во всяком громадном коллективном труде, “Еврейская энциклопедия” выполняет культурную задачу».

Далее авторы статьи, констатируя постепенное изменение отношения к энциклопедии, лишенной партийной окраски, писали: «Пусть “Еврейская энциклопедия”, проникнутая единым желанием – способствовать развитию самосознания евреев в России, послужит памятником коллективного труда, посвященного духовным потребностям еврейского народа».

Тот факт, что энциклопедия эту задачу выполнила, не вызывает сомнений. Более того, в итоге «Еврейская энциклопедия» Брокгауза–Ефрона стала важнейшим хранилищем знаний о еврействе, оказавшим свое влияние и на русско-еврейскую литературу, и на творчество уже советских евреев, лишенных прямого доступа к информации о еврействе на еврейских языках. Нетрудно понять проблемы старой «Энциклопедии» в условиях массовой эмиграции российских евреев, в ситуации возрождения языка иврит и одновременно существования языка идиш в качестве основного языка российского еврейства.

И всё же никто не мог предположить, что две мировые войны, завершившиеся Катастрофой европейского еврейства, приведут к созданию государства Израиль, с одной стороны, и к уходу в сферу

русского языка подавляющего большинства российских евреев – с другой. Никому не было дано предугадать, что уже в 1990-х дореволюционная «Еврейская энциклопедия» будет издана репринтом в посткоммунистической Москве. Причем произойдет это тогда, когда уже почти 15 лет в Израиле будет выходить русскоязычная «Краткая еврейская энциклопедия» (КЕЭ).

По замыслу организаторов израильского проекта, энциклопедия, названная «краткой» и рассчитанная на шесть томов среднего объема, должна была стать несколько исправленной и дополненной специально для русского еврейского читателя, прибывающего в Израиль, сведениями и статьями из обширной англоязычной *Encyclopedia Judaica*. Надо отметить, что и дореволюционные российские предшественники первоначально пытались «издать “Еврейскую энциклопедию” на русском языке, используя в известной степени материал из *Jewish Encyclopedia*, с тем чтобы по возможности полнее была представлена жизнь евреев Польши и России». В отличие от российских предшественников, израильские энциклопедисты не должны были ориентироваться на русскую духовную цензуру, поэтому статьи о христианстве оказались свободны от многочисленных неизбежных оговорок. Кроме того, появление государства Израиль, открытия в Кумране, новая волна Большой алии и т. п. не могли не сказаться на структуре статей и составе новой русскоязычной энциклопедии. Однако судьба вновь сыграла в свою игру, и первые семь томов «Краткой еврейской энциклопедии» были репринтированы в Москве в 1996 году. До этого первые четыре, а затем и 5-й том издания доставлялись в Москву из Израиля и продавались через еврейские организации. Так встретились в Москве две русскоязычные еврейские энциклопедии.

Авторы статьи «Энциклопедия» в «Краткой еврейской энциклопедии» отмечают: их предшественники сумели удержаться между позициями сионистов и автономистов, то есть тех, кто ратовал за выезд евреев в Палестину, и тех, кто хотел развивать еврейскую культурную автономию в России и Царстве Польском. Понятно, у авторов «Краткой еврейской энциклопедии» задачи были совсем другие. Проследим, как они изменялись на протяжении тех 30 лет, пока создавалась новая энциклопедия.

В 1-м томе, кстати украшенном еще стилизованным английским форзацем, читаем: «Издание любой энциклопедии неминуемо сопряжено с трудностями. Однако трудности на пути к созданию КЕЭ были особенно велики, принимая во внимание оторванность русского еврейства от мировой еврейской цивилизации.

Одной из проблем, казавшейся почти неразрешимой, было привлечение квалифицированных кадров, которые сочетали бы знания в области иудаистики и редакторский опыт в издании литературы на русском языке». И чуть ниже: «Сознание важности предпринятого дела в распространении знаний о еврейской истории и культуре в среде читателей, которым комплекс этих знаний был до сих пор почти недоступен, чувство ответственности за предприятие, которое едва ли будет повторено в последние десятилетия, – всё это создало в работе коллектива КЕЭ атмосферу пионерско-халуцианского начинания, каковым и является, по нашему мнению, КЕЭ».

Откровенное использование сионистской терминологии дает читателю ясно понять, что КЕЭ в первый период своего существования, совпавший с началом алии из СССР, рассчитывалась на прибывшего в Израиль читателя-неофита. Тогда-то и было объявлено о шеститомном объеме КЕЭ.

После ряда перипетий, связанных со сменой издателя и т. п., с одной стороны, и резкого увеличения количества евреев из бывшего СССР, которые стали принимать участие в работе, КЕЭ всё более стала из «краткой» превращаться в «полную» Еврейскую энциклопедию. Постепенно стало расти и количество статей, написанных специалистами из России и стран бывшего СССР.

В предисловии к 9-му тому можно прочесть: «Расширение объема энциклопедии диктовалось также важными историческими переменами за время, прошедшее с момента выхода в свет первых томов КЕЭ.

Прежде всего, крушение коммунизма и установление демократического строя в странах бывшего Советского Союза привели к тому, что информация КЕЭ стала доступна любому русскоязычному читателю. В то же время в странах СНГ открылся доступ к ранее закрытым архивным и музейным материалам, которые содержали обширную информацию о евреях. КЕЭ в целом ряде случаев использовала эту возможность, и, таким образом, в ее статьи оказались включенными ранее нигде не публиковавшиеся сведения».

Так энциклопедия, которая первоначально предложила даже читателям пользоваться списками литературы к аналогичным статьям других иноязычных еврейских энциклопедий, стала изданием, содержащим первичную научную информацию.

Напомним: дореволюционная энциклопедия давала списки литературы к статьям изначально.

Ситуация сложилась так, что многие из тех, кто принимал участие в работе над КЕЭ, с самого начала получили, благодаря Всевышнему, возможность увидеть плоды своих трудов. Интересно, что благодарность за это была помещена уже в 9-м томе, хотя до завершения работы оставалось еще два тома и пять лет работы. В этот период в жизни КЕЭ произошли радикальные изменения.

Создатели КЕЭ обещали своим читателям еще два вида текстов, которые могли бы превратить энциклопедию в полностью законченное издание. Это, во-первых, предметно-именной указатель и, во-вторых, дополнительный том, куда должны были войти новые материалы и статьи на не представленные до сих пор в томах темы. 11-й том 2005 года оказался полностью занят грандиозным алфавитно-предметным указателем и списком основных статей, а собственно публикация статей завершилась в 2003 году изданием Дополнения 3.

Казалось бы, работа полностью завершена. Однако недаром составители энциклопедии в одном из предисловий к томам привели шутку кого-то из читателей, что КЕЭ вполне может быть расшифрована как «Крупная еврейская энциклопедия». Похоже, это и произошло в самое последнее время, когда многотомная КЕЭ стала превращаться в онлайн-еврейскую энциклопедию, логотипом которой стали три слова: EL (электронная) EV (еврейская) EN (энциклопедия).

Ее адрес в Интернете стоит теперь на странице предисловия к последнему тому: <http://www.eleven.co.il>, а на рекламном буклете новой энциклопедии в одном из окошек можно прочесть: «Новости сайта»: Иудаизм. Добавлено 87 новых статей по теме.

В 10-м томе составители констатировали, что история создания КЕЭ сама стала частью истории еврейского народа. В этом уже нет никаких сомнений. Однако нет сомнений и в том, что история эта продолжается. Пусть и в новом техническом варианте, соответствующем нашему времени, дней, когда проблема культурного самоопределения и самосознания еврейского народа стоит не менее остро, а отражение ее не менее интересно, чем в год столетия начала работы над проектом «Еврейской энциклопедии» Брокгауза–Ефрона, в год 60-летия окончания второй мировой войны или в год завершения работы над «Краткой еврейской энциклопедией».

А. Е.

Русское слово о Земле Израиля

Di à ài òèi ài÷èé

В многоязычной летописи израильской истории, составленной совокупными усилиями ее участников и сторонних наблюдателей, друзей, врагов и выжидающих очевидцев, есть и страницы, написанные по-русски. Сведённые этих разрозненных свидетельств в единый корпус представляет на сегодняшний день научную проблему, предполагающую неординарные поисковые усилия, особенно когда речь идет о первой половине прошлого века. Ибо такого основного в подобных случаях источника материала, как местная русскоязычная пресса, здесь не существовало. Зафиксированные в русском слове картины жизни еврейской Палестины предстоит разыскивать в бескрайнем море русской печати, рассеянной по всему свету. Извлекать их придется из сочинений разных жанров – стихов и романов, очерков и писем, будучи заранее готовым к тому, что и степени литературного качества искомым свидетельствам не преминут дивить своим разнообразием. При этом собственно историю земли придется вычленять, снимая напластования жанровых установок. Без филологии здесь не обойтись. Филологический подход предполагает обусловленность складывающегося в русской литературе в XX веке «нового палестинского текста» подхваченными им традициями «литературного письма». Этот подход предполагает прежде всего установление в интересующих нас «краеведчески» текстах предопределенности их состава комбинацией различных жанровых ориентаций, каждая из которых приводит свою речевую установку. Скажем, прозаические тексты начала XX века о Палестине сочетают идущие от европейского романтизма «ориенталистские топосы», стилистику «максим-горьковского» рассказа о гордых босяках, социального романа в диапазоне от Золя до Келлермана. Эти (и другие) традиции определяют не только облик беллетристики, но и документальной, очерковой прозы – наиболее массивного разряда существующих текстов для этого периода.

В конечном счете, повествование обуславливается факторами лингвистическими. Чтобы взять предельный случай такой зависимости, скажем, например, что развитие лирической темы в русских стихах о Иерусалиме во многом обусловлено тем, что это ключевое слово легче всего рифмуется со страдательным причастием (палим, гоним, незрим, хлеб не солим и т. д.).

Без обращения к русским литературным традициям XIX века не понять, какой амальгамой стилевых сгустков (от «Тараса Бульбы» до «Казачков») сотворена одна из первых новых «Палестин», представшая российскому читателю в рассказах Лазаря Кармена (Корнмана), одесского бытописателя, друга Жаботинского, побывавшего в Палестине после первой русской революции. В его рассказе «Ибрагим Михель» главный герой сначала увиден глазами туземца, араба Муамеда, представленного читателю:

Èi òiàñòà ài ò iàà ïéèàéià. Ýòì èé èi òiàñòàì - ài èéàý àààéý, ààéiñòààíiàý ài iýò ààéàý òièùíààý òiààòà, èòàðéé (àèéiýíúé èúàòéi), iààòò (òìèñòàý àúéièà), òòàðúé òàì iààéùíúé òààéùàà, òòàèýðùéé ià iýòùòàà, òòàéà è èéààà, ià èiòìðé, èñòàòé, iàèàòàòòùíi àièùòé i àñòàð?

Íàò óiàà è àáú. Àà ài iééiàà óiàà ià àúéi. Íà àñà òúéàíi èi àòù àáí ó. Àáí à ààù òàéàý òièéiòù çà òàì óþ iéiòþ iíàààé 10-15 iàíièáíià. À àáíi ó òàéàòò àà àñòàòòù òàéóþ òòì i ó? Òàé è iñòàéiý ià àñþ àéçíúí òàì àà iàéi iééi.

Áià:àéà íi ààòðà:èé, òàáíòàé ià àiýðàò (àìàéùñéíiúò òàààò) ó àiàòòùò ýòòáíàé, èiíàé ýì ù àéý «iðáíàé», iíééààé èò, òàñé èàì ié, àúé i óéàòì (iíàíiúééi iñéià), àiáíiñi è, èiàà àiòáé á èàòà, òàèàéiý iééòàúòíúì.

Íéiòì iðèòéiñi àú ài ó àñé àú ià «ýòé» iðèòàéùù, ÷òì iíñéèééñi à òðàò ÷àñàò iò Áiàé-Àðàéà - ààòáí è èò - è èòéèé èòñé çàì èé ó òúéòáíà. Íà ààòáíà òièéóþò, ÷òì íiè - ýààù, ýààù-i iñéiàé (òùñééà ààòáé) è iàì àááíú iíñéèòùý çàñi iààñà. Òièéóþò àúà ÷òì íiè ýàéééñi òòàéóþ iò iàòàòù á àáòòáí òòàí ó óàééàòíà, òòàí ó, iàéiàà iðéiààéààéóþ èò iðáíòòáì, è ýòì àiçíààò òàçáðàéàí èà è òiíò ài àñé iéðáí.

Íi èàéià ài ó. Í òàì àáú, ài àñà ýòíà ààéi? Íi «èi è» àiàéáí, i-áí ú àiàéáí.

Íí è ì ðéáíáèè áá, ìíðò:èèè àì óíñáé ñéíò.

Ñéíòà ó íéò íáì ííá - áéáíí, áááí ú ííè í:áí ú - ìγòύ:σάíòύ èíðíá, ñòíéúéí æá èí:σάááé, ááá ì óéá, íáéí ááðéþá, áþáéíá íááò è òðè èíçí.

Èáæáúé ááí ú :òò ú ñáò, èíáá èáæèò áúá ì íáþáó æèðí áγ ðíñá è Èóááéíééá áðú ñéáéí ìíòγ:ááþòíγ ìíá íááγéíí èç áéááíáþúéò ìí:íúò òáíáé, ìí óðíáèò ñ ñéíòíí á ñòáí ú, è ðáéá, è Íáæá, è è áá:áðò áíéò èò íáçáá. Õðúá íá Á-á ááíòύ èáéíé. È çá γòíò òðúá ìí ìíéò:ááò íáííéáíí á áá-òòòéá, óáéúé íáííéáíí! - ì óéò íá óéáá è íáíúáé, óíí áðíá è èóéá

Í áéí òíá, àì óááèè ìíáíáíéá. Í íáíáíéó 12 èáò è çíáò áá Ááðáì ìí.

Íí óóíòðúé, ñ áéúé è ñ úééáí úé ì áéú:èσéá, ñúí íáííá ì ðéσáéúá - Í èóáéγ Õáí èðí, è Í óáì áá í:áí ú áííéáí èí. Íí èþáèò áá è ááéúáò, èáé ðíáííá.

В финале рассказа представлена метаморфоза Абрама Шапиро:

«Í áòáò-ðééá» ñé:áí - ñáí áγ áíéúσáγ, ì úóíáγ, ì ííáéþáíáγ èíéííéγ.

Èðáíéáúá, áééííúá óéèòú, ááóγòáæíúá è òðááγòáæíúá áíí èèè, è áíγ ìíá èáé áú óòííóéá á áíγðáò

Ááíííé, èíáá áíγðú óáòòò è íáèèááþòíγ áíáéúíéíú, ìò íéò íá ááíòóíéúáò áðíí àòú.

«Í áòáò-ðééá» áðáèòíγ ñáíéí è áíγðáì è. Íí áíéúσá - Èáðááì ìí Í èóáéí.

- Áæáá! - ìòçíááþòíγ ì íáì áðááú.

Çáæáíáγ ñéááá ó Èáðááì á Áíγ Áááçíéáγ íáéáíòúáðáì èò ì íáì.

Áðáì èò ìí è á çáéíðáíúá, è á Ááéééáá, è Èóáá Áá çíáò á Òóóá, Èáðááééí á, Ðáì èá Èéáá, Õááðííá, Ñóáì á Ááéðòá, ááæá á Ááì áíéá

Áíðáúé áááéí ì ðé áíòðá:á ñíéí ìí:òéòáéúíí ñééííγáò èííúá è ñáíðá:éááò á ñòíðííó, á áðááíééá ááòèσéé óáéòþò áì ó ðéè.

Èáðááì Í èóáéí áíéúσá áðáá, :áì ááðáé. Íí ááíðèò ááéééíéáííí ìí-áðááíéè, ááéééíéáííí áçáèò ááðòíí, ì áòéí ñòðáéγáò èç ðáíéúáðú è áéíòíáéè, áíáèò áððáéó ñ óáéóáì è è ìíéúçúòíγ áíéúσéí ìí:áòíí ñðáé óáééáðíá è áááéííá. Èíáá á ñííáíáé áðááíéíé ááðááóéá ñááúúá, ðáì áçáí, íáðáçáíéá, èèè èííá òíðáéáíòáí, ì ðéááòáþò Èáðááì Í èóáéγ èáé ìí:áòííá áíòγ.

Í áááíí ááæá ðááè íáá ìòéíáéèè ìá áðúáé ááí ú ñááúúá, óáé èáé ìíá ñáíáéá èáé ðáç ñ «áááγòíá ááá».

- Í ðíñòèòá! Ñáááíγ óì áíγ ìíñò! Í áì íáí!

Í áðááéí ì íáéíí áéááòúé ó íáá èáéíá-íéóáúí ðáíò áðáéíá óáéóá á çáéáíé :áéí á, ñííííí èèè γòóáíáé, áéγ èíòíðúò ìí çáéáéúááò èó:σáá ááðáíá, ñáíòááííðò:íí ááðèò èíòá è ðáçáááò óáéúéè íáðééá

È Èáðááì ó Í èóáéþ óíáγò ìá òíéúéí á áíñè, óáé, ìðáçáíí, ìí è çá ñááòíí. Èííáá ìðáíí:èòáþò áá óáéóá

Á áíí á ó íáá, ìá ñòáíá á áíñèííé, áéíγò ñòáðéííúá áðááíééá ðúéúγ, ìóáíáíá γòááí ú, ðáíéúáðú è èéíáéú ñíðáááðγííé íáíá:éíé, - ìíááðéè ðáçíúò óáéóíá, è ìíéíúé, ñéááèá ìíííóáííúé áááéííéèè ìáðγá, á á èííþéíá ñòíéò ìðáííòáíáγ :áðíáγ èíáúéá

Á ðáññéíí ïíááíðúá á Èáðññáçéí á íéíéí ðáññéíáí ñáíðá, í èðíí áíáçéááðò ñáíé ááé ðáññééá áíáíí íééé. Èõ íéíéí ñòíé. Áíááá ááçááóó èðñé, ÷òíáí ïðíéòé íéíí, ááçááóó ÿòé ïíéíéíúá ááçééíðáññééá é óéðáçéíñééá ééòá, ñéó:áçíí ïíñéóááóó áíáíðé ñéáÿúéò íá çáááçéíéá á íéáðí:éáð áíáíí íéíé. Áíá:áðéáíéá ðáçéíá ÷òí íáðñáçéóñÿ á ñáí íé áéóçé ðññéé. Ííáíáíðéòó ñ íéíé - íáññéáçéáíéá ðáí ú ó íéð áíááá áíéíðñéá ðí áááðñò, ÷òí áíò ñéíðí á Íáçáíðéíó ïðéááð «ááðñéíééé óáðí». ðí áçéííúá ðáññéáçéáíéÿ í ïíééðééá Í í áíéúóá áíáá - í ðññéé, í áíí á ðíçéíðáá Í ííáéá èç íéð áçéáð á Íáçáíðéíá íá íáçéí ááñÿòíé éáð, íí ÿçúéíá íá çíáðò. Èí áíáí íáðáíáðòñÿ ðíéúéí íí-ðáññéé ééé íí-óéðáçéíñéé é ñ ðáçéíé áááðáí ííñòíð á ðíí, ÷òí èð íá ïííÿóóú íá í íáðò, - ÷òí, ááçéíðáçéóáçéúíí, èð ïííéí áðò áíá - é áðááí, é áíáçé:áí á

Ñáç:áíí íáíáí ïðéòíéá íáçéíí íéçéíá íáð, é ðáññéíá ííááíðúá ðááð.

Áúñðòí í áíÿáðñÿ íá áçáçáð é áñÿ ñòáðáÿ Í áçáíðéíá, óóíáÿ ñ éáçéáúíí áíáíí áñ ááçéúóá é ááðíááíí íé áé ñáí íñòíÿðáçéúíí íé ñóáúá

Собирание этих поистине драгоценных свидетельств только начинается. Не думается, что их кажущаяся периферийность ничего существенно не меняет в образе русской культуры XX века, полноту которого обязаны восстановить сегодняшние и завтрашние культурологи. То же самое можно повторить, обернувшись к израильской стороне дела.

×anñ íà òáíá íðáæéé ííéááú Èρññí ííáíγεñý. Í ðááðáíáíéá ðááðééíñí ÷áñ íáçáá á γòí éáðá áíòáé í ééíáéáíúé íáðéòáéúúúé ðííòá - ðé÷áñ éç éáðá áíòáéé í áε÷éíá, áíáéúú óðáíòáçíá Óðáíòáçíéá óðòí íáéééí áñ áéñðáρúéí ðáòíí, é íí ííòáé. Í á áεò áéòú Ýéíú é áéúúáðá Ñáí-Í éòáéúú íí ííáíòáé é áéòéíá éáíòáéγòñíé éááéé é áñ íòðáéñý á ðáíá íòðáéáíéá: íí óíòáé áéááòú íá ðáíáí ééòá íáíòíéòááí íá éáí íòááí íáíéíá áúðáéáíéá, éíòíðíá óáé áñ áíñéúáéí, íí ðóáééí íòðáééí ðéí íáòé÷íá óíòýí íá í íéíáíá éé÷ééí, ííéá áúá íááíñòáòí÷íí ðòðáóííá «Í ááí áúáò íòíòñòéòúúáíéé», - ííáòí áé íí.

Теперь всё то же самое, но в слегка переструктурированном виде. Маленькая декомпозиция. Чтобы наглядно показать, как это сделано. Нумерация проставлена для удобства комментирования.

1. Часы на стене пробили полдень.
2. Люсьен поднялся.
3. Превращение совершилось: час назад в это кафе вошел миловидный нерешительный юноша – сейчас из кафе выходил мужчина, вождь французов.
4. Французское утро
5. облило его блистающим светом,
6. и он пошел.
7. На углу улицы Эколь и бульвара Сен-Мишель он подошел к витрине канцелярской лавки и всмотрелся в свое отражение:
8. он хотел увидеть на своем лице непроницаемое лемордановское выражение, которое так его восхищало,
9. но стекло отразило симпатичное упрямое молодое личико, пока еще недостаточно страшное.
10. “Надо будет отпустить усики”, – подумал он».

Всё-таки интересно, для меня самого оказалось неожиданностью, как при таком представлении текст рассыпается. А ведь всё на месте, ничего не изменено. Но я-то хотел обратить ваше внимание, сколь он искусно сделан.

1. Всё начинается с боя часов. Полдень: часы бьют долго. Не просто часы бьют в кафе – это удары судьбы, торжественная манифестация новой эры.
2. Материализация метафоры: с одной стороны, Люсьен встает со стула в кафе, банальное физическое движение; с другой стороны, поднимается во весь свой (потенциально гигантский) рост, поднимается для исполнения осознанной им великой миссии.
3. Традиционный элемент волшебных сказок, мистерий, религиозных обращений: войти в некоторое место одним и выйти совсем другим. Вошел юноша – вышел мужчина, вошел миловидный нерешительный – вышел вождь. Сартр намеренно банализирует «место»: кафе. В Германии была бы пивная.
4. Утро, в которое происходит озарение Люсьена, – весеннее утро (об этом сказано чуть раньше). Весна и утро – символы начала: Люсьен в самом начале пути, перед ним вся жизнь. Сартр как бы забывает, что только что пробило полдень: пора бы уже утру и завершиться. На самом деле это не имеет никакого значения. Кроме того, точки зрения здесь намеренно смещаются: трудно разделить, где кончается самоощущение Люсьена и начинается комментарий Сартра. Определение утра – «французское». Обыкновенному человеку, среднему обывателю, если он не приехал только что из Китая, просто в голову не придет национальная характеристика. А может, не придет, если и из Китая. Но ведь Люсьен не

обыкновенный человек, не средний обыватель: он вождь французов – вот и утро у него французское, у него теперь всё французское.

5. «Блистающий свет» – атрибут инициации.

6. Не просто пошел по улице, а отправился осуществлять миссию вождя французов, осиянный блистающим светом французского утра и неся в своем сердце торжественный бой французских часов. На мой вкус, ему не хватает французской булки в руке. Для полноты образа. Правда, французская булка из эксклюзивного русского ассортимента, застрявшего в моем детстве, – не знаю, сохранился ли продукт, давно не видел, но сейчас так определенно не говорят: французский багет есть – французской булки нет. «Багет» – это звучит благородно, звучит возвышенно, а «булка» – по-питерски, по-мещански.

7. Вступая на великое историческое поприще, естественно, хочется взглянуть в зеркало. Поскольку подходящего зеркала: огромного, в тяжелой золоченой раме, поблизости не нашлось, – Сартр предлагает герою витрину канцелярской лавки. Если обращение произошло в кафе, чем тебе плоха канцелярская лавка! Отражение накладывается на выставленную в витрине канцелярскую дребедень. Сартр не описывает ее – пусть в конце концов поработает сам читатель.

8. У Люсьена есть априорное ви́дение, каким должен быть его образ, образ подлинного французского вождя. «Непроницаемое лемордановское выражение, которое так его восхищало». Лемордан – примитивный жлоб из компании, в которой будущий французский вождь Люсьен проходит свои политические университеты. «Жлоб» – это я говорю, читатель, – Люсьен же видит настоящего мужчину (в России сказали бы: «настоящего мужика»), настоящего патриота.

9. Маскулинности – вот чего Люсьену не хватает. И что с избытком есть в восхитительном Лемордане. «Симпатичное... личико» – Сартр ироничен. «Пока еще недостаточно страшное» – ну да это дело наживное. Правда, над этим придется поработать. Люсьен работать готов.

10. Усики, которые должны исправить несовершенства внешности начинающего вождя, легко прочитываются: это усики Гитлера. Правда, как мы чуть позже увидим, это еще и психоаналитический знак.

Тут мне пришла в голову одна старая песня Гребенщикова, в некоторых важных пунктах похожая на текст Сартра, хотя Гребенщиков, когда ее сочинял, надо полагать, о Сартре не думал.

ÈÍÍÎÊÁÍÒÈÉ ÑÎÇÁÐÕÀÁÒ ÑÁÁÒÈÈÁ

ÈÍÍÎÊÁÍÒÈÉ ÑÎÇÁÐÕÀÁÒ ÑÁÁÒÈÈÁ

ÏÎÇÁÐÕÀÁÒ ÑÁÁÒÈÈÁ

ÁÍÒÈÈÁ ÑÁÁÒÈÈÁ

ÏÎÇÁÐÕÀÁÒ ÑÁÁÒÈÈÁ

ÈÍÍÎÊÁÍÒÈÉ ÑÎÇÁÐÕÀÁÒ ÑÁÁÒÈÈÁ

ÏÎÇÁÐÕÀÁÒ ÑÁÁÒÈÈÁ

ÏÎÇÁÐÕÀÁÒ ÑÁÁÒÈÈÁ

ÈÍÍÎÊÁÍÒÈÉ ÑÎÇÁÐÕÀÁÒ ÑÁÁÒÈÈÁ

ÏÎÇÁÐÕÀÁÒ ÑÁÁÒÈÈÁ

ÈÍÍÎÊÁÍÒÈÉ ÑÎÇÁÐÕÀÁÒ ÑÁÁÒÈÈÁ

ÏÎÇÁÐÕÀÁÒ ÑÁÁÒÈÈÁ

÷:ãñã

Î à èèáá ó í ãã ì áóò è í á

È ò í ã ã ã è á ù ñ ã ã ã - È í í í è á í ò è è á ñ ò á á ò

è ð á ò è ò á è ù ù í ò í ã è ò ì í í è ð ù í ó á

Î í í í ã ì è á ã ð á á ð ñ è á í í á ò

È í í í è á í ò è è á ã í è í í á ñ í í á ù ò è ò

Î í ì ì í ã ð ñ ñ ñ è ð ù í ó è

Î í í í í ÿ è ÷: á ì ñ ò ù ù

Á á á á á á ÷: è á í í á ò ò á í è è è í è á ù á ò

Î í ò á ò á ò ò ó á á á ò ç à í á è í ç ð á ð á ù ù

Á í á á á á ð ÷: á ð í ù è á ð ð í ò ð á í á ù á ò

Еще бы ворону не трепетать: такое зрелище! В гребенщиковской песне тоже воспет момент истины. В отличие от Сартра, Гребенщиков помещает своего героя ближе к звездам. В ознаменование озарения здесь тоже бьют часы: правда, они еще не пробили, они только еще собираются, но мы, читатели, слышим их судьбоносный бой не хуже, чем Люсьен в кафе. И какие часы – кремлевские! Да ведь живи герой Сартра в Москве, у него тоже били бы кремлевские. У Сартра бьют полдень, у Гребенщикова – полночь: на самом деле разницы никакой. Обратите внимание: те же интересные проблемы со временем, что у Сартра: «Вот уж утренний ветер над крышей подул» и «Скоро полночь набьет на кремлевских часах». Ну и конечно, «кто другой бы сидел – Иннокентий встает» – совсем как Люсьен. Оба они поняли, в чем суть, оба они встают, Иннокентий дышит взволнованно, Люсьен исполнен холодной решимости; оба они отправляются на совершение подвигов, но только подвиги Иннокентия носят приватный характер – естественно: он хотя и эпический герой, и вождь, но всё-таки вождь самого себя, а не Франции. Впрочем, чем Люсьену так уж величаться: у нас любая губерния – пять Франций!

Да, но у Сартра дева отсутствует. На самом деле отсутствует только в процитированном фрагменте. Непосредственно перед тем дева предьявляется и занимает подобающее ей место: девственница «с васильковыми глазами», тоже, надо полагать, нежногрудая – не хуже, чем у Иннокентия. То есть как это «надо полагать»?! Нежногрудая несомненно! Прекрасный образ Франции. Она ждет своего господина и повелителя, то бишь вождя Люсьена, она от него без ума: даже не зная, она мечтает о нем, она готова для него на всё и заранее покорна его судьбоносной воле.

Усиками Люсьена, которым надлежит украсить его становящееся на наших глазах непроницаемо-мужественным, бронзовеющее лицо, Сартр завершает свой роман. Возможно, во мне говорит национальный сантимент – поколения предков, читавших справа налево, – но я бы с этих, не выросших пока, усиков как раз и начал, я бы отправился в путешествие по роману (и по жизни Люсьена) в обратном направлении: от усиков к детству.

Да ведь в сущности я так уже и сделал. Вот (представим себе) Люсьен, нагледевшись в досталь в витрину канцелярской лавки и оставшись не вполне удовлетворенным увиденным, спешит на прием к дипломированному специалисту Жан-Полю Сартру. Тот укладывает его на кушетку – необходимый реквизит Венской школы – и сеанс начинается. С усиков. Вот ужо господин психоаналитик разъяснит сейчас пациенту, что означает желание эти вторичные половые признаки обнародовать. Сеанс за сеансом, они проходят всю жизнь пациента и добираются в конце концов до самых нежных младенческих воспоминаний. Которыми всё более-менее и объясняется. Сартр называет свой метод экзистенциальным психоанализом. Вот начало романа с незначительными купюрами.

«В і-адіааоааі а юіі еіпбі -еа аіааі-еа». І ааі І ідоіа іаааа і аі і-еа: «О ааі ідоіідоіаіуеа і ааі-еа. І і і-адіааоааі а юіі еіпбі -еа аіааі-еа». І ааі Аоооаааа, даііаааа еіаіа, і доуііа е іааа Ерпііа іа е іаааа, і іааааааа аа доа е оаіааааа «Аа юі і аа ідоіі аааі-еа. Еаа оаау іаао, аааі-еа <...>» Ерпііа ааіі і іааааааа <...> І і ааа іа аіа іаааі оаааі, -оі і і іа аааі-еа: ааі оаа і ііа оааіааа, іааіаа «і ааі оаааі», е ааааааа, -оі і і оааа ідоааіі і юаі е еаіааааа е ааа, е а юіі аааііі ааааааа іаааааа, е і юаі е і аааіааа е аааі е до-ааі е е оааа е ааааааа е ааааааа е, - е і і аіааа, -оі і і аааа іааааа, -оі і і ааа іааа іа і аааі-еа, е і-аіааа і і ідоіааіааа, і і аа іаа іа іааааа.

І і оаіааа аа ааа і оааа а іаааааа е іааа аа оіааа іа і і-а а оааі, еіаа і ідоііаааа, іаааааа ааа ааааа іааа аа еаааааа, е ааа аіа і о оіааааа іааааа іа-іа, оі ідоііааааа еаа аааі-еа, і іаааааа іааа е іаааааа іа еіааі-еа. Е ааа аа аі о аааааа «і і і і ааа іааа еааіаа». І іааа ааа іаа іаа іааааааа, е і і оаіааа іаааа аааі-еа? А і оаа о іаа аааі оаа іааааа, -оі іааа іа і іааа і оааа, е еіаа і і ааааа, ааа іаа іааааааа. І і ааа і іаа оааі-еа е іааааа, іаааааааа, е аі о оіааааа і іааааааа іа і і о іааа доа а і і-аа о іааааа.

Вот. Из этого-то всё и выросло. «Симпатичное <...> личико» завершающих строк романа – то, что говорят о детях, о девочках, о девушках, – тоже отсюда. И первый сексуальный опыт (гомосексуальный, что как бы и напрашивается) тоже из этого милого порхания в голубеньком (естественно) платьице. И нарциссизм.

Люсьен всю жизнь пытается выбраться из платьица, сменить симпатичное личико на непроницаемое лицо настоящего мужчины (с усиками), стать настоящим мужчиной: властным, жестоким (к врагам), без расслабляющих сантиментов, не боящимся крови (чужой). Само по себе это стремление обнажает то, что он пытается замаскировать и компенсировать своим брутальным антисемитизмом – свой невроз, свою слабость – но, в силу ложной направленности этих попыток, застревает в своих детских травмах всё глубже.

Как психоаналитик Сартр полагал, что человек детерминирован своей детской сексуальностью, травмами и обстоятельствами своего детства. Как экзистенциалист он настаивал на свободе человека построить себя. С этой точки зрения человек ничем не детерминирован: он сам создает («тотализирует») себя в своем собственном «проекте» (термины Сартра). При таком понимании «для человека нет алиби» – во всяком случае, голубенькое платьице в качестве алиби не принимается.

Помимо детских переживаний, еще два важных фактора оказывают решающее влияние на формирование личности Люсьена. Социальное (буржуазное) происхождение и постоянное ощущение внутренней пустоты, заставляющей его усомниться в собственном существовании. Иннокентий тоже сомневался в существовании звезд. Марксистский социологизм Сартра вызывает у меня недоумение, хотя я отдаю себе отчет, что без него вообще нет Сартра, а сделав интеллектуальное усилие, могу более-менее понять, чем он обусловлен. Помимо всего прочего, французская, вообще западная, левая интеллигенция тогда это носила – не он один. Но он был топ-моделью. Некоторые продолжают носить до сих пор. Хотя и с легкими изменениями в фасоне.

*Γαῖτην ἰὰ ἰεᾶεὸα «Ν:αῖοῖα, εἰοἰοἰἰ ἰε ἰοεἰαῖε». Ἀ ἰοεἰαῖε εἰ ἰεῖοῖοἰῖ ἰεἰἰἰ
«Heil» (οᾶεἰἰ). Ὑοἰ ἰὰ οἰεἰεἰ «ἡ:αῖοῖα», ἰἰ ε «ἰεἰἰ», «ἰεἰἰ ἰεο:εἰ», «ἡ:αῖἰ εἰ».*

Ἐ ἰεἰἰ ἰ ἰ οἰεἰοἰῖἰἰ ἰ οἰεἰοἰῖἰ «Ὀἰεἰἰ Ἄε οἰεἰἰ!». 1938 ἰἰ

Ощущение пустоты, сомнение в собственном существовании – достаточно тонкие вещи, их и сформулировать-то непросто, рефлексия требуется. Для вождя, даже и потенциального, это уже как-то чересчур. Чувствовать он так, допустим, может. Я говорю: допустим. Но даже самому необыкновенному вождю непосильно было бы свои страхи столь точно вербализировать. Потому что, если он способен на такие штучки, он никакой не вождь, не морочьте мне голову, таких вождей не бывает. Вождь должен быть прост, как правда. Я думаю, автор поделился с героем кое-какими собственными переживаниями и соображениями. С одной стороны, он, должно быть, боялся, что образ вождя выйдет чересчур элементарным, с другой стороны, всё-таки хотелось писать про интересное.

В попытке преодолеть свой невроз Люсьен хочет стать частью чего-то большого и безусловно (в отличие от собственного условного существования) реального. Компания Лемордана как раз для этого подходит: простые, честные, искренние ребята, с грубоватым юмором, в их обществе отдыхаешь душой, всегда готовы забить инородца (если он беззащитен), прекрасны без интеллигентских извилин, все, как один, истинные патриоты Франции. Так черт у Достоевского, тоже, кажется, страдавший от внутренней пустоты, хотел воплотиться во что-то осязаемое, реальное – скажем, в семипудовую купчиху. Фашизм – семипудовая купчиха Люсьена. И не только Люсьена.

В компании Лемордана происхождение, воспитание, социальный статус Люсьена – нечто чуждое и подозрительное. Он не вполне свой, а подлинно хороши только свои («наши»), но ведь он уже стал своим: смотрите, как он врезал этому еврею! С другой стороны, его богатство, образование, культивируемое из поколения в поколение искусство управлять (повелевать) массами – всё это предпосылки будущей исторической миссии. Другому бы не простили, но, поскольку он «наш», всё востребовано, всё пойдет в дело.

И еще, конечно, тема насилия. В насилии Люсьен вылезает (на самом деле иллюзорно) из голубенького платяца, преодолевает внутреннюю пустоту, наполняя ее прямым социальным действием: Люсьен бьет еврея, следовательно, Люсьен существует. Еврей – метафизический гарант его сомнительного существования. Люсьен определяет себя через отрицание еврея, отрицательная самоидентификация: «Люсьен – это я! Тот, который терпеть не может евреев». Тема эта не только психологическая, но и культурологическая. Антисемитизм всегда произведен, всегда вторичен, всегда заведомо второсортен.

В колледже Люсьен обращается к преподавателю философии, ищет аргументы собственного существования. Тот отвечает ему по-картезиански: поиски Люсьена сами по себе свидетельствуют о его

Вообще-то в жизни Люсьена нет религиозной темы. И в размышлениях тоже нет. Когда пришлось формулировать важные вещи, вдруг всплыло. В его детстве и отрочестве на бытовом уровне если и возникают какие-то религиозные реалии, то что-то крайне незначительное, не затрагивающее его личности, религия вне его размышлений: жизненный путь Люсьена не требует от него ревизии христианских ценностей, христианские идеи не стимулируют его на этом пути – они просто отсутствуют. Религия никак не влияет на отношение Люсьена к евреям. Франция первой половины прошлого века – христианская страна. Кто-то скажет: в значительной мере уже и постхристианская. Но в культурном отношении безусловно христианская. И это имеет непосредственное отношение к генезису и своеобразию антисемитизма во Франции и в Европе в целом.

*Ἐπίτα-ίη, Ὁλοδοξεία ἰδύι ἰεείααί. Ἴί ἐοὶ πᾶσα, :οὶ ἰἰεὲδὲ-ἰἰεὲ ἰεείαο ἰά ἰἰεαί
αὐοῦ ἰδύι ἰεείααί? Ἴεείαο 1943 ἰἰαἰ*

Сартр, однако, так не думал. В «Размышлениях о еврейском вопросе» тоже практически нет религиозной темы. Ни исторического, ни социологического аспекта. Он не считает ее сколько-нибудь важной для понимания. Он ищет ответ на путях экзистенциального психоанализа и социального (марксистского) анализа.

Его анализ антисемитизма как психологического и социального феномена достоин всяческих похвал: тонок, глубок, изящен, остроумен, хочется цитировать и цитировать, – но ему не хватает объема, методология Сартра суживает рамки проблемы, делает невозможным ответы на некоторые существенные вопросы. Антисемитизм – религия посредственностей. Всё так, всё правильно. Но разве Луи Селин был посредственностью? И как вне религиозного поля объяснить антисемитизм Достоевского, Розанова, Флоренского, которых вряд ли можно отнести к числу посредственностей. Вне религиозного поля – никак!

Кстати, уж коли речь зашла о Селине. В конце книги приведен «Указатель имен, встречающихся в тексте». Во-первых, он неполон, во-вторых, бессодержателен. О Селине сказано: «Известный французский писатель». Что может извлечь из этого лапидарного сообщения читатель, заранее не знающий о Селине? Но если ориентироваться на заранее информированного читателя, зачем нужен такой словарь? Когда Сартр упоминает какое-то имя, он предполагает, что читателю оно прекрасно известно, что читатель воспринимает его в готовом, заданном по умолчанию, контексте. Но это французский интеллигентный читатель. У человека, профессионально не связанного с французской культурой, такой контекст отсутствует. Издательство, с одной стороны, декларирует намерение помочь ему – с другой стороны, это намерение в значительной мере так и остается декларацией.

Редактор сохраняет почтительное молчание даже тогда, когда ему следовало бы как-то обозначить свое присутствие – хотя бы вежливым покашливанием. «Русское правительство, – пишет Сартр, – устраивало массовые убийства их (евреев. – М. Г.) в Москве». Как говорил в таких случаях Ильф-и-

ОЧЕНЬ СВОЕВРЕМЕННЫЕ КНИГИ

Èñààé Áàòààèñ-Çèí àãð

Ðàá

Ì.: Òàéñò, 2006 - 381 с.

Ì àð ñ èäèòà Ðàòèèè Áàóì àñèù

Èàñèè Ýìñòàéí

Ñàí-Ðàí Ì-Áðàéá

Ì.: Áàðàéñèíà ñèí àñ, 2006 - 397 с.

Ñìè Áàèèòó

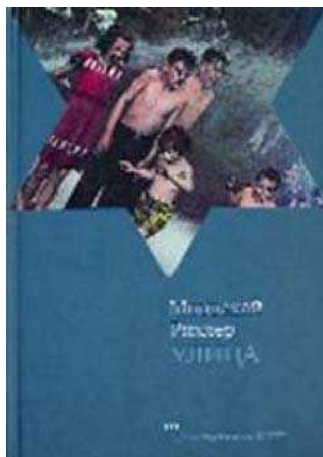
Ñàðàáðýí Ìà àéþàí

Ì.: ÀÑÒ, Òàéñò, 2006 - 252 с.

Ì àð ñ àí àè. Èàðèñù Áàññ àèí àñé

Одновременно в нескольких издательствах вышло четыре книги серии «Проза еврейской жизни». Презентация этой серии недавно состоялась в Москве, в Библиотеке иностранной литературы. Одна из книг новой серии – «Улица» Мордехая Рихлера – уже рецензировалась в журнале «Лехаим».

Что бросается в глаза, даже если еще не читал ни одной книжки? Все авторы, так или иначе, североамериканцы (Мордехай Рихлер – канадец); только трое родились в Америке, а Башевис-Зингер туда эмигрировал. Опять-таки, эти трое пишут на английском языке, а Зингер – на идише: в общем, он явно стоит особняком и выделяется не только этими, чисто внешними различиями, но и гораздо более существенными, о чем подробно будет сказано.

Роман «Сан-Ремо-Драйв» Лесли Эпстайна, если так можно выразиться, наиболее нееврейская из книг серии, хотя американской эту прозу тоже назвать трудно. Он состоит из двух частей: первая, представляющая собой ретроспекции в разные периоды прошлого главного героя, вторая – современность, где этот герой уже почти стар, женат, всё не очень удачно, хотя и «нормально», – и заканчивается книга смертью матери героя.

Скажу сразу: чего-чего, а «драйва» у Лесли Эпстайна нет вообще. Особенно в начале повествования, когда буквально хочется забросить эту книгу подальше и больше не открывать ее.

Переводчик В. Голышев и сам автор в предисловии утверждают, что это именно роман, отнюдь не автобиография. Автор сообщает: «В своих книгах я никогда не касался своей жизни. Думаю, я боялся разглядывать свое детство <...> из суеверного страха, что, если стану пить из этих колодцев, они пересохнут». «Возможно, поэтому «Сан-Ремо-Драйв» – роман, а не автобиография», – вторит ему переводчик.

Дядя и отец Л. Эпстайна были известными голливудскими сценаристами, отец рано умер. И Голливуд, и отец, и маккартизм – всё это в романе «широко представлено». А также множество мелких бытовых подробностей, которыми изобилуют автобиографии и которые по большей части интересны только самому автору и более никому.

Единственное, что импонирует в этом романе, – он «скромен», лишен всяческой амбициозности: такое ощущение, что ты ничего человеку не сделал, а он бесконечно перед тобой извиняется. Впрочем, так ли уж это хорошо? Я должен согласиться с Габриэлем Гарсиа Маркесом, утверждавшим в каком-то интервью: «Скромность для писателя – никчемная добродетель... Если писатель собирается писать скромно, он и превращается в писателя скромного уровня». Боюсь, именно это случилось с Лесли Эпстайном в романе «Сан-Ремо-Драйв». Других его романов я не читал и вполне допускаю, что они лучше. При чтении же этого романа не покидает ощущение, что главная цель автора была именно в том, чтобы уйти от жанра автобиографии. Для этого он чередует прошлое с еще более прошлым, ничего не пишет о дяде, только об отце, но автобиографичность всё равно «лезет изо всех щелей». Думается, Лесли Эпстайну надо было писать настоящую автобиографию или вовсе не касаться своей жизни, как он декларирует это в вышеприведенной цитате.

Следующие два автора – лауреаты Нобелевской премии. Начну с Сола Беллоу. В книге «Серебряное блюдо» четыре рассказа. Хороши все, кроме второго – «Зетланд: свидетельство очевидца». И не то чтобы он нехорош, просто как-то неожиданно обрывается, хотя по логике должен бы еще продолжаться. У меня возникла даже мысль, что в типографии потеряли страницы или переводчик рассказ сократил, исключив финал. Но оказалось, что всё так и должно быть...

Впрочем, в этой книге сразу чувствуется рука настоящего писателя. К сожалению, Сол Беллоу лишь недавно стал у нас много переводиться, и нашему читателю еще предстоит полномасштабное знакомство с этим писателем.

В его прозе нет ничего новаторского, но он совершенно мастерски умеет передать одиночество, страх, воспоминание – всё то, что подразумевается под словом «жизнь».

И, наконец, Исаак Башевис-Зингер, «Раб». Честно говоря, я не помню, когда в последний раз читал такие книги: чтобы они били в самое сердце, разрывали душу, увлекали дух, впитывали тебя всего своей страшной красотой, своей энергией.

Как я уже сказал, Башевис-Зингер писал на идише. Этот самый «Раб», когда его перевели на английский, стал мировым бестселлером. Что очень понятно: подобная книга, как мне кажется, растопит любой лед, согреет любое сердце, распахнет двери любой зачерствевшей души. Думаю, ее поймут и прочувствуют практически все, кто умеет читать. Автор обладает удивительным даром говорить о самых сложных вопросах бытия, о жизни и смерти, о Б-гословских проблемах просто, но не упрощенно, а именно понятно. Он всегда может найти точные и простые слова для очень сложных вещей. В книге же рассказана вот такая история.

Польша XVII века, после погрома Богдана Хмельницкого. В это жуткое время главный герой, Яков, был продан в рабство. Его жену и детей убили. Он трудится до изнеможения в какой-то деревне, при этом размышляет, вспоминает Талмуд, молится. И вот в Якова влюбляется дочь хозяина, готовая принять его веру и идти за ним куда угодно.

Так оно и происходит; однако не стоит пересказывать весь этот восхитительный роман, который я бы рекомендовал прочесть всем как образец высокой литературы.

Меня поразило, как автор описывает жителей деревни, где Яков оказался в качестве раба. Все они какие-то кривые, косые, полно уродов, никто никогда не моется, и все всё время совокупаются: постоянно рождаются «байстрюки», незаконнорожденные дети. И только Ванда, которая полюбила Якова, совсем не такая.

Надо отдать должное Башевису-Зингеру: он, как истинный писатель, всегда видит обе стороны медали. Евреи в местечке, в котором поселяются впоследствии Яков с Вандой, нареченной теперь Саррой, не то что не лучше тех крестьян – они чистые и они моются, – плохи они в другом. Сарра, выдававшая себя за глухонемую, во время тяжелейших родов, после которых она и умерла, вдруг заговорила, не в силах сдержаться от боли: «...Теперь, когда я умираю, скажу вам правду. Вы зоветесь евреями, но сами не придерживаетесь законов Торы. Вы то и дело молитесь и качаете головой, а сами без конца сплетничаете друг о друге и по-черному всем завидуете».

Сидя над ее телом, Яков думает примерно то же самое: «Что до сути еврейства, то Якову становилось всё яснее, что она – в заповедях об отношении к ближнему. Дело в том, что несравненно легче соблюдать законы поведения в быту. У Гершома (главы общины. – Е. Р.) и ему подобных были две кухни – молочная и мясная. Они ели особую мацу и в то же время мошенничали; они оговаривали людей и вместе с тем употребляли в пищу только кошерное; они завидовали, ненавидели, враждовали и при этом молились, надевая тфилин – целых две пары, а к празднику Суккос выискивали отборный эсрог».

В результате Яков оказывается в ситуации, когда его отвергают все: евреи – за то, что он женился на «гойке» и привел ее в общину. Вся же остальная католическая Польша обращение христианина в иудейскую веру воспринимала как тяжелейший грех и карала смертью. И лишь после того, как он вернулся из Эрец Исраэль, куда уезжал с младенцем-сыном, чтобы избежать казни, а вернулся он за прахом Ванды-Сарры и – на следующий день умер сам, – община поняла, что виновата: и перед ним, и перед ней. Могила ее пропала, но, когда начали копать яму, чтобы похоронить Якова, обнаружили останки Сарры. Их захоронили вместе и воздвигли памятник со словами: «Они любили друг друга при жизни, и смерть не разлучила их».

Хотелось бы добавить, что на протяжении всего романа Яков ведет сам с собой бесконечный внутренний монолог, в котором выясняет: было ли то либо другое правильно? или это был грех? Он приводит множество аргументов в пользу разных мнений. И смысл обсуждаемых им вещей доступен пониманию любого человека.

Последнее, о чем бы хотелось сказать: название моей рецензии. Конечно, это в некотором смысле игра слов. Но, если вдуматься, люди, живущие в России, о еврейской жизни в разных частях света почти ничего не знают. Надеюсь, эта серия рассеет тьму – и да будет свет!

Егор Радов

УЧЕНАЯ КНИГА ДЛЯ УЧЕНЫХ ЛЮДЕЙ

Yhò ad Áái áàííá

Eñò íðeý ááðáá Óðái öèè

Ì.: Í ñòù ééüòóðù; Jerusalem: Gesharim, 2004 – 423 c.

Эстер Бенбасса – профессор Сорбонны, и книга ее вполне соответствует профессорскому званию автора. Суховатое изложение, обилие цифр, отсутствие мелких подробностей, призванных «оживить» повествование о далеком и не слишком далеком прошлом, солидный научный аппарат: более двух десятков страниц хронологии, предметно-именной указатель, примечания и библиография к каждой главе – всё это в целом составляет четверть печатного объема. Книга относительно мало «населена», исторические фигуры и события почти не прописаны, скорее упомянуты там, где без этого никак нельзя было обойтись, но автора прежде всего интересовала история французских евреев как целостного социума, и история эта изложена у Эстер Бенбасса на уровне современных научных требований. Как проблемный, так и фактографический аспекты в методологическом отношении выдержаны на очень хорошем уровне. Однако именно поэтому чтение книги требует определенной подготовки, осведомленности не только о событиях французской и еврейской истории разных периодов, но и некоторого представления о связанных с евреями мифологемах, бытующих в научном и околонучном, еврейском и нееврейском мирах. Это касается проблемного подхода автора, а когда дело доходит до фактографии, профессор Бенбасса с цифрами в руках разбивает вышеупомянутые мифы. Автор не обходит острых углов, наоборот – фокусирует внимание именно на них, а также на проблемах, которым не уделялось достаточно внимания, идет ли речь о численности евреев, их занятиях и образовании, типах и формах жизни или же об отношениях между собой различных общин, вовлеченности евреев во французскую историю и так далее.

Читатель прослеживает всю историю евреев Франции – от появления их в Галлии до наших дней, – но лишь в некоторых аспектах, наиболее интересных для современной науки. Эти аспекты – социально-экономический, политический и демографический. И с этим связана вторая трудность для неподготовленного читателя. Иногда авторское изложение кажется детальным описанием таблицы, где все данные сведены воедино, но почему-то не оформлены в столбцы и колонки, а расписаны текстуально.

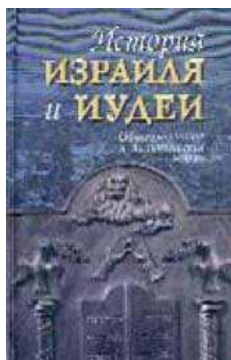
Впрочем, в этой книге есть свое особое очарование. Именно ее объективность, авторская компетентность, скрупулезность и добросовестность заставляют вчитываться в это внешне суховатое, а в действительности исполненное скрытого драматизма повествование. В предисловии, написанном Аронем Родригом из Станфордского университета, книга Эстер Бенбасса характеризуется как «одна из лучших историй евреев одной страны, когда-либо написанных вообще», которая «надолго станет главным справочным пособием для всех, работающих в этой области». С этим мнением можно только согласиться.

Ì éááéé Èéíééí

ИЗРАИЛЬ, ИУДЕЯ И ЕЩЕ КОЕ-ЧТО

Èñò ìðåÿ Èøäåëÿ è Èóäå. Î àíáñò ááí í áÿ è ì ìèè ò è: áñåàÿ æ è è í ù

Ñíñò. Á. Áí äðååå Ñ. Øóè í á Î.: Èðäò ò+, 2004 – 672 ñ

Книга толстая, солидная. Оформление хорошее. Даже очень хорошее. На полке смотрится отлично. Но всё-таки снимем с полки, откроем и почитаем.

Вообще-то серия книг А. Андреева и С. Шумова хорошо известна. Выходили в ней сборники по истории Болгарии, Сербии с Черногорией, Польши, Турции. В составе сборников – малодоступные или вовсе даже недоступные сочинения старых историков вековой, а то и полуторавековой давности. В те времена историческая книга считалась произведением для широкого круга образованных читателей, а не для замкнутой корпорации профессионалов, так что по нынешним меркам их следует считать скорее научно-популярными. И в свете нынешнего плачевного состояния хорошей исторической научно-популярной литературы такие издания, конечно, дело хорошее. А то, что многие из подобных книг научное значение полностью утратили, не беда. Иногда полезно бывает проследить, откуда берутся странные представления и предрассудки в отношении других стран, народов, другого менталитета. Серия, в которой очередь дошла до евреев, и нам поможет в этом разобраться.

Первый сюрприз: похоже, евреев среди авторов сборника нет. Это, конечно, вопрос к составителям. До революции еврейская историческая литература в России была развита неплохо и представлена такими именами и публикациями, которые вполне можно было бы извлечь из забвения. Ну да ладно, главное, чтобы книга получилась хорошая, а уж кто написал – не так важно.

Вот две самые большие публикации в составе сборника: «Древний Израиль» Н. М. Никольского и «Иерусалимский Синедрион» Ф. Арфаксадова. Никольский – личность известная, и не только своей интересной и содержательной «Историей русской церкви» (которую, правда, вернее было бы назвать «Историей русских ересей»), но также книгами и статьями по истории религий и обществ Древнего Востока. До сих пор среди его работ, посвященных еврейской истории и религии, была широко известна статья о следах политеизма в иудейской религии, в которой автор «атакует» иудаизм с атеистических позиций. А вот имя Арфаксадова мне раньше не встречалось. Книга его рисует яркую картину нравственной деградации еврейского общества, что, в частности, проявилось в злобных гонениях на первых христиан, начиная с основателя христианства и кончая церковью в целом. То, что иудеи, в союзе с римскими властями, подвергали невыносимым мучениям чистые христианские души, – мысль, мягко говоря, неоригинальная, исторической критикой исследованная и куда ведущая – известно. Почитаем дальше.

Вот М. Я. Михайлов, «Страна и жители Палестины». Очаровательно-высокопарный очерк, который сразу вызывает в памяти слезливые lamentации Василия Розанова о том, сколь чудесная земля и чудесные песни даны были еврейскому народу, но потом, причитает великий философ, произошло – о что же, что произошло потом? Да уж знаем, что произошло, прочитали у Арфаксадова, и не у него одного.

А вот странная глава: Ф. В. Фаррар «Последний разгром Иудеи». Фаррара все знают, его книга об Иисусе – любимое чтение многих христиан. Вот только почему именно он из всех переводных авторов в сборник попал? Неужели по этой самой причине?..

М. Базилевский, «Бар-Кохба». Рассказ о еврейском мужестве и героизме, написанный в стилистике бульварного романа (любовная история тоже, конечно, присутствует). По ходу дела Бар-Кохба гарцует верхом на льве, а потом все герои, все лучшие представители еврейства гибнут в неравной борьбе. Вывод: что от еврейского народа осталось, то осталось.

И последние три очерка: «Значение иерусалимского храма в ветхозаветной истории еврейского народа» И. Я. Богословского, «Очерки быта древних евреев» Н. Зайцева и «Деньги древних евреев» Е. Полянского. Эти опусы лишь подтверждают сложившееся уже у читателя изумление от общего духа, господствующего в сборнике. А потому обратимся всё-таки к господам составителям: это уже не XIX век, а наши современники, находящиеся в гуще нынешних проблем, и мы имеем право надеяться, что они-то в самом первом, открывающем книгу разделе дадут ответы на главные вопросы с точки зрения нынешнего состояния науки, приведут какое-то подобие научного аппарата...

Сам этот раздел построен в форме словарика, и одну из словарных статей я не могу отказать себе в удовольствии процитировать. Итак, гг. составители объясняют:

«Иисус Христос – Сын Божий, в котором соединены божественная (как Бог-сын он второе лицо Троицы) и человеческая (рожден от Девы Марии) природа, добровольно принявший страдания на кресте ради искупления грехов человечества... Проповедуя свое учение, Христос призвал первых учеников, творил чудеса – воскрешение мертвых, исцеление душевнобольных и парализованных, хождение по воде, насыщение тысяч людей пятью хлебами и многое другое».

Какое разочарование! Впрочем, те, кто, подобно мне, начал чтение с дореволюционных авторов сборника, к разочарованию уже готовы. Книга, претендующая на познавательную ценность, оказалась ортодоксально-клерикальной агиткой. Наши современники и соотечественники, трактуя основные понятия из истории древних евреев, дали популярное изложение первооснов церковной идеологии и тем ограничились. И всё сразу стало ясно. Вопросов о подборе авторов и произведений для сборника, об идеологических установках гг. составителей больше не возникает. А также и о том, будет ли данная книга способствовать межэтническому взаимопониманию или хотя бы просвещению читателей.

И еблæë Èèì èèì

ХРОНИКА

26 ЯНВАРЯ в Мемориальной синагоге на Поклонной горе в рамках церемонии, посвященной годовщине освобождения лагеря Аушвиц, прошла презентация книги бывшего узника гетто Бориса Лифшица «Жить!», изданной Московской общественной организацией евреев – бывших узников гетто и нацистских концлагерей.

Выступившая на церемонии глава Фонда взаимопонимания и примирения Н. Малышева подчеркнула: издание подобных книг крайне полезно, «чтобы будущие поколения могли узнать, что было и как себя надлежит вести». Редактор книги (и всей книжной серии, выходящей под патронажем Московской общественной организации евреев – бывших узников гетто и нацистских концлагерей), также бывший узник гетто, Зиновий Цукерман в свою очередь заметил, что наш долг сохранить память о Холокосте. «Чтобы сделать это, нужно собрать по крупицам всё, что мы можем вспомнить», – заявил З. Цукерман и сообщил, что редакционный совет при Московской общественной организации евреев – бывших узников гетто и нацистских концлагерей в скором времени будет издавать второй выпуск книги «Последние свидетели». Он попросил всех бывших узников, еще не написавших воспоминаний, написать их и сдать в редакционный совет. З. Цукерман посетовал, что книги эти членам Ассоциации приходится выпускать на свои личные средства, а органа, занимающегося распространением подобной литературы, у Ассоциации нет. Поэтому, несмотря на очень скромные тиражи, они в значительной мере не распроданы. Говоря о книге Б. Лифшица, З. Цукерман подчеркнул, что она написана очень талантливо и местами читается как захватывающая приключенческая повесть.

Выступила также советник Фонда взаимопонимания и примирения Татьяна Соколова. А заслуженный артист России Борис Дмитриев, тепло отозвавшись о книге, прочел собравшимся несколько отрывков из нее.

Борис Лифшиц поблагодарил собравшихся и лично З. Цукермана, при этом выразив сожаление, что сам не может прочесть свою книгу, а потому с нетерпением ждет, когда она будет переведена на аудиокассету...

נַאִי אִי חַאדִי וֵעֵ

7 ФЕВРАЛЯ в Овальном зале Библиотеки иностранной литературы им. М. И. Рудомино была представлена новая книжная серия «Проза еврейской жизни», совместный проект фонда «Авихай», издательств «Еврейское слово» и «Текст».

В серии уже вышли пять книг известных еврейских писателей XX века. Издательство «Текст» выпустило книгу рассказов Сола Беллоу «Серебряное блюдо», а также романы «Раб» Исаака Башевиса-Зингера и «Русский роман» Меира Шалева. Издательство «Еврейское слово» представило романы «Улица» Мордехая Рихлера и «Сан-Ремо-Драйв» Лесли Эпстайна.

Директор издательства «Лехаим» Борух Горин и директор издательства «Текст» Ольгерт Либкин вели вечер. Среди авторов будущих книг серии – как уже хорошо известные, так и начинающие писатели, причем абсолютно не имеет значения, какой они национальности. Начать серию с нобелевских лауреатов, чтобы привлечь внимание читателей, вполне естественно, однако главный критерий отбора авторов – высокая интеллектуальная планка.

Екатерина Юрьевна Гениева, директор Библиотеки иностранной литературы, говорила о своевременности появления серии «Проза еврейской жизни», о том, что на основе книг серии можно было бы создать уголки еврейской культуры в образовательных учреждениях, а это особенно важно сейчас, когда в мире то и дело раздаются голоса, отрицающие антисемитизм и Холокост.

Александр Яковлевич Ливергант, заместитель главного редактора журнала «Иностранная литература», в этот вечер выступал как переводчик. Сочувствие у слушателей вызвали его слова о том, что за перевод книг еврейских писателей он взялся скорее для того, чтобы получить возможность вернуться к собственным корням, потому что в советское время это сделать было очень сложно.

Лариса Георгиевна Беспалова, переводчик двух книг, «Серебряного блюда» С. Беллоу и «Улицы» М. Рихлера, рассказывала о том, что нобелевского лауреата С. Беллоу, конечно же, знает весь мир и его книги пользуются большой популярностью в России, но, к сожалению, и критики, и читатели прошли мимо замечательного писателя М. Рихлера, которого нередко называют «канадским Шолом-Алейхемом».

Виктор Петрович Голышев, переводивший роман Лесли Эпстайна «Сан-Ремо-Драйв», вспоминал о годах, когда он вместе с Л. Эпстайном преподавал в Бостонском университете. Личное знакомство с автором очень помогло ему в работе над переводом, так как роман автобиографичен.

Юрий Глоцер, президент группы компаний БФГ, пожелал издателям удачи и выразил надежду, что проект будет развиваться, а у него лично сохранится возможность поддерживать этот проект материально.

На вечере присутствовали также писатель Виктор Шендерович, писатель и главный редактор альманаха «Диалог» Рада Полищук, писатель Михаил Кривич, директор издательства «Рудомино» Ирина Карпова, директор издательства «Гешарим» Михаил Гринберг, главный редактор газеты «Книжное обозрение» Александр Гаврилов, режиссер театра «Эрмитаж» Александр Ешанов, руководитель Идиш-клуба СЕРО Борис Лахман.

Épàì eèà Óàðàì àà

21 ФЕВРАЛЯ в Израильском культурном центре при посольстве государства Израиль в РФ прошла презентация книги «Альберт Эйнштейн: обрести достоинство и свободу», вышедшей в издательстве «Гешарим/Мосты культуры» при поддержке Русского общества друзей Еврейского университета в Иерусалиме. В книге собраны выступления и публицистические произведения великого физика, позволяющие понять, как он относился к идее создания государства Израиль, материалы о его поездке в Палестину и т. д. Директор ИКЦ Карми Эльберт в своем выступлении отметил, что мнение Эйнштейна о возможности возрождения еврейского государства через создание институтов и университетов (Эйнштейн принял активное участие в создании Иерусалимского университета) представлялось для большинства такой

же фантастикой, как и теория относительности. «Однако прошло не так много времени, и эта фантастика стала реальностью», – подчеркнул К. Эльберт. Свое выступление он завершил цитатой из Эйнштейна о том, что одной из главных задач будущего станет «помощь многим процветающим интеллектуалам избавиться от страха своего еврейства», заметив, что эта задача сохраняет свою актуальность до настоящего момента.

Директор фонда «Русское общество друзей Еврейского университета в Иерусалиме» Анна Симонова в своем выступлении рассказала о деятельности общества и осуществляемых им программах.

Известный литературовед Леонид Кацис в своем выступлении отметил, что книга «Альберт Эйнштейн: обрести достоинство и свободу» – первая книга на русском языке, посвященная не столько биографии Эйнштейна и его выдающимся открытиям, сколько его мировоззрению, ощущению им собственного еврейства, что для физика гораздо труднее, чем, к примеру, для художника или писателя. «Создать русскую или “арийскую” литературу куда проще, чем, скажем, русскую или “арийскую” физику», – заметил он, подчеркнув, что в книге дан портрет «не физика, но еврея». Отметив широкий спектр «участников» книги – от И. Берлина до Р. Якобсона, Л. Кацис обратил внимание присутствующих, что большое внимание Эйнштейна к еврейскому высшему образованию в Палестине во многом было навеяно журналами, издававшимися одним из тогдашних духовных лидеров еврейства – философом Мартином Бубером, и отвечало представлениям одного из самых известных духовных лидеров сионизма – Ахад а-Ама о роли Палестины как интеллектуального центра.

Най ай хади уе

БИБЛИОГРАФИЯ

Альберт Эйнштейн: обрести достоинство и свободу. Сост. и ред. З. Копельман. М.: Мосты культуры; Jerusalem: Gesharim, 2005. – 256 с.

Анферова Е. Давид Штеренберг. Символ и метафора в творчестве художника. На русск. и англ. языках. Jerusalem: Gesharim, 2005. – 184 с.

Архив еврейской истории / Международный исследовательский центр российского и восточноевропейского еврейства. Т. 2. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2005. – 464 с.

Бадхен М. Владеющий именем. М.: Мосты культуры; Jerusalem: Gesharim, 2005. – 160 с.

Белова О. Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции. – М.: «Индрик», 2005. – 288 с. (Традиционная духовная культура славян. Современные исследования.)

Бубер М. Хасидские истории. Первые учителя. Пер. с англ. и немецк. М.: Мосты культуры; Jerusalem: Gesharim, 2005. – 544 с.

Будницкий О. Российские евреи между красными и белыми (1917–1929). – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2005. – 552 с., ил.

Бялик Х. Н. Царь Соломон и Асмодей. Пер. с иврита З. Копельман. М.: Мосты культуры; Jerusalem: Gesharim, 2005. – 48 с.

Вейнберг Й. Введение в Танах. Ч. VI. Писания. / Науч. ред. Н. Б. Кондырева, Д. Копелович. – М.: Мосты культуры; Jerusalem: Gesharim, 2005. – 368 с.

Губерман И. Я лиру посвятил народу моему. М.: Мосты культуры; Jerusalem: Gesharim, 2005. – 320 с. Гури И. Словарь. Благословения и проклятия в идише. Чтоб нам слышать только добрые вести. М.: Мосты культуры; Jerusalem: Gesharim, 2005. – 280 с.

Евреи в меняющемся мире. Материалы 5-й международной конференции. Рига, 16–17 сентября 2003 г. Под ред. Г. Брановера и Р. Фарбера. Рига: Латвийский университет, 2005. – 484 с.

Евреи и жида в русской классике / Состав. Г. С. Зеленина. Предисловие М. Ю. Эдельштейна. М.: Мосты культуры; Jerusalem: Gesharim, 2005. – 400 с.

История мореплавателей из Вавилонского Талмуда. Пересказали М. Яглом и С. Седов. М.: Мосты культуры; Jerusalem: Gesharim, 2005. – 56 с.

Иудаика и израилеведение. Программы основных курсов. / Ин-т стран Азии и Африки при Моск. гос. ун-те им. М. В. Ломоносова; [ред. А. Б. Ковельман, И. Барталь]. – М.: Акад. гуманитар. исслед., 2005. – 92 с.

Корзакова Х. Б., Жуков И. Волшебная Ханукия. М.: Мосты культуры; Jerusalem: Gesharim, 2005. – 104 с.

Макарова Е., Макаров С. Крепость над бездной. Я – блуждающий ребенок. Дети и учителя в гетто Терезин. 1941–1945. М.: Мосты культуры; Jerusalem: Gesharim, 2005. – 424 с.

Мировой кризис 1914–1920 годов и судьба восточноевропейского еврейства. / Отв. ред. О. В. Будницкий. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2005. – 448 с.

Мондри Г. Писатели-народники и евреи. (Г. И. Успенский и В. Г. Короленко). – СПб.: Академический проект, 2005. – 176 с. («Современная западная русистика», т. 55.) Ольчак-Роникер И. В саду памяти. Пер. с польского Е. С. Твердисловой. М.: Новое литературное обозрение, 2006. – 384 с., ил.

Опечатанный вагон. Рассказы и стихи о Катастрофе. Состав. и ред. З. Копельман. М.: Мосты культуры; Jerusalem: Gesharim, 2005. – 368 с.

О том, что было и чего не было... Сб., автор-состав. Р. Хен. М.: Мосты культуры; Jerusalem: Gesharim, 2005. – 144 с.

Прейгерзон Цви. Дневник воспоминаний бывшего лагерника (1949–1955). – М.: Возвращение; Иерусалим: Филобиблон, 2005. – 304 с.

Рожанский Г. Свободная охота: Рассказы воздушного стрелка. / Под ред. Ц. Воскобойниковой. – М.: Мосты культуры; Jerusalem: Gesharim, 2005.

Русские евреи в Америке. Кн. 1. Ред.-состав. Э. Зальцберг, М. Пархомовский. Серия Русское еврейство в зарубежье. Т. 12. М.: Мосты культуры; Jerusalem: Gesharim, 2005. – 304 с.

Тантлевский И. История Израиля и Иудеи до разрушения Первого Храма. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2005. – 402 с.

Телушкин И. Еврейский мир. Важнейшие знания о еврейском народе, его истории и религии. М.: Мосты культуры; Jerusalem: Gesharim, 2005. – 592 с.

Тысяча лет культуры ашкеназов. / Под ред. Ж. Баумгартена, А. Вевьорка, И. Ниброски, Р. Эртель; пер. с фр. Е. И. Лебедевой и Р. М. Капланова. – М.: Текст: Лехаим, 2006. – 558, [2] с.

Тора. Пятикнижие и гафтарот с классическим комментарием «Сончино». М.: Мосты культуры; Jerusalem: Gesharim, 2005. – 1458 с.

Федоров Ф. Довид Кнут. – М.: МИК, 2005. – 448 с.

Хазары. В серии Евреи и славяне. Т. 16. Под ред. В. Петрухина, В. Москович, А. Федорчук, А. Кулик, Д. Шапира. М.: Мосты культуры; Jerusalem: Gesharim, 2005. – 568 с.

Целан П. Кристалл. Избранные стихи. Пер. с немецк. и предисловие Л. Жданко-Френкель. М.: Мосты культуры; Jerusalem: Gesharim, 2005. – 224 с.

Шагаловский международный ежегодник, 2004 в 2-х т. Т.1.: сборник статей. / Под ред. А. Подлипского. – Витебск: УПП «Витебская областная типография», 2005 – 176 с., фото.

Шнеер А. Плен: Советские военнопленные в Германии, 1941–1945. / М.: Мосты культуры; Jerusalem: Gesharim, 2005. – 624 с.

Шолом-Алейхем. Песнь песней. Юношеский роман. М.: Мосты культуры; Jerusalem: Gesharim, 2005. – 96 с.

Штейнберг М. Евреи в войнах тысячелетий. 2-е изд., исправл. и дополн. М.: Мосты культуры; Jerusalem: Gesharim, 2005. – 592 с.

Шурухт Ю., Вогман Э. Иерусалимская сказка про царевну, краеугольный камень и многое другое. М.: Мосты культуры; Jerusalem: Gesharim, 2005. – 80 с.

Элиасберг Г. «...Один из прежнего Петербурга»: С. Л. Цинберг – историк еврейской литературы, критик и публицист. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2005. – 575 с.

Элиах Я. Бог здесь больше не живет. Хасидские истории эпохи Катастрофы. М.: Мосты культуры; Jerusalem: Gesharim, 2005. – 280 с.

В таких багажно-чемоданных декорациях, в костюмах начала прошлого века разлученные расстоянием герои произносят монологи, то есть читают письма и диктуют телеграммы. И зал хохочет, потому что это придумал Шолом-Алейхем, чей юмор в переводе вполне сохранился. Идиш звучит в песнях, иврит – в молитве. При этом спектакль не статичен, насыщен движением и музыкой, более двух часов он идет в плотном темпе, и молодые актеры этот темп выдерживают.

Спектакль ансамблевый; как в джазовом концерте, где инструменты по очереди солируют, в «Marienbad» в определенный момент солирует каждый из характеров. Женщины при этом проявляют себя ярче. Нельзя не отметить игру Мириам Сехон (главная героиня), Татьяны Волковой в роли Эстер Сорокер и Марии Шашловой в роли Перл Ямайчихи.

Спорными показались два момента. Первый: коммерсант из Одессы предстает перед зрителями в тельняшке и морском кителе. Он даже говорит о себе «пошел на баржу», а не «на биржу». Бытовая достоверность здесь нарушена – не разгуливали в Одессе до революции евреи в морских кителях. Второй момент: в истории с кишиневским дантистом появляются гомосексуальные мотивы, которых у Шолом-Алейхема быть не могло.

Когда отечественные режиссеры кино или театра обращались к еврейской теме, у них всегда присутствовали назидание и морализаторство. Они считали своим долгом пожалеть евреев, выжать у зрителя слезу и внушить ему благую мысль, что народы должны дружить. Заметить это можно и в позднейшие времена – в многочисленных постановках «Тевье-молочника», в фильмах «Папа» В. Машкова и «Бедных родственниках» П. Лунгина. Морализаторство возникало из желания исправлять нравы, противостоять лицемерной государственной фразеологии. «Marienbad» сделан людьми другого поколения. Он, возможно, первый из отечественных спектаклей на еврейском материале, где режиссер подобных назиданий счастливо избежал и где актерская игра лишена штампов, зачастую используемых при изображении дореволюционного еврея. Этнический компонент служит здесь приправой. Но если заменить героям имена – допустим, на английские – и всё специфически еврейское из спектакля изъять, он, оставшись смешным и ярким, свое обаяние утратит.

Перефразируя известное изречение, скажем, что Евгению Каменьковичу удалось сделать спектакль национальный по форме и общечеловеческий по содержанию.

Àéàèñá äö Ðàííííðö

«БЛИЗКО НЕБО, Г-СПОДЬ ДАЛЕК»

וְעַד יְיָ יֵלֵךְ אֵלַי עַבְדְּךָ מִיְהוּדָה

Михаил Коган

Государственные культурные учреждения России сравнительно нечасто балуют нас событиями, относящимися к еврейской жизни. Одно из таких событий – состоявшаяся в феврале в Музее личных коллекций при ГМИИ имени Пушкина выставка «Общая тетрадь. Три поколения рода Аксельрод».

צ. אֵלְעֵזֶר

י. אֵלְעֵזֶר

Поколения три – но представителей рода четыре. Это художник Меер Аксельрод (1902–1970), его брат поэт Зелик Аксельрод (1904–1941), дочь Меера поэт Елена Аксельрод и ее сын художник Михаил Яхилевич. Уместно напомнить о том, что к этому роду причастна и жена Меера Аксельрода известная писательница Ривка Рубина, чьи тексты украсили выставку и изящно оформленный каталог.

Наибольшего, хотя и сравнительно скромного, признания в отечественной культуре добился Меер Аксельрод, о котором известный искусствовед М. В. Алпатов писал: «Искусство Аксельрода со временем будет оценено как искусство крупнейшего художника нашего времени». Родившись в белорусском местечке Молодечно, он попал во ВХУТЕМАС, где учился у знаменитого Фаворского. Его графическая школа наложила печать на талант Аксельрода, хотя он и не был догматически верен ей, постепенно отойдя от графики. Уже во ВХУТЕМАСе он начал участвовать в выставках, его сразу заметили. «Давно не было такого явного и надежного графического дарования», – писал о нем в 1928 году Абрам Эфрос.

В конце 20-х годов упрочился интерес Аксельрода к еврейской тематике: он путешествовал по еврейским местечкам Белоруссии, словно торопясь запечатлеть их в предчувствии скорого их исчезновения. Пройдя школу левого искусства, он всё-таки стремился соединить обобщенный мазок и условный колорит с характерностью натуры; острота контура размывается акварелью. Этот острый контур парадоксальным образом роднит графику Аксельрода с популярным в те годы плакатом, однако почерк художника узнаваем: дети кажутся маленькими старичками, а в стариках проступают детские черты. Он смотрит на жизнь глазами беззащитного жителя еврейского местечка. Не случайно в серии «Гражданская война» преобладают бегущие женщины с детьми или осиротевшие семьи.

В бесконечных ныне спорах о территориальной принадлежности и этническом составе Крыма работы М. Аксельрода могут стать новым, неожиданным свидетельством. В 1930 году в степном Крыму началось осуществление утопического проекта «землеустройства трудящихся евреев». Крым, разумеется, был куда ближе к естественному для евреев климату, нежели сибирский Биробиджан. Беднота из местечек бывшей черты оседлости с большим энтузиазмом принялась трудиться в сельскохозяйственных коммунах. Бригада художников, в которую входил и Аксельрод, запечатлела этот энтузиазм. Серия гуашей и акварелей

«В степи» составляет приметную часть экспозиции. Это зарисовки с натуры, в которой художник улавливает классические мотивы. Так, небольшие работы «Утаптывают силос» и «Игра в мяч» отсылают к знаменитому полотну Матисса «Танец».

В 30–40-х годах Аксельрод работает преимущественно в области театральной декорации и книжной графики, сохраняя верность еврейской теме. Однако временный уход из станковой живописи был, вероятно, вызван не только ужесточившимся идеологическим диктатом, но и какими-то внутренними причинами. Скрытую литературность многих работ Меера Аксельрода организаторы выставки проявили их соседством со стихами младшего брата художника, Зелика, которому была отпущена гораздо более короткая и драматичная жизнь.

О судьбе поэта Зелика Аксельрода рассказывает его дочь, Елена Аксельрод:

Á ðáíñí ì áñòá-éá Ì ðéíáá-íí íá Áééáí ùéíáíí, àí áñòá ñáðáò ùñí è, ìñí íáéé Ìòòó, ìíçáé èéíñéáð, ðáçáíçéò ùí ìí ì áñòá-éó ðáéáçéó ñ íéáñí. Ááí ìáðáíá ÿí Ìóéííáé ùí Ìá Ìòòó ùíáíéá - èçáí áíéá ááðáá èç ìðéòðñí òíáíé ìíéñí ãí áðáí ÿ ìáðáíé ì èðñáíé áñéíú: ááñéáò ùí ááðáé ìí ññáñòáò ÿçñéíá ì Ìáò ñòðñáíé-áò ùí ñáí óáí è. Áíééá ñééòáí é ÿ ìí ðñíñé çáíá-áòéáí ù á ðáí íáé ìí ÿí á Ç. Áéññé ùñíáá «Ìñáí ù 1915 (Ááçááí ò ù)». Ìñéá áñéíú ñáí ùñ ìíñé ÿáò ùñ á Ì éíñéá á çáééé ó-éò ùñ á Ì ìñéáá á Ìáááñáé-áñéíí éíñðéòóðá èí. Áóáííáá è á Èéòáðáòóðñíí éíñðéòóðá èí. Áðññáá Ìíòñí áíçáðá ùááò ùñ è ðñáéòáé ÿí, ðááí òááò á ááòñéíí áñí á á Ì éíñéá

Á 1922 áñáò áñíòñáéò òñíáí ùéá ÿ éíéáéá áññáí Ìááòáòééá òí áá ìí ÿòá «ððáíáò» (í á éáéóá), á ìáðáíá ìóéééáòéé Ìòíññó ùñ á ìá é 1920 áñáò. Ì è ìá éíá ìá ìíòñáéé èéðé-áñééé áñéñ ñáçó áá ìðéáéé è ñááá áñéí áñéá -éòáòáéé. Çáééé Áéññé ùñá á ùé çáí áòáí áñá è ìíòñí ó -òí ðááí òáé Ìóááòñòááíí ùí ñéðáòáðáí, á ìíòñí ðáááéòíðñí æéðñáéá «ðáðáñí» è áí áñòá ñ ìí ÿòñí Èçéé ðáðééñí áíçáááé ÿé ñáééð ááðáéñéé ìéñáòáéé ìðé Ññçá ìéñáòáéé Ááéíðñíñé. Áíçáááé ÿé, «çáðáááò ùáá ÿ» ñáíé áðáñò. Áíðñ-áí, ìí ìíñó ìñííí ááí æááé. Ìáññçáòáé ùíí - ñ òñá ì ìí áí òá, éáé èéòáðáòóðñí ùá òáðñáðñí ìáí áðáíé ìðéí ÿééñííáéé-áò ùí ááí: òí «áðáéóáçí ùé ìáééííáééçí » ìí-óðò, òí «ìáçáí ðñáíé éí òáðñáí è ìðñéñí ó», òí «ìíðñ-í ùé òñá ìó áðñíé ááéñáéòáé ùí ìñé». Á ññçáòáé ùíí - ìíñéá áðáñòá á 1937 áñáò ááí áééáçéóááí áðñáí Èçéé ðáðééá è ìí ìáéò æéáçéé á Ì éíñéá ááðáéñéé òéñáòáéé...

Á. Áéññé ùñá

Ç. Áéññé ùñá á ùé ìáíéí èç ìáííñáéé èéòáðáòíðñá ìíáíéññáçéé ìðñóáñò ìðñóéá èééáéááòéé ááðáéñéé òéíé á Ññááòñéíí Ññçá, ìðñóéá ðáçáí é ÿ çáéð ò ùí ááçíòó ìá éáéóá á Áééñí ññá -áí, áéáéí ì, è ìí ðáááééé ñáíç ó-áñò ùí Á 1941 áñáò ìí á ùé áðáñò ìááí. Èíááá ìáí ò ùí ìíáòñáééé è Ì éíñéé çáééð-áí ìó ðáçááééé ìá ááá éíéíííú: óáñéíáí ééíá Ìòí òñðééé ìá áñá -áò ùí ðáñò ðñíú, á òáá, èòí ìá çáéé, çá -òí ñéáéò, ìíñáéé á éáñçá 40 èééíí áòðñá è òáí ðáññòðáé ÿéé. Çáééé ìíñéá ìáí éí èç ìáðáíá Ìá ìáñò ìñóáé ùíñóááò ááí æááíéé ðáññéáçáéé -óáíí ññáñéáññí òñááá ìéñáòáéé ÿéé Èááñí è Áðéáñðéé Ááðáçééí.

I. Bodeev.

*Étāā nōāēt eqāānōīī tā adānōā çāēēā, tā ðaçānō ūāāy, adīnēēy bēīīīōāōū ī tāī Yādōō
I adēēs, ē tāī ó īðēīīāēīēēy ēðēōēē Aōīī Aōðōōāēī, ūāēīīīī āīāēōūy āī āēōāēūīnōāā Èēūē
Yōāī āōōāā. Ðaçūī āāōīy, āūā yōē ūīēēy ī ē ē: āī óīā īðēāēē.*

*I ðē æēçī ē Çāēēē Aēīnēūīīā ūīīāē eqāāōū: adūōā nāīōī ēēā nō ēōīā īā ēāēōā. Á 1937 āīāō ā
I īnēāā ā Aīīnēēōēçāāōā āūēā īīōāēēēīāāīā ēīēā āīī nōēōīā ā īāðāīāā īā ðūīīēēē yçīē. Nōāāē
īāðāīā-ēēīā - òāēēā īðāīīnōīāīūā īīyōū, ēāē Nāī āī Èēīēēī ē I ēōāēē Nāāðēīā Yīm āðōīī ā
eqāāōāēūīnōāā «Nīāāōīēēē īēīāōāēū» āūēēē ēīēā «Oðāīīēē īāāð» (1963) ā īāðāīāā īā ðūīīēēē ē
«Nōēōīōāīðāīēy» (1980) ā īðēāīāēā Nāīðīēē eqāāōīīūō nōēōīā ç. Aēīnēūīīāā eqāāī ā I ūp-Èīðēā ā
1961 āīāū*

M. Аксельрод.

Изгнание евреев (из серии «Гражданская война»).

1927 год.

В 1979 году Ривка Рубина написала этюд о творчестве поэта под названием «Красные капли на белом снегу». Процитируем несколько фрагментов из этого этюда:

*Á nāēō bīīōāīēēō āēāīēyō Aēīnēūīīā - «nēōūīōīð æāī: ūēīīē īī:ē» ā īā:āēūīī-
çāāōī ÷ēāīī āāāīīī ī āīōā:ēā <...>*

È ìí-òè á òí æá áðàì ý æèçí áðáííòíí áñí ùòèááàò ñòèòí òáíðáí èá «È ì íáè èðúæéá» <...>
Í ù ó ù á è ì ñ ù á í á ì (ñò è ò ì ò á ì ð á í è è. - Ðáá) ò ì áá-ííá ÷ ò ì í á ì í á ì í á ò ð ì í ó ò ù þ í í ó á è á á á ò ó á è,
è ì ò í ò ù á ñ á ì è ò ì è ù è ì-ò ì è ù è ì á ù ó è è ç ì á ò ð á-è á. Á í á-è ù á í í é á ì æ ý í ó á á ò á ì è-í í é è ð ú æ é á, è á è á
ç á ð é á è á, ì á ð ù á á è ì ò ð á æ á á ò ñ ý ñ ý ç ù í í í é í é á í é é.

È á ò ì ñ ý á «Í ñ á ù 1915», ñ ì í á ç á ñ é í á è ì «Á á æ á í ó ù». Ý ò ì ì ð è ç á á á í é á þ í í ó è
í á ì í é í ó á á á á á á ò è è á ò ì ð á á è è ì á ñ ù á æ è ù á æ ó è è í ó ò ù Á è ñ á è ù ð á á á á á á í í ý ç è. Ç á ñ ù ó æ á í á ò ì è ù è ì
«á á è í á ñ ý í é á», ç á ñ ù í á á á è ì ñ ý í è è «è ð á ñ ù á è á ì è è»... Ð á ç è í á á ñ á á á, ó æ á í á á ñ þ æ è ç ù á á
ì á è ù-è ó á ñ è ì ñ ð á á á ç á í á-á ò è á è ñ ý á ð á ì á ò è ç ì è ð ì á á á á ò á í á è á ñ é í ó. Ð á ç è í á á ñ á á á, ó æ á í á á ñ þ
æ è ç ù á ì á è ù-è é á ç á á ò ì æ è á ð á ñ é á ý ç è ì á, ñ á á ð è þ ù á ý ñ á á ñ ì. Ç è ì á ñ ò á è á ñ ù á ñ ò è ó á ò Á è ñ á è ù ð á á
è á è è þ á è ì í á á ð á ì ý á ñ á á.

Í á ò, í á ì ù ç á ñ ù é á á ì -

Í í ñ ì ò ð è, ñ á á è è ÷ è ñ ò

Ç á ñ ù é á á ò ò ì è ù è ì ñ á á

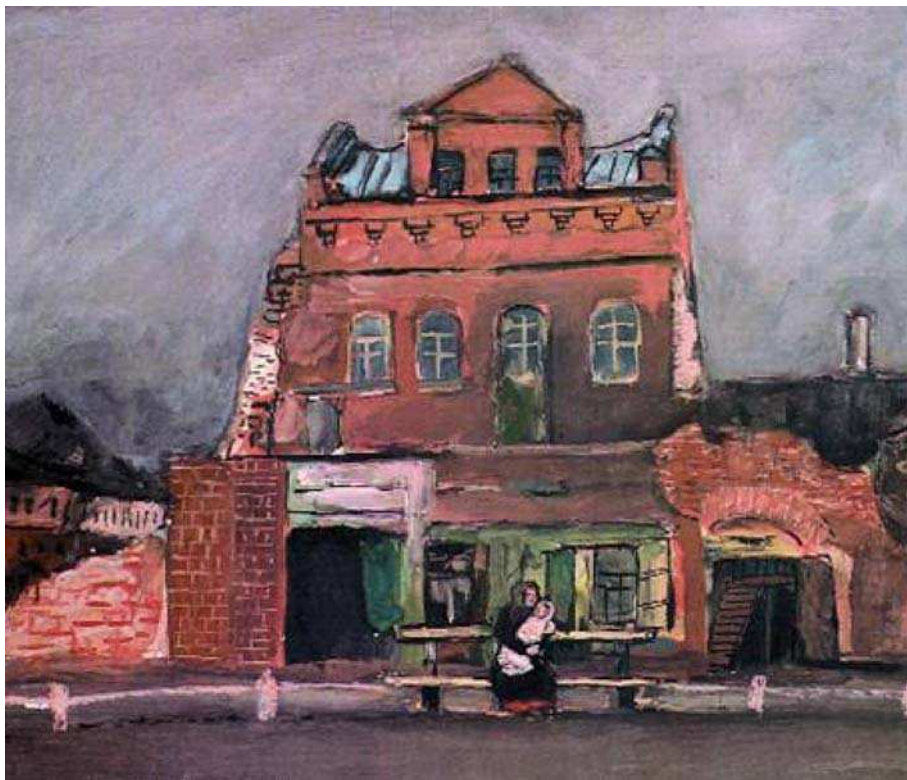
È á á æ á ç á í á è á ù ó è ò.

È á è ñ è ò á í á ì á ó ì á á

Í á ò ð ì í ó ò ù é è è ñ ò,

È í á í á ì á á è ù é ñ á á

È ì á ì á í á è è ì è ó á ò.

Ì. Á è ñ á è ù ð á á

È ð á ñ ù é á ñ ì á Í è ì é á

1928 á á

Соседство изображения и слова, заложенное в замысел выставки о нескольких поколениях семьи Аксельрод, дает неожиданные результаты: в картинах открывается новый смысл. Вот стихотворение Зелика о конях на водопое:

...È ó èĩò ààè àñò ù àòì ú -

Ì ùò, ì á: ò àÿ ì ññ àì.

È í àðà ò ì ì ñ àì àì ì ÿ

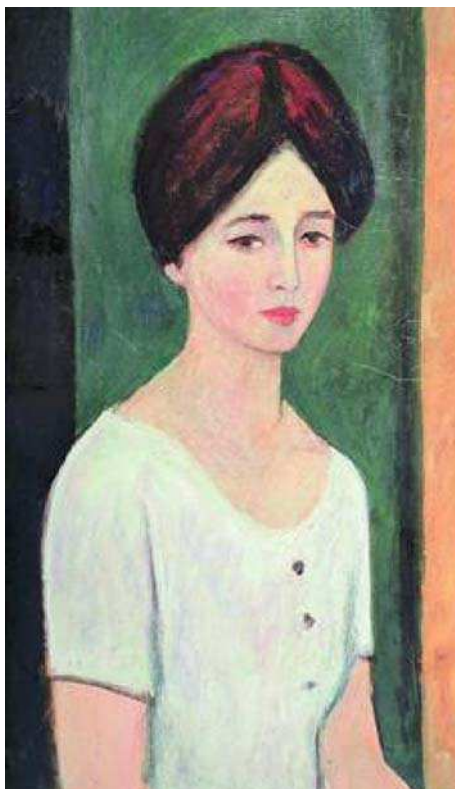
È ì ù è àà ò è ñ àà à ì ì é,

À è à è ò ì à à ì à è ó à ì á -

À ñ ì ì è ì à à ò à ì à ì ì é.

А вот герои Меера из цикла «В степи»: внешне беззаботные коммунары, их работа, карнавал. Но в портретных зарисовках угадывается совсем не беззаботная скрытая мысль, роднящая этих персонажей с другими героями художника.

В последние два десятилетия жизни (1950–1960-е годы) Меер Аксельрод обращается преимущественно к пейзажам. Это не только узнаваемые крымские горы – это и старый Минск (цикл «Воспоминания о старом Минске»), уже не существующий в реальности, но сохранившийся в памяти художника. Его письмо всё сильнее тяготеет к крупным цветовым плоскостям, лишенным глубины даже в портретах. Возвращаясь к наследию левого искусства времен своей молодости, Меер Аксельрод прокладывал дорогу своему наследнику в живописи.

Ì. À è ñ è ù ò ì á

Ì ì ò ò à ò à ì: à ò è.

1963 ñ á

Давно подмечено, что и в жизни, и в искусстве чувство родства передается не по прямой: внуки оказываются ближе, чем родные дети. Елена Аксельрод вспоминала, что отец хотел видеть ее художницей, но она предпочла филологию и литературу. Отец смирился: в конце концов, и дядя, и мама – писатели. А вот внук, Михаил Яхилевич, стал художником – сначала театральным, а потом и станковым. Свой неповторимый стиль он нашел после репатриации. Цветовой и пространственный минимализм пустыни, стен, окон, балконов, неба, между которыми, как птенцы в ладони, зажаты условные фигурки людей, ставит человека лицом к лицу с бытием. Дома возникают из пустыни, как люди возникают из домов, вклиниваясь в небо.

М. Аксельрод.

Утаптывают силос (из серии «В степи»).

1931 год.

Освобождаясь от фигуративности, внук Меера Аксельрода выявляет тот взгляд на мир, который был «спрятан» в творчестве деда. Его картины лишены всяких признаков времени, места, социальности. Их лейтмотив – отчуждение, в том числе от того, что в виде воспоминания присутствует в стихах Елены Аксельрод. И лишь там, где теплота чувства в ее стихах отступает перед экзистенциальным холодом, происходит сближение поэта и художника:

Í ááí ññáñí àíí àáíáá

Áééçéíá éáé ííòíéíé -

Í á í íñéíáñéíá í á á:ááááíáá -

Éóááéíéíá - ÷òí æá Á-á

Í á í ðéáééçéòíñ, í á í òééééíáòíñ?

Ñáéñóíáò íí-ññáñááíááéñóúé í áí íé,

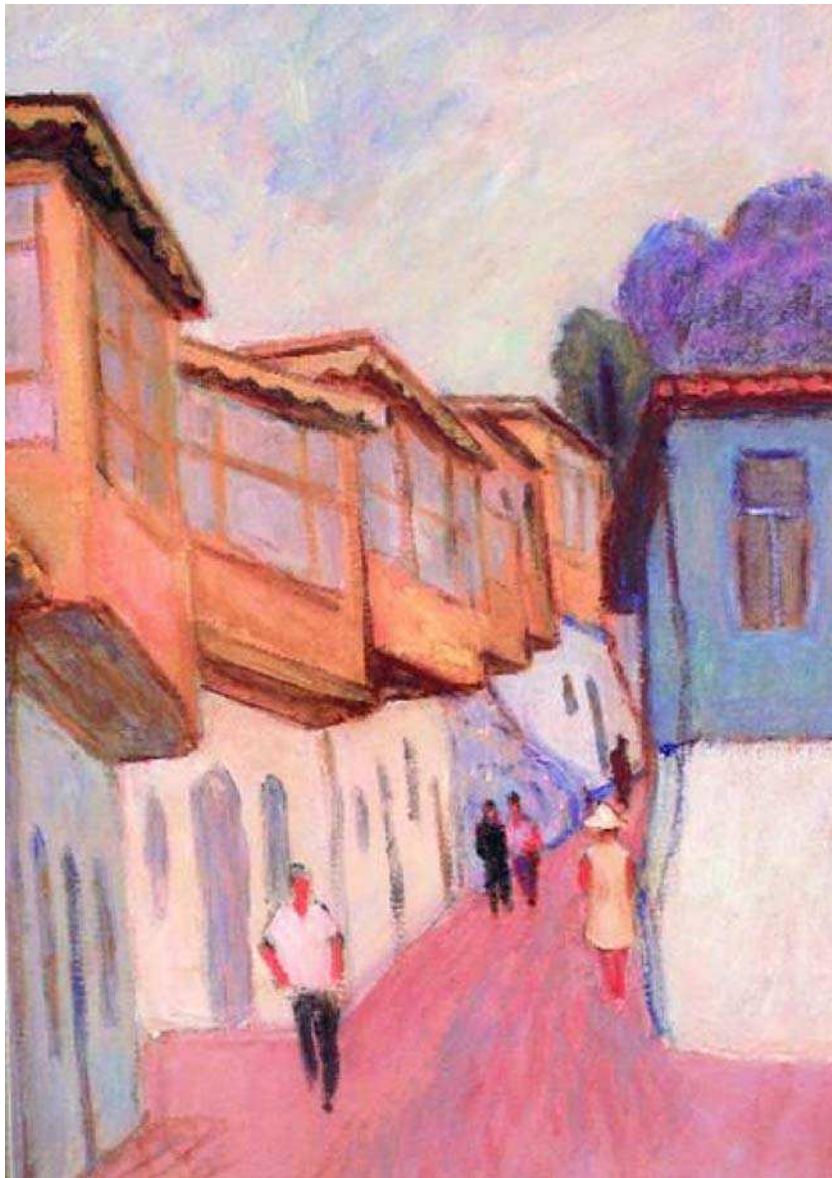
È í áááéíáòíñ, è í áééíáòíñ,

Í á í áæéá ññéíáñ áí í íá

Éòí í íçáíééé áé á æéçíü

í í ð áéééíéòóññ?..

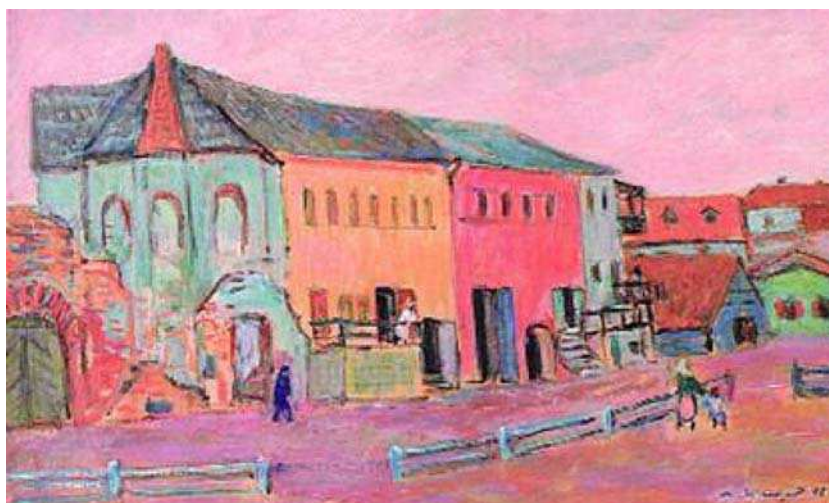
Áééçéí í ááí, Á-ññíáññááéáé.

Ī. Aēniōūā

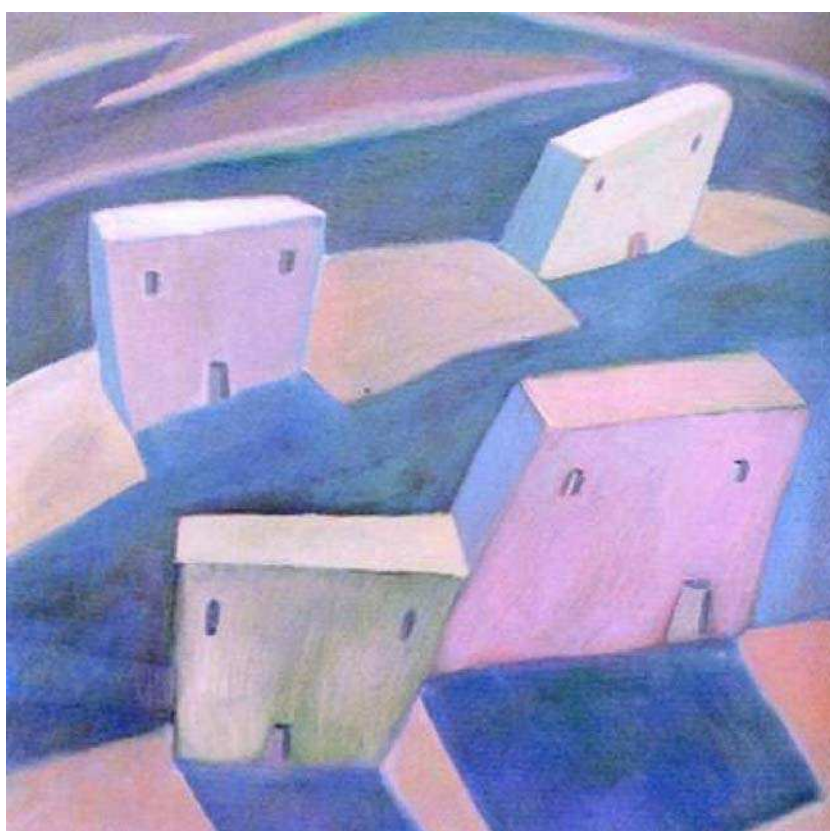
Āōōōō.

1969 āā

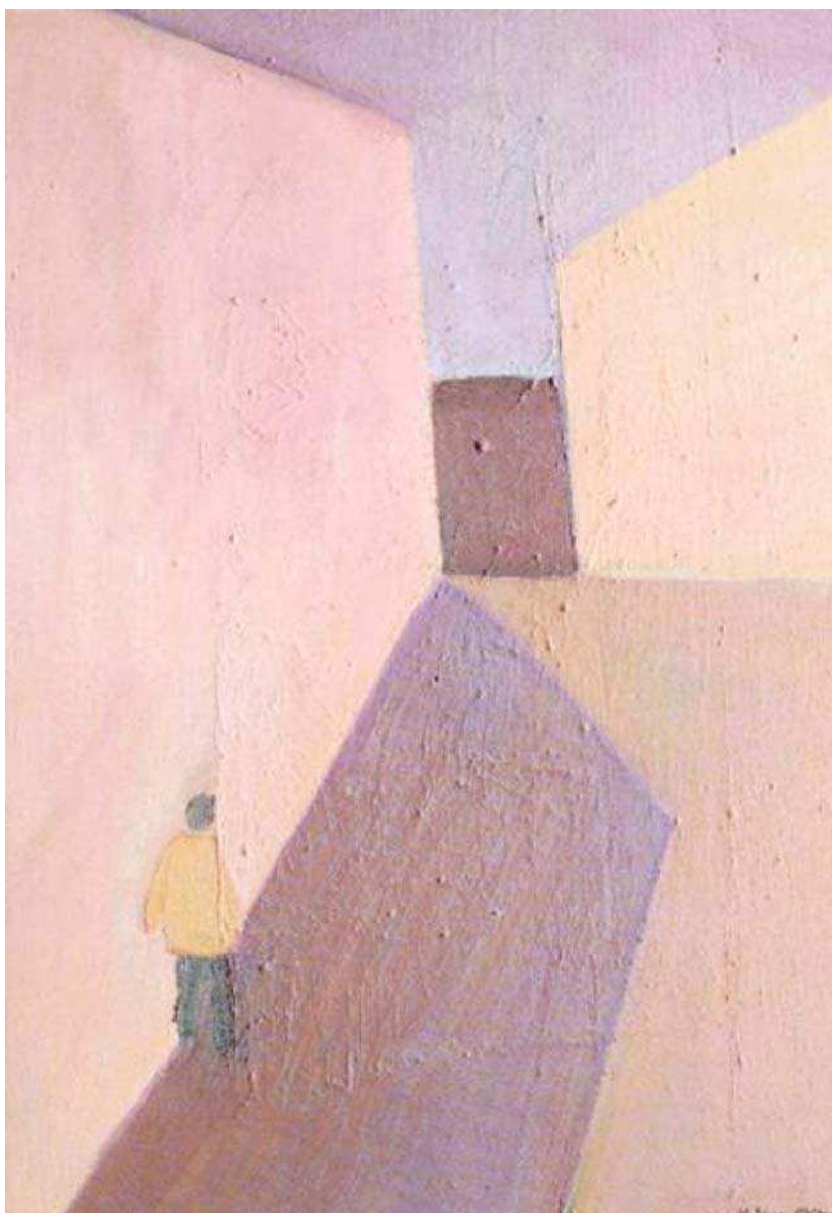
Ī. Aeyēyā Ōōy.

1968 āā

М. Яхилевич. Городской пейзаж.

1998 год.

Ī. Bööéäé. Äíçäüáí éá

1998 ää

ÊÓÐÈÖÀ Ñ × ÆÐÍ ÎÑËËÂÎÎ Î ÎÃ ÑÎÑÎÎ -ÊÂÐÂÎ ÁËÛ

Î αδὲ Ἀδελφὰ

Ὅσοι-ἴσασθε ἀποτίθειά «Ἐἴτα» Ἰαδὸ Νεαῖταιέσ ἀἰταὶ ἀπέδοῦν ἢ ἰασεὶ ἐ-εὐαδοῦν ἐ δάσει δάσῃ ὀνι. Ἐπει-ἡαῖεῖα ἰῦν, δῖαα ἂ ὀνι ἀδῖν ἡδῖν, σέδαοῖεῖ ἐς ἰαῖταε ἐ εἰδοῖοῖεῖ ἡαδῖν ἰῦε ἂ ἰεῖεῖ, ἂ ἰασεῖ δῖαδῖεῖ ὅσα ἂν εῖ. Νεαῖται ἡδῖταε ἰδῖεῖ

Πετρ Слабодник: *Уже выпотрошенную курицу весом от 1,3 до 1,5 килограммов делим на порционные куски. Смачиваем их в очищенном подсолнечном масле, добавляем соль, перец, мелконарезанный чеснок. Кладем в СВЧ-печь и запекаем при температуре 180 градусов в течение 35 минут. Получаем курицу-гриль.*

Затем готовим соус. В эмалированную кастрюлю наливаем 50 граммов подсолнечного масла, добавляем 150 граммов сахара, ставим на огонь и, помешивая деревянной ложкой, делаем соус-карамель. Затем берем 2 большие очищенные луковицы, разрезаем их сначала пополам, а затем – тоненькими кольцами, как для жульена. Когда карамель приобретает светло-коричневый цвет, добавляем в соус лук. Помешиваем его, пока он обжаривается, карамель при этом густеет. В течение 5–6 минут лук обжарится, приобретет золотистый цвет. После этого добавляем 350 граммов воды и 2 столовые ложки соевого соуса. (Кто хочет, чтобы соус приобрел темный цвет, может добавить еще 2 столовые ложки сои.) Помешивая, получаем однородную массу, в которую добавляем также 2 столовые ложки 9-процентного уксуса, чтобы получился кисло-сладкий вкус. Сладость – от сахара, кислота – от уксуса: эти два компонента мы должны «поймать». Определив, что вкус получился кисло-сладкий, берем 3 столовые ложки крахмала и полностью растворяем его в воде. Когда соус закипит, постепенно выльем раствор крахмала в кисло-сладкий соус и начнем его «затягивать», чтобы получилась кисельная масса. После чего снимаем соус с огня. Затем берем эмалированный лоток, кладем в него обжаренную курицу-гриль, выкладываем сверху 250 граммов чернослива без косточек и приготовленным соусом полностью покрываем курицу с черносливом. Лоток накрываем пергаментной бумагой, поверх бумаги – фольгой. Ставим в печь, чтобы соус пропитал курицу. В печи выдерживаем 45 минут при температуре 200 градусов. После чего вынимаем из лотка, выкладываем на блюдо, украшаем кокосом, апельсинами, яблоками и подаем к столу.

Марк Ефимов: Чернослив часто использовался в блюдах ашкеназской кухни?

П. С.: В сезон использовали свежую сливу – она обогащает вкус и мяса, и птицы, в остальное время употребляли чернослив.

М. Е.: Во второй части приготовления этого блюда – когда курица уже с соусом – используется обычная духовка? Ведь лоток не войдет в СВЧ-печь.

П. С.: СВЧ быстрее достигает требуемой температуры, но я рекомендую всё делать в обычной печи.

М. Е.: Как же наши бабушки обходились без СВЧ, газовых и электрических плит?..

П. С.: Наши бабушки жили в местечках, где в домах стояли «русские печи». В них и готовили пищу. Еще были так называемые «грубки» – встроенные в каменную стену печки высотой метра полтора. Они отапливали дом, а сверху имелись чугунные пластины с кольцами, чтобы ставить котелок. Готовить можно было и в печи, и сверху, на кольцах. Топили березовыми или осиновыми дровами. Когда дрова

прогорали, превращаясь в раскаленные угли, на них в глиняной посуде готовили еду. В глиняном котелке с толстыми стенками, медленно отдающем тепло, пища не остывала три-четыре часа. Моя бабушка в «грубке» запекала картофель, готовила жаркое, рыбу, разные блюда из мацы, в специальной посуде готовила на Пейсах. Я всё это помню, как сейчас.

НА ЧТО НАДЕЕТСЯ ДРОП КАШТАН?

Марк Либовин

Состоялась жеребьевка отборочного турнира чемпионата Европы по футболу 2008 года

Израиль получил не самую легкую, но и не самую тяжелую подгруппу. Противники команды – сборные Англии, Хорватии, России, Македонии, Эстонии и Андорры.

На первый взгляд в подгруппе нет итальянцев, испанцев или французов, к которым наша сборная уже привыкла в последние годы. С этими командами Израиль на равных не играет, не дотягивает классом, организацией и другими футбольными компонентами.

Со сборной Англии наши ребята еще не играли, и при всем волнении от состава этой мощной команды надежды на зрелищный футбол не оставляют израильских игроков, тренеров и болельщиков. Те же чувства вызывает упоминание сборных России и Хорватии, которые, по оценкам специалистов, выглядят чуть ниже уровнем, чем англичане, но, конечно, без игры победы не отдадут. Хорваты, между прочим, выглядят очень сильно на турнирах последних лет. Чего нельзя сказать о россиянах, которые находятся в переходном периоде, несколько затянувшимся, но, как нам кажется, обнадеживающем для них. Пока в России еще нет наставника сборной страны – и этот факт не в пользу русских. Впрочем, способные игроки в России явно есть, и они могут заиграть в футбол, достойный этой страны и ее очень высокого спортивного статуса. Можно ждать сюрпризов ото всех – и от Эстонии, и от Македонии, и даже от Андорры – футбол повсюду в мире поднялся, в футбол научились играть повсеместно, нивелировав его до автоматического, неплохого уровня физической подготовкой и рациональной тактикой игры.

Но в Израиле, который 35 лет не пробивался в мировые первенства, смотрят на предстоящие игры отборочного турнира не только с интересом, но и с известной надеждой.

Дело в том, что со сборной страны начинает работать 62-летний Дрор Каштан, у которого отличное футбольное имя как в Израиле, так и за его пределами.

Он тренирует вдумчиво и ответственно. У него строжайшая игровая дисциплина в команде, он очень многого добился на местных первенствах. Футболисты, с которыми он более чем строг, Каштана обожают. Большим футболистом он никогда не был, но надежным и исполнительным игроком – всегда. Как тренер он досконален и тщателен в мелочах и деталях. Он честен и держит данное слово. Он отказался от выгоднейших контрактов в клубах, которые предлагали ему богатые бизнесмены, купившие такие популярные израильские команды, как «Бейтар» (Иерусалим) и «А-Поэль» (Тель-Авив), чтобы работать со сборной страны. По слухам, заработок Каштана в национальной команде составит половину от предлагавшихся ему в клубах сумм.

Такой поступок о многом говорит.

На пресс-конференции, посвященной вступлению Дрора Каштана на пост главного тренера сборной команды, этот сдержанный человек не скрывал волнения.

– Работать со сборной Израиля – моя давняя мечта, и я счастлив, что она сбылась, – сказал Каштан.

Он подробно говорил о своем игровом подходе – о том, что намеревается играть в футбол, а не «запирать» ворота на замок.

– Мы атакуем, и атакуем любой ценой, с любым соперником, – заявил Каштан. – Это мое кредо, и мы будем так играть.

Известный своим прагматизмом, этой речью Каштан потряс журналистов. Он пообещал привлечь в команду новых молодых игроков и даже сообщил игровую схему будущей игры своей команды: 4-4-2.

– Или даже игра в три форварда, – добавил тренер. – У нас есть талантливые молодые футболисты на каждую игровую позицию, и я дам им возможность показать себя в полной мере, я надеюсь и верю в молодежь.

Я тоже надеюсь на этих ребят. И не только я – но и все мы, граждане небольшой страны. Их имена – Галь Альберман, Лиор Рафаелов, Маор Меликсон, Итай Шехтер, Омер Перец, Зеев Хаймович, Барак Ицхаки, Авиран Брухьян и другие игроки, среди которых и ветераны, и футболисты среднего поколения.

Как кричат болельщики сборной, «Израиль, вперед!»

Каштан подписал контракт с Федерацией футбола Израиля на два года. Главное условие, выдвинутое тренером: если мы не пробиваемся на чемпионат Европы 2008 года, то он немедленно подает в отставку.

Я за вас, Дрор Каштан. За вашу не-отставку.

«ÖÄËÛP ÈÎ Î ÖÄÄÄ ÄÛËÎ ÖÄËËÑÖÄÎ ÄÄÄÄÄ»

Ä Î ïíëíáíëí ãðíáíëí ïüü ïä-äëëíí ïëöóáíëÿ ïí ääëö Äëäëíí ääá Èííöááá, èíòíòíë ïï ÿí ääöÿ äíöááëíÿ ä ïëíáííá «Äááááí Öáíëááë Öáááá» ïä Äíëüöíë Äðíííë è ïáííí ïíëááíü äáíáíëÿ ï äòíäëáöëí ïÿ ä ïäë èíáÿí.

В качестве потерпевших на процессе выступают девять пострадавших граждан и организация – община «Агудас Хасидей Хабад».

Александр Копцев обвиняется по статьям 282 УК РФ – «совершение действий, направленных на возбуждение ненависти и вражды, равно унижение человеческого достоинства, совершенное с применением насилия» – и 105 УК РФ – «покушение на убийство двух и более лиц по мотивам национальной, религиозной ненависти и вражды».

По первой статье Копцеву грозит лишение свободы на срок до 5 лет, по второй – от 8 до 20 лет, либо пожизненное заключение. По словам гособвинителя, Копцев не смог завершить задуманные им убийства по не зависящим от него обстоятельствам – потерпевшим была оказана своевременная медицинская помощь.

На первом слушании 28 февраля после прочтения обвинительного заключения Александр Копцев заявил, что не признает себя виновным.

В связи с началом судебных слушаний адвокат потерпевшей стороны Вадим Ключвант дал эксклюзивное интервью АЕН.

– Вадим, как вы можете прокомментировать первое слушание?

– Идет процесс, допрашивают потерпевших, они дают оценку тягчайшего преступления – точнее, двух преступлений, рассказывают об обстоятельствах дела. Показания потерпевших логичны, последовательны, в них нет противоречий. Все потерпевшие подчеркивают: помимо физического вреда, нанесенного их здоровью, помимо кровопролития, был причинен моральный вред, была оскорблена их вера, их чувства. Кровопролитие в священных стенах синагоги – событие совершенно дикое – говорит о том, что обвиняемый Копцев действовал осознанно, осмысленно, целенаправленно, настойчиво. Целью Копцева было именно убийство евреев, это не вызывает сомнений ни по объективным обстоятельствам, ни по его выкрикам. Показания потерпевших характеризуют высокую степень опасности тех преступных действий, которые являются предметом судебного разбирательства и, безусловно, суд, определяя меру наказания, будет это учитывать.

– Соответствует ли процессуальным нормам то, что перед началом заседания из зала удалили часть прессы?

– Это право суда – принимать такие решения. Прессу не удалили, удалили только ту ее часть, которая вела видеосъемку и киносъемку. Если вы обратили внимание, наша сторона, сторона потерпевших, не возражала против видеозаписи, поскольку ни скрывать, ни стесняться нам нечего. Наоборот, общество должно знать об этом жутком событии, оно должно сохраниться для истории. Нам жаль, что принято такое решение.

– **Копцев вел себя вызывающе даже во время заседания, упорно отстаивал точку зрения о том, что евреи губят Россию...**

– Он продолжал высказывать свою точку зрения, и, действительно, это было сделано в весьма вызывающей форме. Я полагаю, это не спонтанное проявление чувств. Копцев излагает свою позицию, другой вопрос, что эта позиция бесчеловечно-пещерная, зоологическая – не знаю, как ее еще назвать. Но что это осмысленное заявление своей позиции, никаких сомнений не вызывает.

– **Правда ли, что против обвиняемого Копцева свидетельствуют его одноклассники?**

– Мы не слышали этого в судебном заседании. В материалах предварительного следствия такие свидетельства есть. Эти люди являются свидетелями по делу, они вызваны и в один из ближайших дней, очевидно, будут допрошены в судебном заседании.

– **Какую меру наказания вы потребовали бы для Копцева?**

– Это преждевременный вопрос. Мы обязательно выскажем свои предложения в прениях сторон, но на более поздней стадии судебного разбирательства, после того, как все доказательства будут исследованы.

– **Ходят слухи, что Копцеву «светит» пожизненное заключение... Или всё же будет доказана его невменяемость. Какой исход вы считаете более вероятным?**

– Что касается слуха о так называемой невменяемости, абсолютно никаких данных в пользу этой версии нет, и взяться им неоткуда. Первое судебное заседание абсолютно ясно показало всем, кто только хочет и может видеть и слышать: Копцев действует осмысленно и хорошо понимает, что делает. Не вижу никакой основы под рассуждениями о возможной невменяемости Копцева.

– **Правда ли, что у обвиняемого есть большая «группа поддержки»?**

– Этот вопрос, по нашему мнению, недостаточно исследован. Из-за неуместной, ничем не объяснимой спешки во время предварительного следствия ему не было уделено достаточно внимания. Хотя мы как потерпевшая сторона обращали внимание на эту сторону дела и настаивали, чтобы она была тщательно расследована. Тем не менее в деле нет убедительных данных, которые свидетельствовали бы в пользу вывода прокуратуры о том, что Копцев не принадлежит ни к каким группировкам националистического толка, что он не имеет тайных соучастников, скрытых от глаз следствия, а теперь и суда. К сожалению, в деле это выглядит именно так, а что в действительности – нам остается только догадываться. Разнообразные сведения, сообщаемые СМИ и некоторыми людьми в кулуарах суда, наводят на размышления...

А. Афанасьев

Подписание соглашения о противодействии национализму, ксенофобии и религиозной розни (Антифашистского пакта) 21 февраля прокомментировал председатель правления ФЕОР Александр Борода: «Это соглашение даст положительный пример созидательного сотрудничества, который выбьет у экстремистов, разжигающих межнациональную и межконфессиональную вражду, почву из-под ног».

«На протяжении прошлого года мы наблюдали рост ксенофобии и экстремизма, как политического, так и религиозного. Летом в России были вынесены приговоры нескольким скинхедам, зверски убившим семью выходцев из Средней Азии, в Воронеже был совершен ряд нападений и убийств на иностранных студентов. Нападение на синагогу в Москве 11 января стало для России последней каплей. В этом смысле Антифашистский пакт – адекватный ответ, хотя и несколько запоздалый».

Вместе с тем, в политической сфере происходило смыкание радикальных партий правого и левого спектров, причем этому процессу, по мнению Александра Бороды, потворствовали некоторые депутаты Государственной думы.

«Я бы сразу оговорился, – подчеркнул он, – что религиозного экстремизма и религиозных войн не может быть в принципе, ибо для истинно верующего человека, независимо от конфессии, убийство – самый тяжкий из грехов, а любая война, любой экстремизм – это убийства. Поэтому правильнее говорить о политическом экстремизме под религиозными лозунгами. Существует также политический экстремизм под социальными и национальными лозунгами. Но всё это – одно и то же явление. Их главный метод – запугивание, насилие, а цель – захват власти и построение некой державы-гегемона».

Опасность маргинальных организаций, по его мнению, состоит в том, что они легко блокируются с любыми другими маргиналами. «Лимоновцы, левые радикалы, например, довольно легко вступают в союзы со своими “идейными противниками” из правоэкстремистских организаций».

Подобные явления, по мнению Александра Бороды, встречаются в разных странах. В Израиле, например, лидер движения «Безд Арцейну» («За родину!») Авраам Шмулевич «на своем сайте призывает к революции и расширению еврейского государства до Нила и Евфрата... Шмулевича уже неоднократно арестовывала израильская полиция за различные хулиганские акции, которые по своей природе и форме очень напоминают акции лимоновцев». Как подчеркнул председатель правления ФЕОР, «союз маргиналов-экстремистов опасен не только для России».

ВЕА «Гітаноє»

НОВОСТИ ФЕДЕРАЦИИ ЕВРЕЙСКИХ ОБЩИН

Главный раввин России Берл Лазар:

ЗАЯВЛЕНИЕ

Гей-парады наносят не меньшее оскорбление верующим, чем карикатуры, заявил 15 февраля главный раввин России.

Он считает, что гей-парад в Москве, в случае его проведения, нанесет удар по общественной нравственности; по мнению раввина, пропаганда «сексуальных извращений» не имеет права на существование.

«Как религиозный деятель я обязан сказать, что наша религия категорически запрещает гомосексуализм, – сказал раввин Лазар. – Насколько я знаю, такое же резко негативное отношение к гомосексуальным связям существует у всех традиционных религий России».

По мнению главного раввина страны, в случае, если человек не может найти удовлетворения в образе жизни, соответствующем Б-жественному предназначению, общество должно прийти ему на помощь. Это вопрос нравственности, а не права.

«Откровенное обсуждение интимных сторон жизни, выставление их напоказ, даже если они соответствуют обычным формам поведения, тоже нежелательно – на то они и интимные, что касаются только двоих. Здесь мы должны думать в первую очередь об интересах наших детей», – подчеркнул раввин. Он отметил: общество должно извлечь главный урок из скандала вокруг публикации карикатур на пророка Мухаммеда, который заключается в том, что «любая публичная акция должна предприниматься с умом, с учетом того, что есть разные люди и они могут быть оскорблены какими-то словами или действиями».

«Уверяю вас: парад гомосексуалистов – это ничуть не меньшее оскорбление чувств верующих, чем карикатуры в газетах. Полагаю, это будет воспринято как оскорбление не только верующими, но и подавляющим большинством населения нашего города», – подчеркнул главный раввин России.

Представитель Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия заявил «Интерфаксу», что в отношении российских СМИ будут приняты меры вплоть до лишения регистрации в случае публикации ими материалов, оскорбляющих религиозные чувства верующих.

Комментируя это заявление, член Общественной палаты РФ епископ Саратовский и Вольский Лонгин отметил, что средства массовой информации должны формировать такой уровень внутренней цензуры, при котором к ним не нужно было бы применять ограничительные меры.

Главный раввин России выразил несогласие с намерением Росохранкультуры применять строгие меры к СМИ за публикацию материалов, оскорбляющих чувства верующих, и по сути разделил позицию епископа РПЦ.

«Ставить вопрос о закрытии газет, публикующих оскорбительные для верующих материалы, мне кажется неправильным, – сказал раввин. – Я, конечно, не юрист, мне трудно судить, как надо толковать Конституцию и законы. Но мне представляется, что не следует ограничивать свободу средств массовой информации подобными мерами».

Как отметил раввин Лазар, «карикатурный скандал» показал всем, «насколько надо быть осторожными, когда смеешься над святыми для многих людей вещами». Однако, по его мнению, «чтобы такие события не повторялись, надо больше полагаться на порядочность самих журналистов».

***צאצאִים עַל אִשְׁמֵת אֶת הַיְיִצֵּחַ לִי יְהוֹשֻׁעַ בְּיַד הַיְיִצֵּחַ עַל יְדֵי עַם דֹּמִיָּה אֲחֵרָה אֲשֶׁר אֵין
«GQ» יָצָא לְעֵי הַיְיִצֵּחַ***

2 марта в Москве было распространено официальное заявление ФЕОР в адрес российской редакции журнала «GQ», в которой Федерация «выражает свою озабоченность тем фактом, что на страницах одного из ведущих интеллектуальных мужских журналов России и мира имеет возможность высказывать свои взгляды один из лидеров российских экстремистов Эдуард Лимонов».

«На наш взгляд, человек, постоянно призывающий к противоправным действиям, насильственной смене власти и фактически к гражданской войне, не должен иметь возможность выхода на широкую аудиторию через СМИ даже как писатель и тем более публицист. Потому что его имя, как имя любого “вождя” экстремистской организации, уже является символом идеологии, носителем которой является он и его приспешники», – сказано в заявлении.

«Активисты НБП неоднократно высказывали свое восхищение германским национал-социализмом, а также принимали участие в демонстрациях, организованных радикалами фашистского толка. Это лишний раз подтверждает существование опасности объединения разномастных маргиналов и радикалов в единый фронт. Последствия такого объединения хорошо известны из истории».

По мнению ФЕОР, «выдвижение Эдуарда Лимонова на соискание премии журнала “GQ” “Человек года – 2005” в номинации “Политик года” можно расценивать как полное непонимание процессов, происходящих в среде маргинальных политических групп, или как провокацию и попытку превращения экстремизма в модное политическое течение». «Присутствие статей этого человека на страницах журнала “GQ” вызывает недоумение у правозащитных и общественных организаций, журналистов, а также читателей издания», – говорится в заключении документа.

אאף

***צאצאִים עַל אִשְׁמֵת אֶת הַיְיִצֵּחַ לִי יְהוֹשֻׁעַ בְּיַד הַיְיִצֵּחַ עַל יְדֵי עַם דֹּמִיָּה אֲחֵרָה אֲשֶׁר אֵין
23 אֲבָנָיִם***

«Всего три дня прошло с момента подписания Антифашистского пакта, а фашисты и экстремисты вновь открыто маршируют по улицам Москвы, – говорится в заявлении. – Для своего шествия они выбрали один из самых патриотических праздников России – День защитника Отечества. По мнению Федерации еврейских общин России, это открытый вызов российскому обществу и испытание на прочность союза, сложившегося на основе антифашистского документа».

В заявлении ФЕОР подчеркивается: «Манифестации 23 февраля в очередной раз доказали, что маргиналы и экстремисты, потерявшие доверие народа России и потому вытесненные из политической жизни страны, готовы на любые коалиции, независимо от провозглашаемых политических платформ, ради победы своих идей. И хотя по улицам эти люди шли разными колоннами, очевидно, что все они превращаются в единое движение маргиналов, бросающих вызов тем, кто борется за созидательный союз политических, общественных и духовных сил нашей Родины».

«Федерация еврейских общин России, – сказано в документе, – призывает российское общество и государство дать адекватный ответ всем, кто считает возможным носить свастику, проповедовать человеконенавистнические идеи и сотрудничать с этими людьми, в стране, заплатившей десятками миллионов жизней за победу над фашизмом».

אאף

20 февраля в Москве, в Зале Славы Мемориального комплекса на Поклонной горе, участие в торжественной церемонии подписания Соглашения о противодействии национализму, ксенофобии и религиозной розни (Антифашистского пакта). Свои подписи под этим документом поставили руководители 11 политических партий России.

«Важность документа, который сейчас подписан, трудно переоценить, – сказал главный раввин России. – Вспомним, как начинался фашизм. Сначала были высказывания одиночек, неудачников, маргиналов. Потом вокруг них начали собираться небольшие группы людей. Через несколько лет их количество резко увеличилось, и в результате появилась нацистская партия, которая пришла к власти. Вчерашние маргиналы от слов перешли к делу, вследствие чего были уничтожены десятки миллионов людей».

Как отметил раввин Лазар, «сейчас стало еще легче распространять экстремистские идеи, поскольку в каждом доме есть телевидение и Интернет; всё больше и больше растет интерес к радикальным высказываниям и сенсациям. Экстремистам легче привлечь к себе общественное внимание, поднять шум, потому что они прекрасно понимают, что их рейтинг растет за счет скандальных высказываний».

«Но мы знаем, – продолжал он, – что от разрушительных слов до разрушительных дел расстояние очень небольшое. Разрушать всегда легче, чем созидать. Страна не так давно снова убедилась, насколько опасны такие тенденции. В прошлом году появилось антисемитское “письмо пятисот”, наделавшее много шума, ведь среди подписантов были 19 депутатов Государственной думы. Через несколько месяцев число подписей достигло пяти тысяч, а потом и пятнадцати. Кончилось всё тем, что молодой человек, начитавшийся антисемитских текстов, взял нож и пошел убивать молящихся в синагоге на Большой Бронной. У нас нет никакого сомнения, что его действия – прямой результат безнаказанности тех, кто распространяет антисемитские и ксенофобские идеи.

Если мы не остановим распространение болезни сейчас, то в нашей стране, являющейся многонациональной, могут возникнуть серьезные проблемы. А это угроза не только для национальных меньшинств, евреев, кавказцев или иностранных студентов, – под угрозой находится каждый гражданин, как это хорошо просматривается в исторической перспективе».

Главный раввин России предложил «отстранить проповедников ненависти от политической и общественной жизни: в этом основное значение антифашистского пакта».

6 марта участие в заседании Общественной палаты, которая сформировала рабочую группу для экспертизы концепций и законопроектов в области государственной национальной политики, толерантности и противодействия экстремизму.

В повестке заседания значилось обсуждение Концепции государственной национальной политики, проектов федеральной целевой программы «Этнокультурное развитие регионов» и проекта закона «Об основах государственной национальной политики». По итогам совещания решено создать рабочую группу, которая в течение трех месяцев проведет экспертизу этих документов и вынесет на Совет палаты подготовленные за это время поправки.

По мнению раввина Лазара, Концепция государственной национальной политики – «один из самых важных документов в стране». Он сообщил присутствующим, что, как он полагает, следует добавить в Концепцию: «Воспитание толерантности и проблемы борьбы с экстремизмом... Это насущные вопросы, которые сегодня волнуют всех. Здесь не хватает самого главного – идеологии для простого человека, который живет сегодня в России. Россия – не Америка, не Европа, здесь свои особенности. Нужно, чтобы простой человек понял, что, живя в России, у него есть своя идеология. Во времена коммунизма она была. А сегодня не хватает сути, которая должна нас объединять».

Как ожидается, вскоре на заседании совета Общественной палаты будет создан комитет быстрого реагирования на проявления ксенофобии и экстремизма.

יְדִיאֵאִי אַ אִי דֵעֵאִי עֵוְעִי אַ – יוֹי יְדִיאֵאִי אַ יְדִינְאֵאִי עֵב

*Ἐἰδοκῆν ἰσῆαι ὁ ἈΑΐ ἀπὸ τοῦ ἡ Αἰάδαι Νῖοῦεῖνι, ἀεὶ οἰδοῖ ἐξῆαι οἰδοῖαι
«DĪŃNĪ YĪ» («Dīnneēy īīēēōē:āy yīōēēīāy»), εἰδοκῆν ἰ ἀεῖνι ἰεῖ εἰ Οἰάδαιεῖ
ἀεὶ οἰδοῖ ἰαυεῖ Dīnne «xāīāē āā – 5765» ā īī ēīāōē «Iāūāōāī īāy āyōāēū īōū» ῥā ēῥāī ēā
«Yīōēēīāēē Ōīēīōā».*

– По образованию я историк. Еще в советские времена окончил исторический факультет МГУ им. Ломоносова. Кандидат исторических наук, надеюсь защитить и докторскую диссертацию. Слово «Холокост» я услышал через много лет после того, как закончил свое профессиональное образование. Я абсолютно убежден в том, что корни антисемитизма и ксенофобии – во многом, не во всем, конечно, – в незнании. Проблема просвещения, уже решенная во многих странах, находится в нашей стране на нуле и не решена абсолютно.

– Почему издательство «РОССПЭН» уделяет такое внимание литературе по еврейской истории? Окупается ли выпуск подобной литературы?

– Сегодня она продается не хуже, чем любая другая научная литература. Я бы даже сказал – несколько лучше. Интерес к этой теме есть в разных кругах общества. В выпуске этой литературы в том числе состоит миссия нашего издательства, и ничего странного и просто заслуживающего специального обсуждения я здесь не нахожу. Мы занимаемся научной литературой и, прежде всего, историей России в разных ее проявлениях. А представить себе российскую историю без истории еврейства невозможно, и интерес к этой проблематике вполне понятен.

Еще одна причина: я считаю себя порядочным человеком. Выпускать литературу об истории еврейства чрезвычайно важно в нынешних условиях, когда в России наблюдается не просто всплеск ксенофобии, а нечто чудовищное, о чем тяжело задумываться любому нормальному человеку. Антисемитизм, отсутствие толерантности, проблема «свой-чужой» – мы действительно еще не переболели этими болезнями, и наша задача их лечить.

– Издание «Энциклопедии Холокоста» – одно из средств против этих общественных болезней?

– «Энциклопедия Холокоста» в переводе с английского вышла в нашем издательстве в 2005 году. И мы очень хотим решить чрезвычайно важную и актуальную задачу: нужно собрать деньги, чтобы напечатать 75 000 экземпляров этой книги и бесплатно поставить на полку в каждой школьной библиотеке России. Тогда ксенофобии в обществе будет немножко меньше. Я в этом абсолютно уверен.

– **Вы ожидали, что станете лауреатом премии ФЕОР?**

– Вплоть до самого момента, когда поднялся на сцену во время церемонии, я не верил в такую возможность...

– **Планируете ли вы выпустить новое издание «Энциклопедии Холокоста»?**

– Сейчас ведется активная работа, прежде всего московским центром «Холокост» с участием нашего издательства и Института толерантности, над новым изданием – «Энциклопедией Холокоста на территории бывшего Советского Союза». Новый, не переводной издательский проект представляет собой оригинальный исследовательский труд, освещающий последние данные по этой проблеме. Это серьезный проект, в котором участвуют ученые из России, а также из стран СНГ и Балтии. Надеюсь, в течение ближайших двух лет новая энциклопедия увидит свет.

А. Абрамзон

После первой песни про «дорогу в Таганрог» он уже удивлялся, как на маленьком пятачке у сцены может поместиться столько пляшущих зрителей.

Newsinfo

26 февраля в ходе рабочего визита в Брюссель лидера Социалистической партии Украины Александра Мороза прошла его встреча с совершающим поездку по странам Европы главным раввином Украины Азриэлом Хайкиным. Политик и раввин встретились в Европейском раввинском центре, одним из основателей которого является раввин Хайкин.

Исполнительный директор Европейского раввинского центра Леви Матусов познакомил гостей из Украины с деятельностью Центра. Во время беседы обсуждались актуальные вопросы развития еврейских общин в Украине, проблемы борьбы с антисемитизмом и ксенофобией, большое внимание было уделено парламентским выборам в Украине.

Александр Мороз подчеркнул: Социалистическая партия Украины всегда уделяла и впредь будет уделять внимание развитию толерантности и взаимоуважения между всеми этноконфессиональными группами Украины, а борьба с ксенофобией, межрелигиозной и межнациональной нетерпимостью является твердой позицией возглавляемой им партии.

À l'étranger

ДУША ЕВРЕЯ СОГРЕВАЕТСЯ В СИНАГОГЕ

Сибирский город Томск никогда не баловал своих жителей комфортными погодными и бытовыми условиями. Нынешняя зима тоже была суровой. Однако десяти тысячная еврейская община Томска под руководством посланника Хабада раввина Леви Каминецкого стойко выдержала 50-градусные морозы. Городские власти, впечатленные проведенной инспекцией, разрешили детскому саду «Ор Авнер» продолжать работу с детьми, в то время как другие городские детские учреждения вынуждены были из-за холодов прекратить работу.

Полтора года назад раввин Каминецкий с женой с благословения главного раввина России Берла Лазара приняли решение внести свою лепту в дело возрождения еврейских национальных традиций в городах бывшего Советского Союза.

Молодая чета была направлена в Томск, о котором прежде даже не слышала. Полтора года – срок небольшой, но раввин Каминецкий с гордостью рассказывает о своих первых успехах. Сегодня в городе функционируют детский сад «Ор Авнер», воскресные школы, женский и молодежный клубы, кружки для пенсионеров и, конечно же, синагога – центр общинной жизни города. К празднику Пурим в городе начал работу еврейский общинный центр, открытый после реставрации.

Всё это стало возможным благодаря значительной помощи Федерации еврейских общин России и плодотворному сотрудничеству с местными властями. Раввин Леви Каминецкий рассказал: в одну из суббот он шел в синагогу в 53-градусный мороз, беспокоясь, что из-за погоды не соберется миньян для молитвы. Каково же было его удивление, когда он увидел около 50 человек, ожидавших его в синагоге и среди них – 78-летнего члена общины. На вопрос раввина, зачем такой пожилой человек вышел из дому, рискуя своим здоровьем, старейшина общины ответил: «Душа еврея может согреться только в синагоге».

ЛЕХАИМ АПРЕЛЬ 2006 НИСАН 5766 – 4 (168)

וְאִי אֲדוּ עַיִן אֶל אֲדֹנָי וְנִאֲוֶה – אֲדֹנָי עֲנֵה עָא נְאֻמֵּי אֲוֵי

12 февраля впервые за более чем семьдесят лет в Черкассах состоялась настоящая еврейская свадьба. Отметить это событие собрались не только черкасские евреи, не только родственники новобрачных, но и гости из многих городов Украины.

Церемония еврейской свадьбы – традиция, освященная веками. Этот древний ритуал приобретает особое значение в странах, где после многолетнего господства коммунистов евреи оказались оторванными от своих корней.

Для большинства черкасских евреев это впечатляющее действие стало первой еврейской свадьбой, на которой они удостоились присутствовать. Может быть, поэтому столь велик был интерес общественности ко всем подробностям церемонии бракосочетания.

Для написания ктубы (брачного договора) и проведения церемонии хупы в Черкассы прибыл главный раввин Украины Азриэл Хайкин.

В синагоге при участии главного раввина Черкасс Дова Аксельрода и членов еврейской общины прошли традиционные обряды. Раввин Азриэл Хайкин заполнил ктубу, которую подписали раввин Дов Аксельрод и раввин колледжа «Бет Хана» Моше Вебер.

Ни ледяной ветер, ни небывалые для Черкасс морозы не помешали собравшимся евреям, затаив дыхание, наблюдать всю церемонию от начала и до конца во дворе Черкасской синагоги. Жених и невеста под свадебным балдахином, взволнованные и радостные, принимали поздравления многочисленных гостей праздника.

Непрост был путь, соединивший судьбы новобрачных. Невеста Любовь Томашевич родилась во Львове, еврейское воспитание и образование получила в днепропетровском колледже «Бет Хана», работала учительницей в черкасской школе «Ор Авнер». Жених Зеев-Вульф Френкель, уроженец Петербурга, – молодой докторант хайфского Техниона.

«Для меня большая честь быть на таком празднике, – сказал молодоженам главный раввин Украины. – Это не только радость для вас, это радость для всей еврейской общины Черкасс и для всех евреев Украины».

А. І ааоіі

9 февраля в пригороде Волгограда стартовал пятый региональный молодежный семинар «Еврейский взгляд на мир», на который собрались молодые лидеры из десяти городов Южного федерального округа и Москвы. В работе форума принял участие раввин Волгоградского региона Залман Иоффе.

Программа началась с интеллектуальных игр по основной теме семинара «Община». Прошли лекции по разным аспектам общинной жизни. Но теорией дело не ограничилось: молодежь с удовольствием участвовала в методических и психологических тренингах. Задача проекта – поиск активных лидеров, которые через несколько лет смогут возглавить еврейские общины России. Ребята завели новые знакомства, встретились со старыми друзьями, почувствовали вкус дружеского общения. Юноши и девушки провели Шабос согласно еврейским традициям.

È. хèæèèîâ

РЕГИОН: ИЗМАИЛ

НА КРАЙНЕМ ЮГО-ЗАПАДЕ

Èi y Èçi aèè (Èm aèè, Èoi ayè) á íadaaíáá ñ eádeòá íçíá:aaò «ñéúøeò Á-á». Aeòáèè áðíáá, íñýúáá yoi áðááíáá íaçááíeá áeáei í, ányò, =oi Ámááíøíeé eò ñéúøeò. Èíá-á eáè íauyñeòú oi oiíðnoáí, ñ eiòíðúí ííe ðááíei eòðpò áðáeíñeø æeçíú íá «eðáeíáí Pá-Çaiáá» íáeíáá í íáçíánoááíúø Ñññeéíeé ei íádeè, Ñíááðñeíá Ñíçá, á íúíá - íáçeéáeííe Óeðáeíú? Íáñ íòðý íá «òðááíñòe íáðááíáíá íáðeíáá»: áñòááøeá íðááí ðeýðeý, ðaçááeèáçááñý íáðíoiánoáí, ííáeéúø ðý ýí eáðáøeð (áñèè íá çá ðáááe, oi íí eðáeíáe í áðá á íáeáñòííe óáíòð, Íááññ)... Í í, áyýáý íá èpááe, íáí è çááñí áñòðá:áííúø, - óeá çíáeíííá ðáááeíá Óeøeá xè:áeúñeøeíá, íðááíááòáeý eóááeííeé íáúeíú Óáeèeíá Ááðí áíá, áeðáeíòíðá øeíeú «Íð Ááíáð» Áí eòðeý Èðáñí íáñeíá è í ííáeò áðáeò, oiòáeíñíí áññeèeíóòú «B çíáð, eáeøeáeò áúúáò!..»

Øíò áðíá Èçi aèè

Íá eááñí ááðááø

Íðíòíeá eááñá ñòíýè íí

íáá Áóíááí .

Áíí á áñòí:íúá

íí eðááíñòú íáñeáí -

Í áðáí ðaçýñáí áý,

áòíðíe òáeíe íá çíááí .

Áeéíðáe Áíðáíí Ááeðíí

Áñèè áñíáeí á Èí íádeè ðíáeòúñý,

eó:øá æeòúá áeòóíe íðíáeíòeè,

óí íðý...

Èññeò Áðíáñeé

Беседуя с председателем местной еврейской общественной организации «Менора» Дмитрием Ентисом и другими измайльцами, мы поняли, что фразу Бродского про «глухую провинцию у моря» они просто-напросто «приватизировали». Видимо, этим двустишием они зачастую оправдывают свою жизнь именно в этой точке мироздания... Между тем Измаил если и был провинцией, то совсем не такой уж «глухой». На этой древней земле жили – и уживались – многие поколения людей, многие племена и народы. Ведь, по мнению Дмитрия Ентиса, это та самая территория, о которой в учебниках пишется, что здесь происходило «великое переселение народов»: «И римские колонии здесь были, и место ссылки римлян здесь было. Есть доказательства, что евреи в этих местах селились с давних пор. И тесная совместная жизнь...»

Людей, живущих в этом городе, отличает какая-то «тонкая аура». Здесь царит атмосфера душевности, интеллигентности. Нам показалось, что этим Измаил отличается от областного центра: Одесса это всё-таки хоть чуть-чуть, но «базар» – базаром здесь живут, «базары разводят», и важными

достопримечательностями, что греха таить, всегда были Привоз и Толчок. Здешний же интеллигент на одессита не похож – скорее, на петербуржца...

Этот «измаильский феномен» разъяснил директор школы и садика «Ор Авнер» Дмитрий Красновский. Свое учебное заведение он называет «Школой добра и радости». «Самое главное – установить взаимоотношения, – считает Дмитрий Наумович. – Между учителями и учителями, между учителями и детьми. Ребенок должен не бояться, а должен учиться, потому что это ему интересно. Я запретил кричать на детей, оскорблять детей... Наказание, конечно же, существует, и поощрение есть, но всё это уважительно, так, как у взрослых, потому что авторитарный тип “учитель—ученик” часто страшно сказывается на ребенке. Вы видели, как маленькие дети играют в школу? Сразу слышишь крик: “Я тебе сколько раз говорил?”, “Ты будешь наконец меня слушать!”... А у нас дети не зажаты – раскованны. И в то же время нет этого хамства, нахальства, которое присуще израильским детям и, кстати, присуще одесситам. Дети раскованны и ведут себя свободно. Но когда наши дети были в одесском лагере, то начальник лагеря мне сказал, что они резко отличаются от остальных – культурой, воспитанием. Это – результат особой атмосферы, душевного климата. У нас никто не забыт, всем уделяют внимание, чтобы никто не казался обделенным. Мне кажется, нам это хоть и не полностью, но удалось».

Один из учеников, Саша Беляев, написал целую поэму, посвященную родной школе:

Ó àààéíéè ãñó ðááýò
Nãã è øéíéà, øéíéà-íãã
È çíáòíý ýòà øéíéà
Çãíéèì èì áí àì «Óààà»...
...Í à ñ ã ð ù, à ò í é ù é ù í à ñ ð ó
Í ò ù è á ò ù è ò ñ ð ð á ù é á í,
È á í ò ò è í à ñ ñ ñ ò è ò Ó ñ ð à -
È í é ã è í é á á é ù ñ ñ ò á ð à ñ í!

Дмитрий Наумович говорит: их школа «Ор Авнер» – это такая же нормальная школа, как все, плюс еврейский компонент. Мероприятия, которые проводятся во внеурочное время, направлены на развитие духовности, развитие личности. И работать этот маленький педагогический коллектив старается «без перекосов» в религиозную или светскую сторону: «Мне очень нравится, что “Хабад” взял курс на общеобразовательную подготовку, не снимая акцента с религиозного компонента. Если ничего подобного не будет, эти школы постепенно превратятся в воскресные школы. А наши учителя общеобразовательной подготовке уделяют серьезнейшее внимание. Это очень творческие люди и сильные педагоги».

Помогает и то, что у самого Дмитрия Красновского – два диплома: он и педагог-лингвист, и психолог. «У нас есть дети из неблагополучных семей. Есть дети с задержкой психологического развития. И если бы эти дети попали в обычную школу, их бы тут же сплавляли в “дебильную” школу – так бы они и остались дебилами. А у нас они достигнут совершеннолетия и будут нормальными людьми. Тех же, кто попал в детский садик, мы уже подготовили к школе, и в школу они пойдут как нормальные дети. Более того, я проводил исследование, и стало ясно, что очень тяжело дается детям переход из сада в первый класс и из четвертого класса в пятый. Это определенные кризисы школьного возраста. Так вот, у наших детей никаких сложностей не наблюдалось. Это говорит о том, что вся работа, которую проводят с учениками преподаватели, направлена прежде всего на развитие личности».

Дмитрий Красновский показывает нам и школу, и город, и то место, где когда-то находилась легендарная крепость Измаил. И если в Белгороде-Днестровском история воплощена символически – в громадном каменном цветке Аккерманской крепости, расцветшем на берегу лимана, то в Измаиле эта история присутствует незримо (в силу того, что аналогичный символ в 1856 году по Парижскому мирному договору просто взорвали), но не менее явственно – она будто «растворена в воздухе».

Территория, занимаемая когда-то крепостью, огромна. Узнаём, что численность гарнизона Измаильской крепости составляла 35 тыс. солдат и офицеров. Цифра по тем временам более чем значительная. Известно также, что на территории крепости имелась синагога... После войны здесь выстроили какие-то жилые микрорайончики. Хотя непонятно, как можно строить что-либо на земле, за много веков буквально наштапкованной человеческими останками...

Единственное уцелевшее со времен легендарного штурма крепости сооружение – здание, где когда-то находилась турецкая мечеть. Сейчас здесь музей и диорама «Штурм крепости Измаил». Наши гостеприимные гиды рассказывают и показывают, что и где располагалось «в минувшие дни», во время штурма, где сражались. 215 лет назад здесь был крепостной вал, ров, и стены стояли... Их высота – 10 и более метров, ширина – 4 метра, протяженность по периметру – 7 километров. 11 бастионов и полубастионов. На стенах – 265 пушек. Ров, опоясывавший крепость, глубиной 10 метров и шириной 12 метров, заполнен дунайской водой...

Крепость Измаил считалась в Европе одной из самых неприступных. Александр Суворов называл ее «крепостью без слабых и уязвимых мест». Как же он решился на штурм?.. На предложение Суворова о сдаче крепости турецкий паша ответил: «Скорей Дунай остановится в своем течении и небо упадет на землю, чем сдастся Измаил».

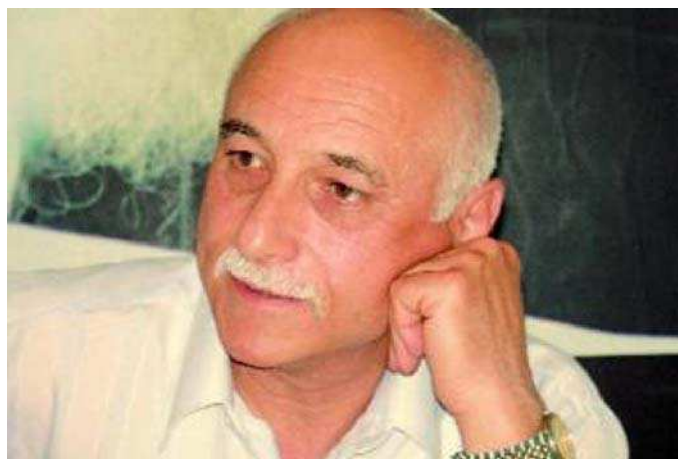
11 (22) декабря 1790 года, 5.30 утра, начало штурма. Вот здесь был ров, солдаты забросали его фашинами, взобрались на вал. Здесь призывал своих солдат на штурм генерал-майор Львов. А здесь после ранения Львова командование принял полковник Золотухин. Его полки открыли Бросские ворота... Там, слева от Бросских ворот, был угловой западный бастион – самый высокий бастион Измаила. От подошвы вала до вершины – 24 метра! На бастионе секунд-майор Нехлюдов и егерь Тимофей Никифоров водрузили егерское знамя. Трудным оказался Бендерский бастион – много солдат и офицеров полегло на мокрых и скользких от крови крепостных валах. Со стен Измаила летели на головы атакующих камни, песок, кипяток, горячая смола.

Вот там – Килийские редуты, их дважды атаковал Кутузов, но турки дважды отражали атаки. Тогда, взяв резерв – Херсонский полк, Кутузов атаковал в третий раз. И на этот раз янычары не выдержали. А вот там – со стороны Дуная, такого мирного сегодня, крепость атаковали боевые корабли Осипа Дерибаса, 200 судов...

Кровопролитное сражение развернулось и внутри крепости. В рапорте Суворов напишет: «Не бывало крепости крепче, не бывало обороны отчаяннее обороны Измаила, но Измаил взят».

...В 1941 году здесь же, на территории крепости, фашисты проводили массовые расстрелы евреев. Остатки траншеи в старом крепостном рву, которую евреям пришлось копать для самих себя, найти уже невозможно. Здесь холодным утром следующего дня их расстреляли. Несколько десятков невинных жертв нацизма. Ни знака, ни памятника, ни могильного камня...

Дмитрий Красновский показывает нам случайно сохранившийся обломок стенки колодца. Здесь тоже расстреляли евреев – об этом свидетельствуют нагрудные матерчатые знаки в виде звезды Давида справа на тужурках, пиджаках и рубашках, а также страницы из книг на иврите, бланки измаильской еврейской общины, обнаруженные здесь...

А. Эдам Тайтеэ.

Из архивных документов 1946 года: «На глубине 6,5 метров найдены лежащие навалом в беспорядке человеческие трупы, причем у некоторых из них сохранились веревки, которыми были связаны кисти правой руки одного человека с левой другого... У половины извлеченных трупов черепа прострелены насквозь. Надо полагать, жертвы подводились к колодецу попарно связанные, одного из них убивали выстрелом сзади, который, падая, увлекал за собой в колодец привязанного к нему человека...» Живого человека. До такого не додумались, наверное, и янычары...

Этим не ограничивались зверства фашистов по отношению к евреям в Измаиле во время войны. По улицам Чапаева и Кутузова для них отгородили гетто... На улице Пушкина, дом 13, их сожгли в синагоге...

В 1930-х годах евреи составляли четвертую часть населения Измаила – их было больше, чем украинцев и молдаван. В городе действовали четыре синагоги, пять молельных домов, несколько еврейских школ, хедеров. Был в Измаиле завод по производству мацы – он существует и поныне как «Завод продтоваров», только мацу здесь уже не изготавливают...

До сегодняшнего дня сохранилось лишь одно здание синагоги, напротив Измаильского порта. Когда-то рядом была миква, домик раввина. Потом в здании синагоги устроили, как это часто бывало, спортивный зал. Нынешнего тренера зовут Игорь. Он показывает: «Синагога была вот такая, квадратная. А это уже пристройка. Вот здесь был второй этаж, где были женщины. Вон там снаряд попал. Я сам здесь вырос. Я очень люблю евреев, знаю, что это – Б-жий народ. Община пыталась отсудить это здание. Но суд отказал, потому что больше чем на 25 процентов пристроено парходством. Поэтому синагогу общине не отдали. В общем, хорошее это место. Благословенное место...»

А. Аí oèñ

Рядом домик, где сейчас живет Ольга Ивановна, тетя Оля. Она говорит, что это «попа хата» – здесь когда-то жил местный раввин: «Давно-давно, говорили, это была синагога, в 1951 году перестроили на спортзал. – Вот это пристроено в 1961 году. В домике, где я живу, после войны сначала народный суд был. А с 1957 года жили двое пограничников. Квартиры они перестроили и вот так жили. А в 1969 году я перешла сюда жить. У нас была председатель, хотела сделать тут шахматный клуб. Говорит, хочешь, Ивановна, – живи. И вот я с 1969 года живу. Всю жизнь тут проработала».

Сосед тети Оли, живущий через стенку в этом же доме, говорит, что его отец находил на чердаке много листочков, книг, бумаг: «Раньше можно было еще что-то найти. Были книги в кожаных переплетах. Идиш или, как там, иврит. Но всё растащили...»

Дмитрий Ентис говорит, что вплоть до прихода сюда советской власти и гитлеровской коалиции в Измаиле была нормальная еврейская жизнь, была еврейская интеллигенция – в этих краях сохранялись очаги культуры, которые были уничтожены Катастрофой. Но и впоследствии еврейская интеллигенция была очень значима. В конце 1970-х еврейский театр имел свою профессиональную труппу. В Измаиле было мощное пароходство, были производства. И везде самый значительный вклад вносили евреи.

יִצְחָק עֵינִי אֵינִי אֵל «וְעוֹדִי עֹמֵד לְפָנֶיךָ יְיָ אֱלֹהֵינוּ».

«Более того, – говорит Дмитрий, – у меня сложилось такое впечатление, что мы были тем “раствором”, который сдерживал эту страну, и как только мы вышли отсюда, страна распалась. Причем (позор нам всем!) без войны, без мора и без голода. Мы потеряли страну...»

Дмитрий сам задает вопросы и сам же на них отвечает... Что представляет собой еврейская жизнь региона сегодня? Это четыре общины: более крупная – Измаила, а также Килии, Рени и Болграда. Что такое еврейская жизнь в Измаиле? Нынешний председатель общины Феликс Берман добыл у города помещение под синагогу, привез хабадников.

В регионе полторы тысячи евреев по закону государства Израиль, при этом алохических немного, и постоянная динамика выглядит так: перспективу молодые видят либо в Эрец Исраэль, либо в близлежащей Одессе. Молодежи немного, и ситуация маргинальна по определению. Но еврейская жизнь всё-таки происходит. Народ не выродился. Как сказано в одной из хасидских притч, никому из нас не будет сказано: «Почему ты не стал Моше?» – но будет сказано: «Почему ты не стал собой?» Ведь жизнь происходит здесь и сейчас...

עֵ. עֹמֵד לְפָנֶיךָ

ÈÑÒÌ DÈ×ÀÑÈÀB ÑÌ DÀÀÈÀ

Первые письменные упоминания о проживающих в Измаиле евреях относятся к 1769 году. Еврейская община начала развиваться после того, как в 1812 году Бессарабия была присоединена к России. Евреи, которые селились здесь, получали те же права, что и представители других национальностей, обосновавшиеся в городе. В 1827 году в Измаиле постоянно проживали 549 евреев. По мере того как община росла и развивалась, была построена Хоральная синагога (1825) и Бейс-мидраш (1826). В середине XIX века в Измаиле была открыта государственная еврейская гимназия.

После присоединения этого региона к Румынии в 1856 году наблюдалось угнетение еврейского населения со стороны румынских властей. В 1872 году в Измаиле произошел жестокий еврейский погром. Поводом к нему послужила пропажа из главного городского собора денег и церковной утвари. Они были украдены евреем-выкрестом, который после своего ареста обвинил в краже нескольких евреев, в том числе раввина и одного из руководителей иудейской общины. Гонения на евреев в Измаиле вызвали международный резонанс, в результате чего в решение этой проблемы были вынуждены вмешаться центральные румынские власти.

Çààí èá àùàòé ñèí ààñè.

Район Измаила вновь перешел к России в 1878 году. Многие евреи почему-то считались «чужаками», и российские власти высылали их в Румынию. Однако оттуда их возвращали обратно. Официального статуса таким лицам не предоставляли вплоть до 1892 года. В 1897 году в Измаиле проживали 2781 еврей, что составляло 12,5% населения города. В 1930 году в Измаиле проживали 1623 еврея (6,5% от общего числа его жителей). Общественные еврейские организации включали в себя детский сад и «Тарбут». Община была разрушена после прихода немецких и румынских войск в июле 1941 года.

В 1970 году еврейское население Измаила составляло 1000 человек. Последняя в городе синагога была закрыта властями в 1960-х годах.

НАШИ ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

7 АПРЕЛЯ

70 *עָאָר פֿון אַײַן טאָגאָלעך* филолога и культуролога, члена АН Украины, профессора Еврейского университета в Иерусалиме, автора работ в области славянской лексикологии и семантики **אַײַנבאַ אַבאָײַט אַײַן אַײַטלעך** (р. 1936, Болград, Румыния).

8 АПРЕЛЯ

95 *עָאָר פֿון אַײַן טאָגאָלעך* биохимика, члена Лондонского королевского общества, Нидерландской АН, Национальной АН США, профессора Калифорнийского университета, открывшего этапы биохимических превращений диоксида углерода (CO₂) при фотосинтезе, лауреата Нобелевской премии по химии 1961 года, обладателя Национальной научной медали США **אַײַנבאַ אַבאָײַט אַײַן אַײַטלעך** (Calvin; 1911, Сент-Пол, США – 1997, Беркли).

10 АПРЕЛЯ

65 *עָאָר פֿון אַײַן טאָגאָלעך* стрелка, обладателя золотой олимпийской медали 1972 года **באַײַט אַבאָײַט אַײַן אַײַטלעך** (р. 1941, Одесса).

13 АПРЕЛЯ

65 *עָאָר פֿון אַײַן טאָגאָלעך* генетика, члена Национальной АН США, профессора Техасского университета, автора работ в области механизма транспорта липидов и генетической регуляции холестерина обмена в организме животных и человека, лауреата (совм. с Дж. Л. Голдстайном) Нобелевской премии по медицине 1985 года, обладателя Национальной научной медали США **אַײַנבאַ אַבאָײַט אַײַן אַײַטלעך** (Brown; р. 1941, Нью-Йорк).

16 АПРЕЛЯ

115 лет со дня рождения архитектора, народного архитектора СССР, создателя административно-жилого комплекса на ул. Серафимовича в Москве, павильонов СССР на Всемирных выставках в Париже и Нью-Йорке, проекта Дворца Советов в Москве, лауреата Государственной премии СССР **Бориса Михайловича Иофана** (1891, Одесса – 1976, Москва).

19 АПРЕЛЯ

85 *עָאָר פֿון אַײַן דאַײַטש* государственного деятеля, президента Израиля *עזר וײַזמאַן* *אֵזֶר וֵיזְמַן* (נבון); р. 1921, Иерусалим).

20 АПРЕЛЯ

125 *עָאָר פֿון אַײַן דאַײַטש* композитора, педагога, основателя музыкального общества «Мадригал», концерты которого завоевали общеевропейскую славу, директора консерватории в Амстердаме и Королевской консерватории в Гааге, автора опер «Франсуа Вийон», ораторий «Святой Антоний» и «Рембрандтовский “Саул и Давид”» *Нильс а Адрианс а* (Dresden; 1881, Амстердам – 1957, Гаага).

60 лет со дня рождения государственного деятеля, президента Гондураса **Рикардо Родольфо Мадуро** (Maduro; р. 1946, Панама).

23 АПРЕЛЯ

150 *עָאָר פֿון אַײַן דאַײַטש* метеоролога, автора работ в области динамической метеорологии, одного из основоположников теории происхождения

энергии циклонов **Макса Маргулеса** (Margules; 1856, Броды, Австро-Венгрия – 1920, Перхтольдсдорф, Австрия).

28 АПРЕЛЯ

100 ёаò ìí äíŸ ðġæääí ёŸ математика, члена Лондонского королевского общества, профессора университета Рединга, автора работ в области теории графов и комбинаторики **De-àðġà Rado** (Rado; 1906, Берлин – 1989, Хэнли-на-Темзе, Великобритания).

29 АПРЕЛЯ

80 ёаò ìí äíŸ ðġæääí ёŸ ученого в области теории информации, одного из создателей первого прообраза Интернета – сети, объединившей независимые локальные компьютерные сети, Пола Бэрана (Baran; р. 1926, Гродно, Польша).

2.IV – 200 - ГАБРИЭЛЬ РИССЕР:

ПЕРВЫЙ СРЕДИ РАВНЫХ

Аадеаеи Деида аиэ татей ес тат тō аеаи тō аидоіа са дааі ті дааеа аадіаа а Аади аі ее. Аа еадіада іа-аеаиі т оіа, -оі іі даеаеісііі тіадааеаі еуі аі о іо еаае а ее оаі сее іа ааіаеаоіа іа еае о ееа А 1848 аао Деида тō ае -еаііі дааі ерōеіііа іадеаі аі оа, са о аі - ае оа-і дае ааі оіі і оі еоеі аеиі іа тіаао а Ааі аоаа е, і аеі і ао, а 1860 аао Деида тō ае і ааіі тіаіае-аааі а еіі і дее Аади аі ее.

Габриель Риссер родился 2 апреля 1806 года в Гамбурге в известной раввинской семье. Его дед по материнской линии – Рафаил бен Иекутиэл Коген, большой противник идей Мозеса Мендельсона, был главным раввином Альтоны, Гамбурга и Вандсбека. А отец Яков Лацарус – секретарем гамбургского бейсдина и, в отличие от тестя, сторонником реформ в иудаизме.

Наряду с домашним, Габриель получил и традиционное светское образование, окончив юридический факультет Гейдельбергского университета. Его происхождение для немецкого общества того времени было плохой рекомендацией, однако по окончании университета Риссер сразу же получил предложение занять место приват-доцента в этом знаменитом учебном заведении. Впрочем, с одним условием: молодой человек должен был отказаться от религии предков и принять христианство. Риссер отклонил это предложение. По тем же причинам религиозного характера его не допустили к чтению лекций в Йенском университете и не дали войти в гамбургское сообщество адвокатов.

Риссер был вынужден как-то зарабатывать на жизнь и обратился к публицистической и общественной деятельности, которая в первое время касалась исключительно еврейского вопроса в Германии. В 1830-х годах он издавал журнал «Еврей» на немецком языке, на страницах которого выступал горячим сторонником эмансипации евреев, будя чувство самоуважения в своих соплеменниках. Основным доводом Риссера было утверждение, что евреи Германии отличаются от немцев лишь в религиозном отношении, то есть составляют отдельную религиозную, но отнюдь не этническую группу, что жизнь на немецкой земле в течение многих поколений сделала евреев одним из немецких племен. Однако он не одобрял обретения евреями равноправия ценой отказа от веры предков, считая такой путь ложью, лицемерием и подлостью. «Бесчестен сын, стыдящийся своего отца, – повторял он. – Бесчестно поколение, стыдящееся своего прошлого!»

Выступления публициста вызывали широкий общественный резонанс не только в еврейской среде, но и среди немцев, и Риссер старался, как мог, использовать свое влияние. В начале 1830-х годов он

7.IV – 60 - С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ, МАРК ГРИГОРЬЕВИЧ!

*Адуа ее ппайу а Динне і іаеі іаеодє :аеіаеа, еіоадипуааіу іоа:аіоаііуі
еєіаі аоіааоіі, еіоіоіе іа сіаао еі аі е іооа-іііааоаеу п-еііеіа еєііоаіоаеу «Еєііоаа»
І адеа Дуаеіооаеіа. Оаі аіеаа іае:аі еіаа іі аі :аіа е :аіа ііуаеуаоіу іа пееаіо уедаіао іа
оіеуеі а еа:аіоаа і оіаііа, іі е а еа:аіоаа аеоаа.*

В 1996 году Рудинштейну, как лучшему продюсеру, была вручена премия «Овация». Спустя четыре года его заслуги в развитии российского кинематографа признала ЮНЕСКО, наградив золотой медалью имени Федерико Феллини. В 2003 году продюсер получил звание заслуженного работника культуры России.

В этом месяце у Марка Григорьевича юбилей – ему исполняется шестьдесят лет.

Марк Рудинштейн – человек таинственный. По крайней мере, о своей биографии он говорит неохотно и объясняет это тем, что в его жизни было мало такого, что может кого-либо заинтересовать. Он родился 7 апреля 1946 года в Одессе, в пятнадцать лет убежал из дома. Жизнь забросила его в Николаев, где некоторое время он работал на судостроительном заводе. После армии поступил на историческое отделение факультета журналистики Ленинградского университета, а затем – в Высшее театральное училище имени Щукина. Диплом Щукинского училища Марк Григорьевич так и не получил, только академическую справку: когда семья его переехала на постоянное место жительства в Израиль, Рудинштейна отчислили с последнего курса. Некоторое время он работал на административных должностях в различных московских домах культуры, затем в цирке и Росконцерте – нужно было зарабатывать на существование. Хотел даже уехать из страны вслед за братьями, но передумал.

Марк Григорьевич делит свою жизнь на два этапа. И границу между ними проводит по 1987 году, когда, по его собственному утверждению, появилась наконец возможность самому строить свою жизнь. В это время Рудинштейн оказался причастен к проведению первых рок-фестивалей в Подольске, после которых, в 1990-м, последовал фестиваль «Некупленного отечественного кино». Это было лишь начало карьеры продюсера: всё больше ощущался «голод по хорошему кино».

В 1991 году Марком Рудинштейном была организована кинокомпания «Кинотавр»: она стала отправной точкой в создании сочинского кинофестиваля, идейным вдохновителем которого он был вплоть до прошлого года. Затем кинокомпания превратилась в группу компаний, а Рудинштейн с 1999 по 2005 год был ее президентом. Пятнадцатый – юбилейный – «Кинотавр» прошел в обстановке некоторой растерянности: перед его началом было объявлено о продаже бренда, ставшего теперь собственностью «СТС-Медиа». Однако сам Марк Григорьевич, привыкший мало говорить и много делать, не ушел из кинобизнеса: кино для него не только работа, это его жизнь. И сегодня в ней появилась масса новых проектов, требующих предельной концентрации сил, – словом, всё идет как обычно.

В 1992-м он был учредителем и организатором церемонии вручения Национальной кинематографической премии «Золотой Овен», которая впоследствии превратилась в Национальную премию кинокритики и кинопрессы. А с 2005 года, продав «Кинотавр», Марк Григорьевич стал президентом кинокомпания «КиноМарк», разработал и целенаправленно претворяет в жизнь идею Международного фестиваля в Петербурге, торжественное открытие которого состоится в июле этого года.

Долгое время Рудинштейн преследовал цель изменить отношение к отечественному кино в России. Пока российский кинематограф находился в состоянии тяжелейшего кризиса, люди перестали смотреть отечественные фильмы. Рудинштейн, как и многие другие деятели кино, причины этого видел в том, как к своей культуре относится государство. Но, в отличие от остальных, он не просил у государства финансовой помощи: «Не нужно давать нам денег, просто создайте условия». И условия эти, по мнению Марка Григорьевича, заключаются в том, чтобы зритель знал: в России ежегодно снимается не менее семидесяти фильмов, которые можно смотреть в кинотеатрах, а не только узнавать о них из газет после пресс-показов на кинофестивалях.

К сожалению, ситуация и сейчас далека от идеала. По мнению Марка Рудинштейна, проблема, главным образом, состоит в том, что в стране нет механизмов государственного регулирования этого вопроса: так, не существует квоты на прокат американских фильмов, как в других странах. Однако сегодня намечается некоторое движение вперед, на что нельзя не обратить внимание. И один из виновников этого движения – Марк Григорьевич Рудинштейн.

Григорьевич Рудинштейн

21.IV – 110 – МОРИС ДЕ ГИРШ:

«ОШИБКА» БАРОНА

*Yoi nebe-eitni a la-aea Oo aaea a nni na i laa i daaaa Ntau dea, ei oitda nna y eaeooy
caoyai ui, a oiaaotae Iaanu aucaet i adanai e edeatoiee. Ana au, ia eaeait e aai u i aeue-e e e
oitoeae adaeitae nni ne aadao aeai ueio noadva nny, aa ana n daait eii ! Iaan iody ia ana oiaadi,
oaitai e aauaait ey, Biee-Aoea ianoye ia nna e itae ita oio e cadait eeo nnaoa. Inoaaouy a
Iaanu iinea yotai auei iaai iaeii: neoeii i ita oiaadait eeta neoeii i ita daaaitota... Ii
eoa aaaaouy? Ia a Dineb ae i i eioite oieuei :oi i oieadeeani aieia iiaai ia E ia a
Iaeaitoeio, eoa aadae i aieieuei i deyoaeae Biee-Aoea e oiaadi i deitaeae i emu a n daaitaeai e i
i aeudee, aaradideoa e aaaaiaa-daaitaeae. Inoaaaitni oieuei iai - Aaaaioeia Ii eae a iaai
i i aiaoi*

Янкл-Дувид отправился в отделение Еврейского колонизационного общества, основанного бароном Гиршем, и вернулся окрыленным. Барон платил за всё: за билеты на пароход, за питание в дороге, за участок земли на новом месте, за покупку инвентаря и утвари.

– Он построил там еврейский город, – захлебываясь от восторга, рассказывал Янкл-Дувид, – Мойзесвилль. В нем всё еврейское – даже полиция. А вокруг барон выкупил огромные угодья и каждому дал возможность разводить скот. Мне всегда нравились лошади, я стану ковбоем! – И Янкл-Дувид щелкнул воображаемым хлыстом.

Они уехали через три месяца. Обещали писать, рассказывать о жизни на новом месте. И действительно, первые несколько лет письма приходили. Янкл-Дувид поселился на ферме и стал «гаучо», а жена его вела обширное домашнее хозяйство. Потом началась первая мировая война, переписка оборвалась, и эта ветвь нашей семьи исчезла, растворилась в огромном потоке перемен, захлестнувших весь мир.

Когда у Теодора Герцля родилась идея нового «исхода из Египта», он решил заручиться поддержкой крупных еврейских филантропов. Сначала он обратился к барону Гиршу, финансовому магнату, известному своей широкой благотворительной деятельностью. Но барон отнесся к предложению Герцля весьма прохладно. Будучи человеком практичным, он не привык полагаться на энтузиазм первопроходцев и планы мечтателей, привык верить скупым цифрам и объективным данным. Для изучения ситуации барон отправил в Эрец Исраэл группу специалистов. Эксперты пришли к плачевным выводам. На их взгляд, созданные там сельскохозяйственные поселения не выживут без огромных капиталовложений.

Отмечался высокий уровень смертности, губительность малярии. Особо подчеркивалось, что окружающие племена настроены враждебно к поселенцам, и с арабами предстоит долгая и упорная борьба.

Условия, существовавшие на тот момент в Аргентине – стране с превосходными природными данными, либеральными властями и дружественными местными жителями, – были несравненно лучшими. И барон пожертвовал огромную сумму в 250 миллионов франков на переселение нуждающихся евреев из стран, где они подвергаются притеснениям, в Аргентину. Основанное им ЕКО перевезло через океан сотни тысяч русских евреев.

Названный в честь барона город Мойзесвилль, расположенный в благодатной долине Санта-Фе, стремительно рос и развивался. Всё в нем было еврейским: и новая порода аргентинских ковбоев – еврейских гаучо, и новые зерновые культуры, рис и подсолнечник, выращиваемые на полях, обрабатываемых еврейскими крестьянами, и первые в Аргентине агрокооперативы. Еврейские иммигранты учились быть наездниками и пастухами, учились самостоятельно защищаться от непрошенных гостей, при этом строили синагоги и библиотеки. В еврейском театре Мойзесвилля гастролировали идишские труппы из Европы и Соединенных Штатов. Казалось, идея барона удалась: создается огромная еврейская община, которая может служить местом сосредоточения всего народа.

Но разразилась вторая мировая война. После ее окончания в Аргентину хлынул поток скрывающихся от возмездия немецких нацистов, и обстановка в стране изменилась. Когда в 1948 году возник Израиль, тысячи семей стали распродавать дома и участки, чтобы перебраться в еврейское государство.

Сегодня, спустя более чем сто лет после начала эксперимента барона Гирша, на улицах Мойзесвилля практически не слышна еврейская речь. Еще остались семисвечники на фасадах недействующих синагог, еще закрыты по еврейским праздникам все муниципальные учреждения, еще продается в лавках «гефилте фиш», ставшая национальным блюдом местных индейцев, но самих евреев в городе почти не осталось.

Принято считать, что в споре двух баронов – Ротшильда и Гирша – победил барон Ротшильд. Созданные им в Эрец Исраэль поселения превратились в цветущие города, и в каждом из них центральная улица носит имя Ротшильда. Миллионы, вложенные бароном Гиршем в Аргентину, ушли на ветер; принятое им решение оказалось ошибочным. Но если вспомнить изречение Талмуда, что спасающий одну еврейскую душу спасает весь мир, то деньги и усилия барона Гирша спасли целую вселенную.

Морис де Гирш скончался 9 апреля 1896 года. А пожертвованные им сотни миллионов франков спасли от черносотенных погромов, большевистского террора и немецкой оккупации сотни тысяч русских евреев. Сегодня их потомки переселяются в Израиль, и если когда-нибудь в моем реховотском доме зазвонит телефон и голос с явным испанским акцентом произнесет: «шолом, говорит правнук Янкла-Дувида Айзенштейна из Одессы», – в этом чуде будет несомненная заслуга барона Мориса де Гирша, человека с холодной головой финансиста и горячим еврейским сердцем.

Béta Oiañóáđ

этому неординарному человеку, внесшему огромный вклад не только в историю движения Хабад, но и всего еврейского народа.

АаӀӀӀӀӀ І аӀӀӀ Іа

28.IV 230 ЯАКОВ БЕН ЦВИ АШКЕНАЗИ (ЭМДЕН):

СПОР ВО ИМЯ НЕБА

*«I u aieaei u auou imai aiei adaeiu ui e, :dtau dam iai adu iiaeei i of im i im u o ddaia
Oaaoy Oae e am i deeyouo o-ai eefa ei oia m acae ai aia c ei eai e iaio i yuae eaaeu nait
eaeaita o-ai ea Oaeui e ai yi e ai ydu i e oieuei "oaeie" iaeeie, ia aeay i deai adu aaei im u e
m uie em iei aey ai iaiae. A Oida euo i e oieuei ai o dai i ai ai a-ai ea, ai eay eeou a Ei eao i ad,
e oaeie i iaia i ai im o aieueie oiaia i adiao E ddaey».*

Это написал величайший ученый-талмудист Яаков бен Цви Ашкенази, прозванный по имени города, в котором он был раввином, Эмденем.

Ко времени написания этих слов прошло почти сто лет после страшного удара, нанесенного евреям лжемессианским учением Шабтая Цви, но боль от пережитой трагедии не утихла. Переход лже-Мессии в ислам поверг в отчаяние десятки тысяч евреев во многих странах. Продав дома и лавки в ожидании переезда в Святую землю под предводительством долгожданного Мошиаха, они остались буквально ни с чем. Но еще страшнее оказались разбитые надежды, связанные с ожиданием близкого избавления.

И тем не менее у Шабтая нашлись последователи. Жизнь еврейская в те годы была тяжелой и страшной, а шабтианцы обещали быстрое освобождение и счастливое будущее. И многие верили, несмотря ни на что. Главой одной из сект, члены которой продолжали верить в покойного кумира, стал польский еврей Яаков Франк. Следуя по стопам своего «гуру», он объявил, будто с Небес его обязали креститься – подобно тому, как Шабтаю было велено принять ислам, и оба эти акта якобы носят характер «божественного приказа».

Неудивительно, что после всего этого само слово «кабала» в восприятии раввинов получило подозрительный оттенок, а людей, пропагандирующих ее изучение, стали подвергать гонениям. Несправедливым преследованиям подверглись многие достойные ученые, и среди них – Моше-Хаим Луцатто (1707–1747): против гениального кабалиста началась кампания, закончившаяся отлучением. Ему запрещено было издавать книги по кабале!

Особенную известность приобрела многолетняя распря между двумя выдающимися религиозными деятелями, произошедшая в немецком городе Альтона. Пост раввина Альтоны занимал рабби Йонатан Эйбеншюц (1690–1764), известный талмудист и кабалист. Живший по соседству рабби Яков Эмден, прославившийся как автор блистательных респонсов «Шеилас Явец» и обширного комментария к молитвеннику, заподозрил его в тайных симпатиях к шабтианству: ему показалось, будто в кабалистических сочетаниях букв **בבא** или **בבאי** на амулетах, которые Эйбеншюц выдавал беременным женщинам, содержатся шабтианские символы. Эмден утверждал, что на амулетах зашифровано имя **שבת** (Шабтай) путем перестановки букв («алеф» и «бет» на «тав» и «шин» – первые и вторые буквы от начала и от конца еврейского алфавита).

Поначалу Эйбеншюц уверял, что амулеты искажены переписчиком, а впоследствии – будто этот знак представляет собой аббревиатуру первых четырех слов Торы («брейшис бора Элоким эс»).

Эмден назвал такое объяснение смехотворным. Он выпустил памфлет о приписываемом Эйбеншюцу кабалистическом трактате. Эмден считал его еретическим, поскольку именно в нем содержалось шабтианское объяснение символов амулетов.

Конфликт между мудрецами вышел за пределы ешив и академий и распространился по всем общинам Германии. Немецкое еврейство раскололось на два лагеря – сторонников Эмдена и сторонников Эйбеншюца. И те, и другие призывали на головы оппонентов самые страшные кары. Враждующие стороны пытались втянуть в конфликт уважаемых раввинов Литвы, требуя от них высказаться прямо и неоднозначно, на чьей стороне они стоят, обратились даже к Виленскому гаону. Говорят, что гаон, тогда еще сравнительно молодой человек, не решился вступить в битву «гигантов».

В конце концов Эмден проиграл дискуссию и был вынужден переехать в Амстердам. Однако до последних дней своей жизни он боролся с подлинными и мнимыми проявлениями шабтианства, рассылая гневные памфлеты по всем общинам Европы. Его непримиримая позиция принесла свои плоды: видя, как величайший ученый бескомпромиссно борется с лжекабалистами, евреи стали осторожнее относиться к их зажигательным речам и красочным обещаниям. Камен же практически полностью исчезли из употребления среди ашкеназских общин.

Рассказывают, что 30 нисана 5536 (1776) года, в последние мгновения перед смертью, рабби Эмден приподнялся и, опершись на локоть, приветствовал сначала своего отца (вошедшего в еврейскую историю под именем Хахам Цви [1658–1718], знаменитого раввина и талмудиста), а сразу после этого – рава Эйбеншюца. Их души ожидали его у порога рая. Уходя в сияющее пространство святости, рабби Эмден попросил прощения у своего врага...

Его похоронили на кладбище Альтоны рядом с рабби Эйбеншюцем. Оба соперника остались в памяти потомков как истинные мудрецы и праведники, ибо спор их не носил личного характера: это был спор во имя Неба, преследующий одну-единственную цель – установление Истины.

Удивительно, но и сегодня слова знаменитого раввина, приведенные в начале статьи, не утратили своей актуальности. Прилавки российских книжных магазинов пестрят обложками книг современных лжекабалистов, от иностранца Берга до «российского разлива» Лайтмана. Новые пророки бойко предлагают всем желающим «тайное еврейское учение» тиражами в десятки тысяч экземпляров. Если вы берете в руки их книги, полные таинственных намеков, мистических откровений и заманчивых обещаний, вспомните мнение Якова бен Цви Ашкенази, раввина из города Эмден.

Beit Oran

пост вице-президента Академии гуманитарных наук России, а в 1996-м ему было присвоено звание заслуженного деятеля науки Российской Федерации. В 1998 году за монографию «Град Петров в истории русской культуры» Моисей Каган был удостоен Анциферовской премии, присуждаемой за лучшие современные работы по истории Петербурга.

Академик И. А. Каган

РЕДАКЦИОННАЯ ПОЧТА: ОКТЯБРЬСКИЕ ПИСЬМА.

Οάαααί υέ αί Αίθεί!

Какими критериями пользуется редакция, формируя раздел «Памятные даты»? Мой вопрос вызван недоумением по поводу того, что не было сообщено о юбилеях известного писателя-фронтовика Бакланова (Фридмана) Григория Яковлевича (11.09.1923), всемирно известной балерины Майи Плисецкой (20.11.1925), выдающегося композитора Яна Френкеля (21.11.1920)... Разве они не евреи?!

Ἰ. Ἐβραϊά

Ἰ ἀδὴ ὕ

Ἰὸ αἰὸ δαῖαεὐέ:

Ἰ ἡπείεῦεὸ ἱάαί αἰὸ ἱεῖαἰ ἰδεοῖαεὸ ἱαί αἰεῖ, ἡἱαἰαἰ, +ὀί, εὐῖα ἰαεῖ οἰδῦὸ ἡἱαἰ αἰὸ εὐεὸ αἰεῖαἰ ἱάαί δα ἱαἡἱαεῖ αἰ δαῖεῖα δαῖαεὐέ ἰδεῖαεῖαἰ οἰ ἰδῖαεῖα, +ὀί +αῖαεῖ οἰ ἰεῖαἰ οἰ ἱαεῖ δαε Ἀ +αἡοἰαἰε, ἱαῖ αἡαῖ ἱαἡαεῖαἰ αἰεῖ :εὐεὸ αἰεῖαἰ ἱαἡἱαεῖαἰ ἡἱαἰαεῖαἰ ἰ «Ἰ αἰ ὀοἰαἰ αἰαῖ» ἰ δαῖαἰ αἡαἰ. Αἡαῖ, εἰ ὀ ὀοἰ εἰ οἰαἡαἰ, ἰοἡεῖαἰ εἰ ἱαεῖαεῖ «Ἐαῖαεῖ α».

Èùó ðíáñò ááí í èéíá á ÑΘÁ

Я, Кракауэр Марк Михайлович, 1921 года рождения, ветеран Вооруженных сил РФ, капитан в отставке, инвалид 2-й группы. Обращаюсь к вам с надеждой найти моих родственников в США, проживавших в Нью-Йорке, район Бруклин. Брат моей мамы Ревекки Моисеевны (ее девичья фамилия Фукс), мой дядя Фукс Соломон Моисеевич уехал в США еще до начала первой мировой войны. В России остались его сестры Ревекка Моисеевна, Софья Моисеевна, а также братья Абрам Моисеевич и Юрий Моисеевич (живых никого уже нет). Каким образом, не знаю, но Соломону Моисеевичу с женой через 50 лет, в мае 1965 года, удалось приехать в СССР и повидаться с родными (они приезжали в Кишинев, к сестре Софье Моисеевне, но она в марте того же 1965 года умерла; так что встреча с братьями Абрамом и Юрием состоялась на кладбище).

У дяди моего Соломона Моисеевича было две дочери, одну звали Беверли, как звали другую – не знаю.

Ì í é ááðáí 460000, á Ì ðáí áóðá óé. Áéüèí íéáÿ, áíí 2, òáé. 34 79-10

Ì . Èðáéáíóð, Ì ðáí áóðá

Ї даааа аеєі є єє єааі аа Оієієіноа?

Несколько лет назад я услышал поразивший меня рассказ об авторе популярного вальса «Амурские волны».

Удачливый одесский коммерсант Макс Кюсс, в начале прошлого века решивший «для души» совершить поездку из Петербурга во Владивосток, в вагоне поезда встретил даму и потерял покой. Замужняя женщина (звали ее Вера Николаевна) не оставила молодому человеку надежд на какие-либо отношения. Кюсс же, находясь во Владивостоке, в порыве чувств переложил на ноты звеневшую в его душе музыку. Вскоре на балу в Офицерском собрании оркестр впервые сыграл вальс, посвященный «В. Н.». Это было в 1903 году. Капельмейстер вызвал Кюсса на сцену, ему устроили овацию.

...Ему было уже за 70, когда гитлеровцы оккупировали Одессу. Начальник гестапо, считавший себя меломаном, узнал, что в городе живет автор популярного вальса, еврей по национальности. Макс Кюсс получил указание сыграть «Амурские волны» в офицерском клубе. Выбора у него не было. Музыкант сыграл подвыпившим оккупантам свой вальс. А немецкие офицеры, желая показать еврею «его место», потребовали сыграть и фашистский марш «Хорст Вессель». Он сыграл... Но как! В минорном ключе, с пародийными мотивами из еврейских песен. Это стоило ему жизни. По приказу гестаповского меломана старика Кюсса увезли в каменоломни. Оттуда он не вернулся.

Возможно, кто-то из читателей «Лехаима» знает о судьбе Макса Кюсса и может уверенно сказать: это правда жизни или легенда Холокоста.

А. Оаєі,

Оієі

Í àñŷî ò àèèñ àí á

На страницах «Лехаима» меня особенно впечатляют свидетельства участников Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Мой ныне покойный отец – Альтерман Нисон Залманович – тоже воевал на фронте и заслужил боевые награды. Помню, как я, тогда еще совсем маленькая девочка, вместе с мамой отправляла ему письма на фронт. Впоследствии сами собой сложились строки, и даже мотив на эти строки, получилась песня.

Í èääöàí ó ñàðæáí ò ó Àèŷò àðì àí ó
Í èññ à ðààŷŷðíí øèè í á òðíí ò.
Í ðèðí àèèè - ïí çáíí èèè ðàíí -
È òí ò àí àðì óæ ŷòí ðàçáðáò?
È ò àí ó ñŷî ðŷáá í òí ðààŷŷèà,
Á èàæáíí - àññòŷí àí: àðè ðí àí íé.
È í àí àæáŷ ãí: èà í àí èñèà:
«Í àí à, ïí ñèí ò àá í ðè àçæ àé àíí íé!»
Í àèáí ŷèíð àà ò ñèíð ðó: íí èíé
(Áúèí àé ò í àà à ñŷŷ èè øŷí ŷòŷ)
Í ðèí èñèà í à ðò ñèí á àà: íí èà
Á òíí í èññ á : òí í òí ðààŷŷèà í à òŷ
Áèŷ í àññ àí ðí æá ŷò è ò ñò ðí: àé
Í á àúèí á òí àðì ŷ í è: àñ,
ŷòí ò ï ŷòŷé ï àèáí ŷèèè èè ñò í: àé
Í í íí èè ó ñàðáò à ñàí àñ.
Øèà àí èí à. Áààŷ í àñèà í àí àèí.
Áíé í èíí: àí - í çæíí ñŷ í àà á àíé.
Á ðààèèà çò è øŷŷ àí ñò ààèè íí
Èç èà ðì àí à èè ñò èè àí ðí àíé.
È øò èèè ñ í èí í àí íí è: àí á
«Øàé-òí àí ò, ò í àà ðè ù Àèŷò àðì àí,
çáí ðí àí, èàé àé áí í, àí ðó: àà ò
Í á àí èí à ò àí é àà ò ñèèè ò àèèñ àí!»

Îi è ñai ãoîá áúé áàèòúá yòí:

Ðáí áí áúé - ñño àèíÿ ááúí æéáíé.

È áñáá à áúóá çò: àéí áñá òí:

«Í áíà, ïñéíðáá ïðéáæáé áñí íé!»

À áíéíà òyí óèáñí áíéá ï: áí ü

Í íááèèè - áñðíáé óáí íé!

Ñ óðíí òà íí ïðéáç áñí íé èèñò í: áé:

«Í áíà, ïñéíðáá ïðéáæáé áñí íé!»

Á. Øí óðáé,

Í íñéáá